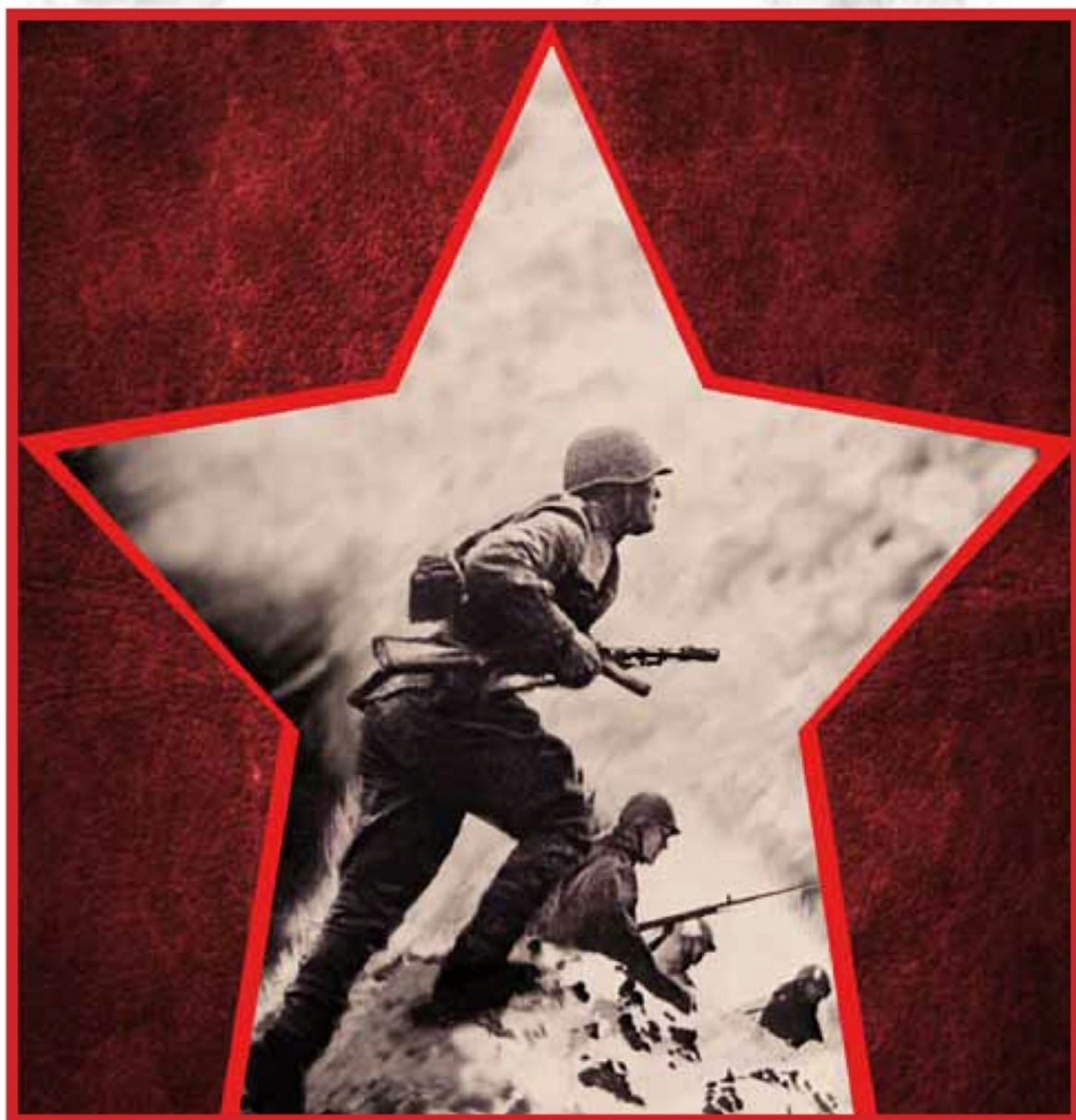

ГЕННАДИЙ ЕВТУШЕНКО

ЗАПАС ПРОЧНОСТИ

16+

Геннадий Евтушенко

Запас прочности

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Евтушенко Г. М.

Запас прочности / Г. М. Евтушенко — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Роман Г. Евтушенко рассказывает о судьбе маленького украинского городка и его жителей в годы Великой Отечественной Войны. На событиях, происходящих с членами одной обычной советской семьи показана историческая панорама военного времени: народной борьбы с оккупантами, героизма фронтовиков и тяготы концлагерей. Книга основана на реальных событиях и станет захватывающим чтением не только для людей старшего поколения, но и для всех, интересующихся историей Великой Отечественной Войны 1941-1945 годов.

© Евтушенко Г. М., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Геннадий Евтушенко

Запас прочности

Уважаемый читатель!

Если Вы держите в руках эту книгу, надеюсь, Вы ее прочтете. Мой издатель, друзья и родные считают (с моих слов), правильно, что я писал ее три года. Однако, это не совсем так. Три года – столько я сидел за компьютером и нажимал на клавиши, излагая то, что копилось во мне много лет.

Я – дитя войны. В раннем детстве у меня, да и у моих сверстников, была одна игра – в войну. С возрастом появились другие игры и забавы, но интерес к войне, к военным, к событиям тех суровых лет остался на всю жизнь. И всегда, когда и куда бы ни забрасывала меня судьба, я по-особенному относился к людям, пережившим Великую Отечественную войну.

Прошли годы, я занялся литературной работой. Пробой пера стали три повести. Потом решил: пора написать о войне.

Вот написал эти слова – «О войне» – и задумался. Неправильно это. Я пишу не о войне, а о людях. В данном случае – о людях в жестоких условиях военного времени. Так будет правильно.

Материала у меня накопилось немало: о войне в нашей семье было кому рассказать. Это и родители, и их братья и сестры, и моя старшая сестра.

О том, как выживали в оккупации, часами могли говорить мама и бабушка Екатерина Ермолаевна. В романе я даже сохранил ее подлинное имя. Она это заслужила. Да и жизнью я ей, скорее всего, обязан.

Концлагерь... Это по рассказам младшего брата мамы, Дмитрия Сергеевича Полякова (в романе – Матвей Калугин). Он прошел все круги ада концлагерей, трижды бежал, чудом остался жив. Однако лагерные истязания не прошли даром: Дмитрий Сергеевич умер сравнительно молодым в 1980 году.

Я вспоминал и по крупицам собирал рассказы о войне своих старших товарищей – офицеров, участников войны, с которыми меня свела военная служба. Это Александр Александрович Данченко, Иван Захарович Исаев, Василий Дмитриевич Кривец, Павел Леонидович Рысак и другие.

Позже мне очень помогли воспоминания ветеранов войны Юрия Николаевича Транквиллицкого, Алексея Ивановича Юдина.

Большую помощь в создании романа оказали Александр Васильевич Межерицкий и Московский комитет ветеранов войны, за что им низкий поклон и благодарность от всей души.

В романе практически нет придуманных историй. Почти все это было. Дорогие мои! Это было! Это все было... Я лишь по-своему вписал в сюжет рассказанные мне были и придел их в литературные одежды. Я старался писать ПРАВДУ.

Получилось ли? Об этом судить Вам. На Ваш суд и представляю я свой роман.

С уважением, Геннадий Евтушенко

ПРОЛОГ

И откуда взялось столько силы
Даже в самых слабейших из нас?..
Что гадать? – Был и есть у России
Вечной прочности вечный запас.
Юлия Друнина

Весна в этом году выдалась на редкость теплой и солнечной. Грозы отгремели еще в конце апреля, а потом только редкий солнечный дождичек смывал пыль с рано зазеленевших деревьев и теплыми ручейками стекал с тротуаров в придорожные канавки.

А май вообще пролетел как-то быстро и незаметно. Лиза оглянуться не успела, а его уж и нет! Июнь. На сердце у нее радостно и немного тревожно. Радостно оттого, что школе конец. Нельзя сказать, что школу и учебу она не любила. Училась легко, не особо напрягаясь. Отличницей, конечно, не была. Да и троечки нередко хватала, но мама за них не ругала. Не то что некоторых других. Мама вообще в ее учебу не вникала. На собрания в школу ходила редко, да и что там слушать? Лиза была тихоней, как говорится, тише воды ниже травы. Зоя Михайловна, классная руководительница, на собраниях ее имя почти никогда не вспоминала, а Екатерина Ермолаевна вопросов не задавала – не поминают, и хорошо. Так что радость оттого, что настал конец учебе, была не потому, что ей надоело учиться, а оттого, что с учебной детство заканчивалось. Кто ж из нас не мечтал поскорее стать взрослым? Вот и Лиза туда же. Ей казалось, что после окончания школы ее не будут считать ребенком и она сразу станет умной и самостоятельной, пойдет работать и никто не будет ей указом! Учиться дальше она не собиралась, во всяком случае сейчас, сразу после школы. А там видно будет. Ее пьянила сама мысль

о наступающей, как Лиза думала, свободе. А как же? Школу окончила – и вот тебе: взрослый свободный человек! Правда, иногда в душу закрадывались тревожные мысли: а какая она – эта взрослая жизнь? Лиза старалась их отгонять, но они время от времени возвращались и немного портили настроение, как-то приглушали радостную восторженность.

Однако по мере приближения выпускного бала она почти полностью избавилась от этих тревог. Да и до того ли было? Во-первых, хлопоты с новым платьем! Не так-то просто нарядно и правильно одеться! Не вызывающе, а именно правильно. Буланчиха, взявшаяся за это дело, уже трижды подправляла белое нарядное свое шитье. То длинное получалось, Лизе не нравилось, то короткое, мама категорически возражала. С длиной справились – рукава не те! Насилу уладили это дело.

Да и не это больше всего беспокоило Лизу. Тревожило ее больше всего – пустят ли Димку к ним в школу на выпускной. Директор предупредил, чтобы никаких приятелей. «А то, – сказал он, – только разреши посторонних приглашать, столько шпаны разной набегит – греха не оберешься! Родителям можно. Даже нужно, это само собой! А больше – никого! С приятелями потом нагуляетесь!» А как же она без Димы? Без него и праздник не праздник! Правда, он сказал, не горюй, мол, казачка, где наша не пропадала – буду я на твоём празднике, вот те крест! Безбожник! А тут взял да и перекрестился! В душе-то она верила, что Димка, если сказал, что будет, значит, будет. Да как бы из этого чего плохого не вышло: Сашка Степанко обещал, что так отметелит Димку, если он на выпускном появится, что тот забудет, как маму звали. Что тут поделаешь?

Насчет «отметелит», это, конечно, вопрос. Димка, хоть поменьше ростом, но здоров как бычок. Да и юркий он, настоящий живчик. При этом слове заулыбалась Лиза. Подумала: «Слово-то какое подвернулось: живчик! А ведь правда живчик. Сашка, хоть длинный, руки, как грабли, а попасть в Димку – фиг попадет! Димка три раза вокруг него обкрутится, пока эта оглобля размахиваться будет. И ка-а-ак даст! Да, не одолеть Сашке Диму. Но скандал... Скандал какой будет! Весь вечер выпускной испортят. Вот тебе и праздник! Вот и выпускной! Может, сказать Диме, чтобы не приходил? – Она задумалась. – А как же я? Как я без него?» Нет, без Димы Лиза выпускной не представляла. «Скажу Сашке, пусть только попробует! Пусть попробует! – Что будет, если попробует, она не знала. Но поугатать можно. – Он же трусливый, этот Сашка. Проверено». Так она решила, и настроение сразу поднялось, Лиза заулыбалась, замурлыкала какой-то мотивчик и снова принялась за примерку платья.

С Сашкой Лиза училась в одном классе. С самых первоклашек. Да и в детский сад вместе ходили. Жили они по соседству. Ну буквально на одной улице в соседних домах. Не в больших домах, как в центре города, а «на двадцатидомиках». Так их улицу в народе называли. Вообще-то официально улица имела другое, вполне красивое название – Добролюбова. Улица Добролюбова. Но еще в давние, дореволюционные времена, когда бельгийцы металлургический завод строили, вот здесь, на этом месте, они и выстроили двадцать домиков для рабочих. Руководил стройкой инженер Енакиев. Так потом и город назвали – Енакиево. А улицу народ окрестил двадцатидомиками, и никаких добролюбовых не признавал. Называй улицу, как хочешь – хоть Добролюбова, хоть Огарёва или Некрасова, а в народе одно знают: двадцатидомики – и весь сказ! Народ здесь дружный был, рабочий.

Вместе работали, вместе отдыхали. Все обо всех все знали – все на виду. И дети сызмальства друг дружку знали, вместе росли, учились, нередко и взрослую свою жизнь связывали. Вот так и Сашка Степанко с малых лет хвостиком за Лизой бегал. А Лизе он никогда не нравился. Скользкий какой-то был. И всегда в сторонке. Сам, бывало, нашкодит – и в кусты! А другие за него отдуваются. Да и постучать любил, наябедничать. Самый великий грех у пацанов! Ребята его сторонились: с сексотом дружить – позора не оберешься. Но Сашка из любой ситуации вывернуться умел: Я не я, и хата не моя! Бывало, и не раз, когда Лиза точно знала, что он ребят подставил, но поди докажи! А Сашка скалитесь своими зубами белоснежными (тоже гордость),

клянется: «Да не я это, Лиза. Клянусь, не я!». Стрельнет в него Лиза ненавидящим взглядом, а с Сашки как с гуся вода. Много лет добивался он ее благосклонности. Не замечал ни насмешек, ни презрительных взглядов, все ему было нипочем. Действовал по принципу: вода камень точит. А тут, когда Лиза уже в девятом, выпускном, классе училась, Димка появился. Откуда он взялся? Вроде свой, енакиевский, только с другого конца города. Сашка аж взбеленился: «Ну и искал бы себе пару там, в своих краях. Так нет – в двадцатидомиках подавай. И Лизка, дура безмозглая, сразу клюнула, влюбилась в эту рожу цыганскую». Как же он ненавидел невесть откуда появившегося соперника! Убил бы! Не раз поджидал он Димку на родной улице, страшил: «Лучше не ходи тут, не бегай за Лизкой – хуже будет!» А как хуже – не знал. Димка-то крепкий парень был, сразу видно. А Сашке позвать на подмогу некого: никто его не поддержит, все за тихоню Лизу. Да еще и на смех поднимут: за свою девушку постоять не может! Скрипел Сашка зубами, а сделать ничего не мог.

Так что не без оснований думала Лиза, что и на выпускном вечере струсит он, не полезет в драку. Вот Димка, это да... Этот бы полез. Не только в драку, в огонь и в воду за нее полез бы! Она задумалась, вспомнила, как познакомилась с Димой.

Было это прошлой осенью, в конце сентября, даже число запомнила – двадцать шестое. Сидела она на лавочке возле дома. День к вечеру катился. Папа с работы пришел, мама его ужином кормила. Танька, старшая сестра, на свидание убежала – любовь у нее большая была с военным командиром. Счастливая-счастливая! В институте в Сталино* училась, а в субботу домой как на крыльях летала, как же – парень ее тут в отпуске. Так и он, говорят, к Таньке каждый день мотался. Тут уж ничего не попишешь: любовь. Как это так быстро у них получилось? Только встретились – и сразу любовь. Да такая – не разлей вода! С его стороны оно понятно: Танюшка красавица: высокая, стройная. Лицом – хоть в кино снимай! Артистка! А Николай этот ее тоже высокий, статный, форма, конечно, виду придает. А так – вроде обычный парень, не красавец. Но командир. Раз умница Танька так до смерти влюбилась, значит, есть за что. Лиза даже немного завидовала сестре. По-хорошему, конечно. «Танюшка – красавица. Я против нее просто замухрышка, – думала Лиза. – Да еще этот придурок Степанко проходу не дает! А все думают, что я его девушка. И подружиться со мной по-настоящему никто не пытается. Вон Саша Беленко: и относится хорошо, и помочь всегда готов, и поддержать в трудную минуту. Только это все не то. Это дружба. А любовь у него с Ленкой Новосёловой. Говорят, они даже целовались. А мне что? С этим уродом соседским целоваться? – Ее даже передернуло при этой мысли. – Ну уж нет. Я своего рыцаря еще подожду. Далеко мне, конечно, до Таньки, но и мое счастье придет, подожду». Она прикрыла глаза, откинулась на спинку лавочки и принялась думать о своем счастье, о своей будущей любви. Лиза расслабилась, размечталась. Тихая сладкая нега незаметно подкралась, овладела ею. Так хорошо, приятно стало на душе! Как будто она плыла в невесомости, купалась в этой благостной неге, и весь ее настоящий мир со школой, неустроенными буднями, с Сашкой Степанко отделился, ушел из сознания, и она ощутила себя счастливой-пресчастливой. Ей захотелось петь от счастья. Петь и смеяться тем счастливым смехом, каким смеялась Танюшка, когда ворковала со своим любимым, а она, Лиза, услышала и позавидовала сестре. А сейчас ей самой стало так хорошо, что она подумала: «Всю жизнь бы прожить в этом счастье. Ничего другого не надо». А больше она подумать ни о чем не успела – кто-то грубо тряс ее за руку. Лиза повела плечами и открыла глаза. Мотя! Это младший брат так безжалостно заставил ее покинуть сладкие грезы и вернуться в эти самые неустроенные будни. Матвей дернул ее за руку, недовольно произнес:

* Так в то время назывался город Донецк.

– Лизка, ну проснись же! Че ты в самом деле!

Она тряхнула головой, окончательно просыпаясь и с трудом выбираясь из счастливого забытья. Мотя виделся ей как будто в тумане. Да не один – рядом с ним стоял еще кто-то. Она

кулачком протерла глаза, поморгала, окончательно прогоняя сон, и тут увидела: этот кто-то был симпатичный черноволосый парень. Он крепко держал Мотю за руку. Лиза встала.

– Вы кто? – спросила она, внимательно разглядывая молодого человека. И тут же машинально отметила про себя: «Ничего парень, привлекательный».

А парень уже улыбался, словно забыв, как и зачем он тут оказался. Протянул руку, не отпуская Матвея, представился:

– Дима. А тебя как зовут?

Лиза насупилась, спрятала руки за спину. С деланой строгостью спросила:

– В чем дело? Что это вы брата моего привели как арестанта? Отпустите, никуда он не денется. – Она повысила голос: – Ну, что я сказала! Отпустите!

Парень покачал головой но ослабил хватку, Матвей тут же выдернул руку и метнулся во двор. Незнакомец спрятал улыбку:

– Ну и ну. Строгая какая. Не денется? И где мне теперь искать твоего братца?

– Нигде. Он домой убежал. И искать его не надо. Мы здесь живем.

– А, вот оно что. – Он кивнул ей. – Садись. – И сам опустился на лавку, тронул Лизу за руку. – Не бойся, поговорить надо.

Лиза передернула плечами, усмехнулась:

– Вот еще – не бойся... С какой стати я вас бояться должна? Я у себя дома. А вы кто такой?

Она села. Парень встал перед Лизой чуть ли не по стойке смирно, чопорно склонил голову и представился:

– Дмитрий Поляков, инструктор горкома комсомола.

И сел рядом с Лизой.

«Ни фига себе, – подумала она. – А с виду пацан пацаном, только чуть постарше меня».

Лиза слегка смутилась, но не подала виду, что комсомольский деятель произвел на нее впечатление. Постаралась придать лицу серьезное выражение, подумала: «И что ему надо? Мотья, небось, снова натворил чего-нибудь. Вот сорвиголова! А мне теперь отдуваться... Но лучше мне, а то батяня узнает – снова комедию с ремнем разыгрывать будет».

Батяня, Фёдор Николаевич, руку на детей ни разу не поднял. Только и того, что пригрозить мог. Прихватит, бывало, Мотю, поставит перед собой, посмотрит с укоризной и скажет сурово, с металлом в голосе:

– А ну неси ремень, бить буду.

Матвей сначала пугался, начинал ныть и божиться, что «это последний раз, я больше не буду». Потом все же приносил ремень, и Фёдор Николаевич, потрясая им перед Мотькиным носом, долго укорял его за «срамное поведение» и наставлял на путь истинный. На том дело и заканчивалось, и никаких телесных наказаний. Матвей со временем оценил ситуацию, но вовсю подыгрывал отцу и по-прежнему божился, что больше не будет.

Мама – другое дело. Могла и подзатыльник дать, и к попе полотенцем приложиться. А с Мотьки как с гуся вода, и в кого он такой уродился? Дня не пройдет, чтобы он где-нибудь не нашкодил.

Лиза исподлобья взглянула на инструктора горкома, вздохнула:

– Так что, Матвей дорогу домой забыл? За ручку надо было вести?

Комсомолец с улыбкой взглянул на нее.

– Может, для начала познакомимся?

Лиза удивилась:

– Так вы ж слышали, как меня Мотя назвал. Или мне книксен сделать?

– Да не расслышал я твоего имени. И вообще, когда люди знакомятся, каждый сам себя называет.

Лиза усмехнулась:

– Это у вас в горкоме так заведено? А у нас, у простых комсомольцев, все проще.

Она хотела еще что-то сказать, но Дима ее опередил:

– Так ты комсомолка? Что ж ты выпендриваешься? Или неприятностей для брата хочешь? Давай по-простому. И вообще, раз ты комсомолка, нечего мне выкать. Симпатичная девчонка, а строить из себя пытаешься какую-то...какую-то... – он не мог подобрать подходящее слово.

Лиза прыснула вдруг и залилась колокольчиком. Наклонилась, закрыв лицо руками, пытаюсь остановиться и придать лицу серьезное выражение, но смех, неведь откуда взявшийся, душил ее, и Лиза, не в силах удержаться, отняла руки от лица и расхохоталась.

Дима с удивлением смотрел на нее.

Наконец Лиза успокоилась, промокнула платочком заслезившиеся от смеха глаза, серьезно взглянула на Диму и сказала:

– Извини, смешинка в рот попала, больше не буду. А вообще-то ты прав: мы ж комсомольцы. Чего выкать? – Вздохнула. – Лизой меня зовут. – И без паузы продолжила: – Ну, что там еще Матвей наш натворил? Он по этой части бо-о-ольшой мастак.

Диме этот смех и слова девушки были очень кстати. А то он совсем запутался в своей фразе и не знал, как ее закончить. Дело в том, что Лиза Дмитрию сразу понравилась и он пытался произвести на нее впечатление. Должность инструктора горкома ставила его в выигрышное положение, и он хотел завернуть фразу покруче, покрасивее. Да так и начал, а вот с окончанием заминка вышла. Вообще-то Дмитрий был шустрый парень. Все в его руках и вокруг него вертелось и горело! За что ни возьмется – сделает. А вот говорить красиво не умел. Тут уж ничего не поделаешь: семь классов, они и есть семь. А при его загруженности в горкоме книжки читать было некогда. Да и чего греха таить, не приучен он был с детства к чтению. Рос как трава в чистом поле. Родители с утра до ночи на работе, у Жорки, старшего брата, своих дел невпроворот. Одна только сестренка Шура занималась его воспитанием. Да и воспитание это сводилось в основном к одежке да кормежке, не до эстетики было. Улица его воспитывала, двор. Двор – хороший воспитатель, хотя своеобразный. Здесь книжки особо не читают и на образование не смотрят. Зато любого пацана насквозь видно: кто чем дышит и чем живет. Слабака, подлизу, ябеду или труса двор сразу вычислит. Во дворе сильные сплачиваются, слабаки становятся изгоями и объектом для насмешек, а то и издевательств. Подростки, как правило, стесняются сентиментальности, а жестокость кажется геройством. Димка с детства слабаком не был, тут он сразу стал своим. Благо Жорка в том же дворе рос, с хулиганьем не дал ему связаться, и в тюрьму он не загремел, как некоторые из его дружков. Хотя близок был к этому. Окончив семь классов, Димка пошел на завод – денежку для семьи зарабатывать. Сразу остепенился, вступил в комсомол и развил бурную общественную деятельность. Поэтому и продвинулся быстро. Вскоре и в горкоме комсомола оказался. Начальник его, Прохоров, был человеком умным. Он быстро и правильно оценил Димкины способности и никакими бумажными делами его не загружал. Дмитрию поручали живую работу: организовать сбор металлолома, рейды молодежи по поддержанию правопорядка, помощь спасателям на водоемах, даже тимуровское движение. В этих делах он был король! И никакой писанины. Грамотешки Димке не хватало, зато сообразительности было на троих!

Поэтому, когда он попытался, что называется, «запудрить мозги» Елизавете словом, быстро понял: не туда пошел, надо попроще. Дима улыбнулся и по-дружески, как старой знакомой, принялся рассказывать:

– Так, значит, насчет братца твоего. До чего же додумались сорванцы. Матвей твой с дружком, пока не знаю, как его зовут, взяли червонец, иголкой прицепили с краю за ниточку. Червонец бросили на дороге, а нитку протянули в кусты и сами там спрятались. Нитку, конечно, замаскировали – пылью присыпали, благо ее там хватает, и стали ждать, когда рабочая смена домой по этой дорожке пойдет. Дождались: работяги идут, кто-то обязательно чер-

вончик заметит, наклонится поднять, а он перед самой рукой – бац! – и уехал. Мужик шаг вперед, снова наклоняется, а червонец снова уплыл! И так раза три-четыре. Потом сорванцы совсем затягивают бумажку к себе в кусты – и ходу! Да так ловко, что мужик несчастный не поймет, куда деньги девались! А эти нахохочутся, и за старое. Так они дней десять над рабочим людом потешались. Развлечение нашли! Пока кто-то в горком комсомола не пожаловался. Ну вот. А для меня проблем нет – сам в детстве шухарил немало. Сразу и вычислил. Ну, обоих прихватить не удалось, а Матвея твоего привел вот, для разбора полетов. – Он помолчал и добавил: – Такие дела. Что скажешь?

Лиза подняла глаза, покачала головой.

– Да, дела так дела. Вот Мотька. Неугомонный. Вечно что-нибудь придумает, в какую-нибудь историю вляпается, потом родители за него отдуваются. Правда, он безобидный, душа добрая. А вот подшутить, посмеяться – это хлебом не корми.

Дима возмутился:

– Добрая душа! Да один мужик из-за этого червонца в больницу угодил! Дело не в деньгах, а никак он уразуметь не мог: как это он все мимо деньги промахивается! И хлопцы увлеклись, вовремя ее не убрали. Так он за червонцем этим тянулся-тянулся, пока в кювет не упал! Народ кругом хохочет, с ног валится, а сообразить никто не может, в чем дело! Хорош добряк!

Лиза задумалась, посмотрела на Диму.

И глаза их встретились. И шевельнулось вдруг что-то в душе у Лизы, не смогла отвести взгляда. И он не смог. Так и смотрели друг на друга. Минуту. Может, больше. Как будто пропало время. Лиза прикрыла глаза, на душе у нее стало тепло, и вдруг появилась, пришла к ней невесть откуда, будто в небесах зародившаяся мысль, простая, ясная и неотвратимая в этой простоте: «Так вот же он, мой человек». И это появившееся в душе тепло стало растекаться по телу и скоро заполнило ее до краев, и подступило к глазам, и они распахнулись, и полился из них какой-то новый свет. Из глубины, из самого ее естества, засветилось зарождающееся незнакомое чувство, лучезарным потоком опрокинувшись на Диму. Она замерла и смотрела, смотрела, не двигаясь и не отрывая от него взгляда.

И в нем что-то изменилось. И он не мог отвести глаз от Лизы. Кровь как будто застыла, сердце подпрыгнуло к самой гортани и осталось там. Дима замер, потом неожиданно для себя дотронулся до ее щеки пальцами дрожащей руки и чуть слышно спросил:

– Что ты?

И все смотрел, смотрел на нее... Потом просто сказал:

– Давай пойдем сегодня в кино. – Кивнул в сторону клуба. – Там сегодня кинокомедия. «Весёлые ребята». Говорят, хорошая, смешная.

А Лиза ничего ответить не могла. Комок застрял в горле, не давая дышать, на глазах выступили слезы. Новое чувство охватило ее, и она не знала, что с этим делать.

Дима не сказал, шепнул:

– Ну что ты, глупенькая?

Неожиданно для себя он привлек девушку, прижал ее к груди. Лиза послушно вжалась в его тело и так легко и уютно себя почувствовала, так естественно, что ничего другого ей сейчас не нужно было. Она проглотила застрявший в горле комок и тихонько, как по секрету, шепнула:

– Пойдем.

Вот так, нежданно-негаданно и началась их любовь.

А на выпускной вечер Дима пришел вместе с секретарем райкома комсомола. «Вот это да! Ну что, Санёк? Что скажешь? Теперь попробуй отметь!» – думала Лиза, глядя, как Дима рядом с директрисой усаживается в президиуме. – Как же это я сразу не сообразила, что инструктор горкома комсомола не то что имеет право, а, может, обязан присутствовать на таком мероприятии? Обязан, вот! – нашла она нужное слово. И какой-то Степанко еще взду-

мал не допустить его присутствия на выпускном вечере в лучшей школе города? Дудки вам, Александр Иванович, дудки. – Лиза задумалась. – И Димка тоже хорош – нет бы сразу сказать мне, что будет на выпускном как представитель горкома. Надо было на нервах поиграть! Божиться вздумал. Ну погоди».

Сашка Степанко этого тоже никак не ожидал. Весь вечер гонял желваки на скулах, бесился от злости и думал, как отомстить сопернику.

После официальной части, вручения аттестатов зрелости, грамот и торжественных речей начался концерт школьной самодеятельности, а потом танцы. Лиза с упоением кружилась в вальсе. Танцевала и с Сашкой Беленко, и с Димой, и с другими ребятами. Подошел было и Степанко, но Лиза сразу, не дожидаясь его приглашения, сказала:

– Не вздумай приглашать. С тобой не пойду.

Он прожег ее ненавидящим взглядом, бросил стоявшему рядом Димке:

– Ну погоди.

И отошел.

Беленко услышал, шепнул Диме так, чтобы Лиза не слышала:

– Будь осторожней. От этого придурка всего можно ожидать. Если что – я буду рядом, помогу.

Дима улыбнулся:

– Ты чего? Сам справлюсь.

– Ну смотри. Мое дело предупредить.

Тут Лиза вмешалась.

– Что это вы шепчетесь? Задумали что-то?

Дима очень серьезно сказал:

– Тут, понимаешь, такое дело...

Но продолжить не успел, заиграла музыка, и Лиза сразу потащила его танцевать.

Немного времени прошло с тех пор, когда началась у Лизы новая жизнь. Жизнь влюбленной девушки. А ей казалось, что все на свете изменилось! Все! Каждое утро она просыпалась с ощущением счастья. Вот говорят, что счастье мимолетно. Его много, а главное, долго не бывает. Не ухватишь его, как жар-птицу за хвост, не удержишь. Вот есть оно сейчас, сию минуту, но только-только подумаешь об этом, а оно – раз! – и упорхнуло... Не бывает оно долгим. А у Лизы – было! Каждый день видеть Диму, обнимать его, чувствовать его сильные руки, мускулистую грудь, его запах и упругость горьковатых губ – это ли не счастье? Лиза понимала, что другие влюбленные испытывают похожие чувства, но ей казалось, что все у них не так: она и любит сильнее, и чувства у нее нежнее, и поцелуи слаще, и встречи с любимым ждет не дождется, как никто другой на земле! И Дима у нее один такой на всем белом свете.

Мама, папа и Танюшка понимали, что вырастет Лиза, что влюбилась, но молчали, деликатничали. Один только Мотыка удержаться не мог, допытывался:

– Ну че ты, Лизка, втюрилась?

Вот интересно: все знали о любви Танюшки и Коли Воронкова, даже о свадьбе начали поговаривать, и никто ее не трогал, не дразнил, на улице пацаны вслед «жених и невеста – тили-тили тесто» не кричали. Матвей, когда Николай к ним заходил, вообще старался побыстрее исчезнуть. А тут, когда к Лизе любовь эта сумасшедшая пришла, приставать начал, втюрилась-не втюрилась.

Однажды не выдержала Лиза, схватила его за ухо и в это самое прихваченное ухо сообщила громким шепотом:

– Втюрилась, втюрилась. По самые уши. И замуж за него пойду. Потому что он в меня тоже втюрился. Запомни и больше не спрашивай, а то я Диме скажу, он тебе уши совсем обрвет. Понял?

Она отпустила его. Больно было Мотье, но он не заплакал. Еще чего! Реветь перед девчонкой, хоть и старшей сестрой? Да умереть – не встать, слез моих девчонке не видать! Он отвернулся. Так, на всякий случай: вдруг слезинка возьмет и без спросу выкатится – больно же! И проворчал:

– Замуж... Ты сначала школу окончи.

Лиза потрепала его по непокорным вихрам, прижала голову к груди, поцеловала в макушку.

– Ладно, не сердись. Окончу.

Мотя недовольно повел плечами, шмыгнул носом, уткнулся головой ей между грудей и... неожиданно заплакал.

А Лиза гладила его нестриженные кудри, все крепче прижимая к себе, и шептала:

– Ну что ты, миленький? Ну что ты? Все будет хорошо, все хорошо. И школу мы закончим, и замуж выйдем...

Как будто и школу они вместе заканчивать будут, и замуж вместе пойдут.

Дима и Беленко быстро сдружились, теперь нередко вечера и выходные дни проводили вместе: Дима с Лизой и Саша с Леной. Эта дружба повлияла и на положение Лизы в классе, и на всех двадцатидомиках. Ее и раньше уважали, но прежде это было уважение к тихоне, порядочной девушке, от которой слова плохого не услышишь. А уж нецензурщины – избавь господи! Даже ребята, в разговоре между собой особо не выбиравшие выражений, при Лизе старались дурных слов не говорить. Но это была одна степень уважения, а дружба с Сашкой Беленко – другое дело! Сашка – это ж всеобщий любимец: высокий, крепкий спортсмен, боксер, лучший волейболист города, круглый отличник, заводила и секретарь комитета комсомола школы. И при всем при том не ябеда и не подлиза. И оценки свои не попой, а мозгами зарабатывает. Это довольно редкий случай, когда ребята с таким уважением относятся к отличнику. И все потому, что Саша нос не задирал, а был свой среди своих, несмотря на то, что отец его, Пётр Беленко, и орденосец, и депутат Верховного Совета страны, и директор одной из лучших шахт Донбасса. А это уже статус. Многие городские начальники, имевшие дочерей, мечтали заполучить сына знаменитого земляка в зятья. Но Саша, как с седьмого класса влюбился в Лену Новосёлову, дочь простого инженера, так на других девчат и не засматривался. Теперь вот и с Лизой Калугиной дружбу стал водить, а она вообще из рабочей семьи. Многие начальнички недоумевали по этому поводу, а сказать-то нечего. Одна надежда: с возрастом поумнеет, поймет, что к чему.

А пока Санька кружился в танце на выпускном вечере. В основном, конечно, с Леной. Но и других девчат старался вниманием не обделять. При этом нет-нет да и поглядывал на дружка своего – Димку Полякова. Что-то очень уж Александру не нравился сложившийся треугольник: Лиза, Дима и этот придурок Степанко. Лиза была ему очень симпатична. Хорошая, серьезная девушка, в компании еще та хохотушка!

Саша всегда выделял ее из общей массы. Какая-то она простая, свойская была. С ней и поговорить приятно, и посоветоваться можно. Вот вроде умом особым не блещет, а по жизни такой совет, бывало, даст – закачаешься. Делай, как Лиза сказала, не промахнешься. В общем, хорошие дружеские отношения у них сложились. И не пыталась она, как некоторые, глазки ему строить. Всегда Лену поддерживала, а нередко и палец ему большой показывала, кивая на Новосёлову: вот, мол, девка! На все пять! И это Саше тоже нравилось. Непонятно было ему только одно: что ее связывает с Сашкой Степанко? Она вроде к нему симпатии не питает, однако же Сашка всегда рядом с ней. И если кто из ребят начинает Лизе особые знаки внимания оказывать, Сашка тут как тут. Да не молча, сразу в драку: ты чо? Не знаешь, чья она девушка? Да я с ней с детского сада вместе! Не лезь – прибью! Они и правда в детский сад вместе ходили. А Сашка – сумасшедший. Вот никто с ним связываться и не хотел. А Лиза – тихоня. Первая никогда не заговорит, не постоит за себя. К тому же, хоть и симпатичная она

девушка была, но все же не первая красавица. Так что хлопцы в очередь к ней не стояли. «Ну, Сашкина так Сашкина», – считали парни. Так Лиза и осталась: вроде с Сашкой, а на самом деле сама по себе. Беленко Лиза нравилась, но у него уже была Лена. Тут уж ничего не попишешь. Так что у него с Лизой отношения сложились теплые, но чисто дружеские. Александр считал, что не имеет права вмешиваться в ее личную жизнь. Так все и продолжалось, пока на горизонте не появился Дима. Беленко вздохнул: наконец-то повезло Лизе. Димка парень что надо. Грамотешки, может, не хватает, но это дело наживное. Доучится, не сомневался Александр. Зато мужик. Быстрый, умный, главное – порядочный. И Лизу любит по-настоящему. Такой не подведет, в беде не оставит и, если нужно, рубаху последнюю другу отдаст. И надо же – на пути у Лизы с Димой этот придурок, Степанко, оказался. Бояться его, конечно, не стоит. Придурок, он и есть придурок. Но, с другой стороны, в том-то и беда: не знаешь, чего от него ждать. Этот из-за угла и ножом пырнуть может. Поэтому Александр веселиться веселился, а за другом присматривал.

А Дима о Степанко и думать забыл. Но Сашка уловил-таки момент, когда Дима один в сторонке оказался. Подошел, уставился ненавидящим взглядом. Прошипел:

– Ну что, выйдем поговорим?

– С тобой? – удивился Поляков, пожал плечами. – О чем мне с тобой разговаривать?

Сашка наклонился к нему.

– Забздел, комсомолец?

Диму аж передернуло.

– Я?! Ну пошли.

Они не спеша, не привлекая внимания, протиснулись к двери, вышли на улицу и двинулись вдоль стены за угол. Дима впереди, Сашка за ним. Пройдя пару шагов, Дмитрий тормознул, обернулся.

– Иди рядом: не люблю конвоя.

Сашка осклабился:

– Я ж говорю – забздел.

Но дальше они рядышком пошли. Со стороны глянешь – друзья покурить вышли. Зашли за угол. Дима остановился, повернулся к Сашке.

– Ну и что ценного ты хотел мне сообщить?

Степанко с высоты своего роста навис над Димой. Угрожающе сдвинул брови, бросил в лицо:

– Говорил я тебе: не бегай за Лизкой! Говорил?

Дима пожал плечами.

– Говорил. Ну и что? Мне твои слова до фени. Понял? Иди еще мамке своей пожалуйся, что Лиза не то что дружить с тобой не желает, ей и видеть-то тебя не вмоготу. – Помолчал и добавил: – Я сам решу, за кем мне бегать. Если ты все сказал, я пошел.

Дима повернулся, чтобы уйти, но Сашка схватил его за плечо и рывком развернул лицом к себе.

– Стой, падла! Убью!

И тут произошло то, чего он никак не ожидал: Дмитрий резко выбросил вперед правую руку. Его удар пришелся прямо в солнечное сплетение Степанко, напрочь сбив ему дыхание. Сашка согнулся пополам, вытаращил глаза, руки его плетью повисли вдоль тела. Он с усилием поднял голову, глотая воздух открытым ртом, и хрипел, не в силах произнести ни слова.

Дима несколько мгновений смотрел на него. Потом вздохнул и со словами «Эх ты, Аника-воин» не ударил – толкнул Сашку в лоб. Тот, все еще с открытым ртом, откинулся назад, больно ударившись головой о стену, и сполз на теплый асфальт школьного двора, да так и остался сидеть на нем.

Димка покачал головой и молча пошел назад.

На крыльце у входа на него налетел Беленко. Вздонованный и возбужденный. Схватил за руку.

– Ну что? С Сашкой разбирался? Не удержался-таки он? – Беленко взглянул за спину Диме. Как будто этот каланча Степанко мог там оказаться незамеченным. – Так где он? – повторил уже обеспокоенно Александр. – Ты его не прибил?

Дима пожал плечами.

– Не беспокойся, не прибил. Отдыхает там, за углом. Вот так. Просил не беспокоить. Сейчас очухается, придет.

Беленко попытался мимо Димки рвануть туда, за угол. Посмотреть, как там Сашка. Но Дима придержал его.

– Я же говорю: просил не беспокоить. Ничего страшного. Очухается. Пошли на танцы. А то девчата наши небось уже волнуются.

И они пошли танцевать.

Степанко в этот вечер в школе больше не появился.

А в следующем году сыграли две свадьбы: Танюшка вышла замуж за Колю Воронкова, а Жора, Димкин брат, женился. Жену его, молодую симпатичную девушку, звали тоже Лизой.

– Ну, сынки, – шутил их отец, Сергей Фёдорович, – женится Дмитрий, и будет у нас Лизин дом. – Покачивал головой, шутливо грозил сыновьям: – Вы ж, орлы, смотрите, жен не перепутайте.

Дима заверял:

– Не перепутаем, мне до женитьбы еще далеко.

А на самом деле оказалось, что совсем не далеко: на следующий год и Димкину с Лизой свадьбу сыграли. Только жить они стали у Калугиных. «Чтобы не перепутаться Лизам», – шутил Дмитрий. На самом деле тесновато было у Поляковых, а у Лизы после отъезда к мужу Танюшки жилплощадь как бы лишняя образовалась. Маленькая, конечно, но молодым хватало.

Женился и Степанко. Женился на однокласснице Шурке Ивановой, крепкой полнова-той девке с узкими, в щелочку, поросычьими глазками.

Шурку Степанко не любил. Да и никто ее в классе не любил: хитроватая была девушка. Умом не блистала, но из тех, кто своего не упустит. Если что не на месте лежит – считай, уже у Ивановой в кармане. Вот что-то такое и с Сашкой произошло: не мог он в себя прийти после замужества Лизы. Запил даже. А Шурка пожалела, приголубила, в постель уложила. Она давно по Сашке сохла, а тут случай такой – мужик бесхозный оказался! Не такова была Александра Иванова, чтобы свое упустить! Кочевряжился поначалу Степанко, потом успокоился, свыкся. И оказалось, нашли они друг дружку. Ни дать ни взять: два сапога – пара. И жили они в достатке. Шурка хозяйственной оказалась, все в дом тащила, да и Сашка в этом смысле был парень не промах. Только смириться оба не могли: Сашка с тем, что Лиза его «прокатила», Шурка – с Сашкиной любовью к Лизе. Но соседи же! Приходилось встречаться. Степанко не здоровался и не разговаривал с Елизаветой, а Шурка, закусив губу, молча кивала. Лизе все это было неприятно, да что ж тут поделаешь? Старалась не замечать.

Дима после женитьбы поступил на курсы товароведов и стал работать заведующим заводской столовой. Лиза устроилась машинисткой в дирекцию завода. Жизнь потекла совсем дру-гая. И надо сказать, счастливая жизнь. Днем все были при деле, по вечерам их ждал прекрас-ный ужин – Екатерина Ермолаевна старалась вовсю. А потом – чай. Это целое мероприятие. Пили чай неспешно, обсуждали новости. Сначала семейные, потом заводские, потом сплетни разные: кто с кем и зачем. А потом уж и до международной обстановки добирались. Так что поговорить было о чем. Даже Матвей, набегавшись за день, сидел притихший и слушал стар-ших.

Саша Беленко уехал в Сталино – поступил в горный институт. Теперь он дома появлялся только в воскресенье. Да и то ненадолго, надо же было и Лене время уделить. У них-то со свадьбой задержка вышла, Саша сказал, что хотя бы курса три института окончить нужно. Там, гляди, и подработку можно будет взять. На студенческую стипендию семью не прокормишь, а на шее у родителей он сидеть не собирался.

В следующем году приехала домой беременная Танюшка – рожать. Коля ее служил на Урале, мотался по командировкам, а Таня боялась оставаться в таком положении одна. Вот и решили до родов, а тем более после них с малышом лучше пожить рядом с мамой.

Дима на работе старался, из кожи лез, и навел в столовой образцовый порядок. Заменял поваров, разобрался с закупкой продуктов, и теперь домой на обед из заводских никто не бегал. Зачем? У Полякова в столовке покормят вкусненько, по-домашнему. Дима стал пользоваться успехом. Его узнавали на улице, приветливо здоровались. Лизе это было очень приятно.

У Танюшки приближался срок родов. Она потяжелела, ходила слегка вразвалку, уточкой. Лиза не раз замечала слезы на ее глазах. Подходила, обнимала любимую сестричку, успокаивала. Гладила по волосам, шептала:

– Ну что ты, милая? Успокойся, все будет хорошо. Все хорошо. Скоро уж все закончится, родишь ты нам мальчонку. На Колю твоего будет похож. Вырастет высокий, красивый, как ты. Ну?...

Прижимала Танюшку к себе, нежно промокала заплаканные ее глазки. Как будто не Таня – она была старшая. Успокоив сестру, бежала к маме.

– Колю надо вызвать. Видишь, Танюшка сама не своя. Тяжело ей.

Екатерина Ермолаевна вздыхала, ворчала:

– Не срок еще. Доктор говорил, ден десять-пятнадцать до родов. Потерпеть надо. А что тяжело ей, так что ж: дите выносить и родить – работа не легкая. Такая наша доля бабья. И я рожала, и бабка твоя рожала, и Танька родит. – Помолчала, пожевала губами. – Придет время – и ты родишь. – Строго взглянула на нее, кивнула на живот. Спросила: – Сама-то не тяжка пока?

Лиза покраснела, покачала головой:

– Ну что ты, мама? Нет. Когда случится, я тебе сразу скажу.

– Ну, ну. У вас что, по плану? – Помолчала, потом добавила: – Так ты, если сможешь, погодь пока. Дай с Танюшкой разобраться. Потом уж твои заботы решать будем. Погодь.

– Ладно, мам.

Лиза поцеловала ее в щеку и побежала на почту. Дала-таки телеграмму Николаю: «Таня рожает. Срочно приезжай».

Той же ночью Танюшке стало плохо. Забегали Калугины, засуетились. Вызвали скорую, Таню увезли в роддом. На Екатерине Ермолаевне лица не было. Она металась по квартире, не находя себе места. Остановилась перед мужем.

– Звони главврачу, Михееву. Плохие дела: срок вроде не вышел, а Таня рожать собралась, воды отошли. Кто там сегодня дежурит? Кто знает? Пусть сам едет. Попроси, вы ж еще в Гражданскую дружбаками были. Звони.

Фёдор Николаевич молча оделся, побежал на заводскую проходную звонить, ближе телефона не было. А Екатерина Ермолаевна собралась и, не дожидаясь мужа, заспешила в роддом. К Тане ее, конечно, не пустили, но домой она не пошла, сидела в приемном покое. Вскоре появился озабоченный Михеев. На ходу молча кивнул и рысцой пронесся мимо. Пришел Фёдор Николаевич, сел рядом, шепотом спросил:

– Ну, что там?

Екатерина Ермолаевна пожала плечами.

– Да кто ж его знает? Рожает, видно, Танюшка. Только все убегли куда-то. Спросить не у кого. Будем ждать. – Она вздохнула: – О-хо-хо. – Перекрестилась. – Грехи наши тяжкие.

Фёдор Николаевич с укоровой глянул на нее.

– Ну что ты, Катя? Какие грехи? Танюшка наша – чистая душа. И нагрешить не успела. Екатерина Ермолаевна вздохнула:

– Да я не об ей. Я вообще. Что-то тяжело на душе. Подумай, дед, грешные мы все, и платить-то все одно придется.

Фёдор Николаевич совсем расстроился, рассердился. Даже отодвинулся от жены. Покачал головой.

– Грешные мы, грешные. Все грешные, но Танюшка-то при чем? Вот раскудаhtалась старая, прости Господи.

Екатерина Ермолаевна с обидой глянула на него, поджала губы, вздохнула, покачав головой. Сказала тихонько, будто про себя:

– Что ж делать? Будем ждать.

Прошло два часа.

Михеев вышел обессиленный, с пустыми глазами. Сел рядом. Екатерина Ермолаевна бросилась к нему, схватила за руку, затеребила. Спросила:

– Ну что? Ну как там?

А сама уже знала: там плохо. Там очень плохо. Сердце ее почти остановилось. Но надежда, последняя капля, теплилась в ее душе. Она встала напротив Михеева, положив руки ему на плечи. Прошептала:

– Ну что, Иваныч, не томи.

Иваныч молча взглянул на нее своими прозрачными глазами и... заплакал.

Екатерина Ермолаевна уронила голову ему на колени и громко, по-бабьи, завывала.

В ту ночь в роддоме дежурил молодой выпускник Киевского мединститута Олег Пашенко. Не прошло и месяца после его приезда в Енакиево. Самостоятельное дежурство ему доверили первый раз. Слишком уж самоуверенно вел себя молодой специалист. А с коллегами даже несколько высокомерно. Врачи помалкивали, выжидали. А сестры, особенно проработавшие по десять-пятнадцать лет, после общения с Олегом только головой покачивали – слишком заносчивой оказалась эта столичная штучка. Старшая медсестра, глядя ему вслед, неодобрительно покачивая головой, говорила нараспев на местном полуукраинском, полурусском наречии: «Ты дывы, яка цаца! Практики нэ мае, знань до пупка, нос до потолка. Як у того ефр-эйтора!» Поэтому-то Михеев его и придерживал. Начинать когда-то все равно надо. Знал бы он, чем закончится первое дежурство молодого врача! Долго его инструктировал перед уходом домой, и на сердце было беспокойно.

А случай будто поджидал такого совпадения: молодой врач и тяжелая роженица. Когда привезли Калугину, Олег, недолго думая, не посоветовавшись ни с кем, даже не позвонив главному врачу, сразу решил делать кесарево. Что тут сказать? Таня умерла прямо на столе.

Ребенка, девочку, удалось спасти.

Утром появился Воронков. Помчался в роддом. Вышиб ногой дверь, выхватил пистолет и с криком «Где? Где эта сволочь?» ринулся по коридору, распахивая на бегу все двери и сверля налитыми кровью глазами рожениц. Пробежав по первому этажу, рванул на себе ворот гимнастерки, выстрелил несколько раз в потолок и бросился на второй этаж.

Фёдор Николаевич в это время сидел в кабинете Михеева, в который раз слушая его рассказ о событиях минувшей ночи. Почти одновременно с хлопками выстрелов в кабинет вбежала дежурная медсестра. Белая, как первый снег. Плача и заикаясь, прокричала:

– Там Воронков! Грозит всех убить, стреляет! Прячьтесь!

Михеев и Калугин вскочили, какое-то время молча смотрели друг на друга. Первым опомнился Фёдор Николаевич.

– Так, – обернулся к сестре, – где этот горе-доктор?

Та пожала плечами.

– Точно не знаю. Был, по-моему, на третьем.

Фёдор Николаевич бросился к ней.

– Пойдем, покажешь. Коля, он такой. И вправду за Танюшку убить может. Оно и верно. Сам бы убил. – Обернулся к Михееву: – Иваныч, закройся. Не выходи, от греха подальше. Я что-нибудь придумаю.

Он вытолкнул сестру в коридор, выскочил следом.

– Пошли, пошли, – поторапливал он ее.

Они почти бежали в конец коридора и дальше по лестнице вверх. Калугин все торопил сестру:

– Ну давай, давай, живее. Где этот доктор? Ищи, веди, убьет ведь, если раньше нас обнаружит.

Пашенко сидел в конце коридора третьего этажа в бельевой на полу и дрожал всем телом. Увидев Фёдора Николаевича, забился в угол. Кто этот заскочивший в бельевую мужик, он не знал. Но страшно испугался и, прикрыв лицо руками, затараторил срывающимся голосом:

– Я не виноват, не виноват... – захлебнулся слезами с соплями вперемешку. – Не виноват я! Операция нужна была! Нужна... А у нее сердце слабое... Я не знал! Не знал я! – упал в ноги Калугину, закрыл лицо руками, зарыдал, завыл: – Не убивайте!

Фёдор Николаевич поморщился. Прощедил сквозь зубы:

– Убить тебя – это мало. Живьем бы закопал. Да дитя ты спас, а ее полной сиротой я оставить не могу, негоже это. Нет, не дам Колю в тюрьму упечь.

В коридоре гремели сапоги Воронкова. Грохнули еще два выстрела. Фёдор Николаевич быстро огляделся, схватил за шиворот Пашенко и потащил его к большому шкафу с бельем. Стал запихивать туда Олега.

– Лезь, лезь быстрее, если жить хочешь.

Жить Олег хотел. Он каким-то чудом протиснулся в узкое пространство шкафа, поджал ноги, и Калугин захлопнул дверцу. Шаги Воронкова слышались уже у самой двери. Фёдор Николаевич распахнул ее и закричал зятю:

– Ну что? Нету? И здесь нету гада! Гляди!

Воронков заглянул в бельевую, рванул на себе и так уже расхристанный ворот, обреченно, со злобой и тоской, прошептал:

– Нету. Сбежал, сволочь.

Фёдор Николаевич пытливо глянул ему в глаза, понял: не ушли гнев и ненависть из души Воронкова, не в себе еще зять его, все еще готов стрелять и рушить все на своем пути. Еще не понял он, что не вернуть ему никакой стрельбой, никакой ненавистью жену свою любимую. Схватил Николая за руку, потащил к лестнице, доверительно заговорил:

– Давай, Коля, в подвал. Он, собака, видно, там прячется.

Кинулись вниз. Но до подвала не добежали – на первом этаже навалились на Николая четыре милиционера, скрутили руки, вырвали пистолет. Воронков сопротивлялся, рычал, как раненый зверь, одного милиционера сбил с ног, второму так в глаз засветил – чуть не выбил, но силы были неравны. К милиции подоспела помощь, скрутили, связали Николая. Бросили в угол. А он все не мог успокоиться: крутился, пытаясь сбросить опоясавшие его веревки, сверлил налитыми кровью глазами тяжело дышавших милиционеров, хрипел:

– Пустите, пустите, гады! Развяжусь – всех перестреляю!

Их начальник похлопал Воронкова по плечу, вытер большим, как полотенце, платком пот со лба и сказал облегченно:

– Перестреляешь, перестреляешь. Вот отсидишь десяточку и перестреляешь.

Фёдор Николаевич зашел к Михееву. Там в углу на стуле сидел возбужденный, все еще дрожащий Пашенко. Увидев Калугина, обернулся к главврачу, закричал:

– Вот! Вот этот человек спас меня! Сергей Иваныч! Если б не он – все! Как бы мне был, убил бы меня Воронков. Убил бы! А я не виноват. – Он повернулся к Калугину. Протянул к

нему руки. – Товарищ! Как ваша фамилия? – Казалось, еще мгновение, и он упадет перед ним на колени. – Век вас буду помнить! Как?

Вконец расстроившийся и растерянный Михеев молчал. Не мог сообразить, что сказать, что сделать.

Фёдор Николаевич с ненавистью взглянул на Пашенко, брезгливо отстранил его руки, прошел мимо. И тут Сергей Иванович наконец заговорил:

– Встань. Калугин его фамилия. Отец зарезанной тобой Тани Воронковой.

Ужас охватил Пашенко. Он вздрогнул всем телом, как будто молния его прошила. Светла, скурочила все тело судорога. Безумным взглядом окинул он Михеева и Калугина, вскочил и опрометью бросился вон из кабинета.

Воронкова увезли в Сталино, но вскоре отпустили. Он приехал притихший, поникший. Ни с кем не разговаривал. Посидел на кладбище у могильного холмика Тани, забрал дочку из роддома и вместе со своими родителями уехал. К Калугиным даже не зашел. Ни поздороваться, ни попрощаться. Потом только они узнали, что дочку он Таней назвал. А о самом Николае разные слухи ходили: одни говорили, что посадили его за дебош в роддоме, другие – что не посадили, но сильно понизили и в должности, и в звании. И служить отправили куда-то далеко: не то на Крайний Север, не то на самый юг. Однако толком никто ничего сказать не мог, а сам Воронков ни письма, ни другой какой весточки не подавал. Ничего не знали Калугины и о судьбе маленькой Танюшки. Лиза пыталась разыскать хоть старших Воронковых, но и из этого ничего не вышло – след их затерялся где-то на просторах Сибири.

Время шло. Директор металлургического завода оценил хватку молодого Полякова и назначил его своим помощником по хозяйственной части. Теперь Дима стал Дмитрием Сергеевичем. Работы у него прибавилось. Пропадал на заводе с утра до позднего вечера. Похудел, осунулся, из-под черного смоляного чуба только глаза сверкали. Такие же живые и неугомонные. Нередко приходил домой, когда все уже спали. Одна Лиза не ложилась, ожидала мужа. Кормила его, шепотом рассказывала, как день прошел, какой номер Мотья еще выкинул, как мама с папой. Потом шли спать. Дима засыпал буквально на ходу.

Однако дочку Лиза в том же году родила. Родила быстро и без осложнений. В том же роддоме, где умерла Танюшка, где продолжал трудиться Михеев. И где уже не было Пашенко. Он быстро исчез из города, и о его судьбе толком никто ничего не знал. Поговаривали, что посадили его. Но это были только слухи.

А другая Лиза, жена Георгия, Димкиного брата, тоже родила. Только мальчонку, а самого Жору призывали на военную службу. Изредка Дима получал от него коротенькие письма. Вроде бы все у него складывалось хорошо, служба ему нравилась, и он собирался поступать в военное бронетанковое училище.

Подходило время и Димке в армию идти, но директор завода правдами и неправдами всякий раз добивался для него отсрочки призыва: не может, мол, завод без молодого Полякова работать – встанет! До поры до времени директору удавалось Диму отстоять, а потом – все! Надо служить и баста! И директора завода военком прижал, и дома Фёдор Николаевич сказал:

– Доколь же ты от армии бегать будешь? Все одно – служить надо! Отдай долг Родине и живи спокойно. Вон Сашка, сосед наш, дурак дураком, а в армии уже отслужил, давно пришел, на заводе работает. И ничего, живой и здоровый. И ты – быстрее уйдешь, быстрее вернешься. А мы с матерью, пока здоровы, и за Лизой присмотрим, поможем, если что. А там дальше бог его знает, что будет. Я и загадывать боюсь. Так что, сынок, раз надо, так надо!

А не вовремя это случилось. Ой, не во время! Лиза вторым ребенком беременна была. Вот-вот уж и родить пора, а Димку в солдаты забрали. Так и уехал Дмитрий в воинскую часть, не увидев сына. Юрка – так называли новорожденного – на свет появился через две недели после его призыва. Зато Поляков не куда-нибудь, а в самую Москву служить поехал. Так в народе и

говорили: «Такого орла, как наш Дмитрий Сергеевич, куда ни попадя служить не отправят! Такие люди и Москве нужны!»

А там, кто его знает, случайно или не случайно так вышло, но с тех пор, почитай, у всех знакомых в моду вошло у Лизы интересоваться, как там Москва да часто ли Дмитрий Сергеевич с Иосифом Виссарионычем встречается.

У Лизы хлопот полон рот: двое детей. Но если Леночка крепенькая, здоровая была, то Юрочка болел беспрестанно. Видно, сказались нервы и переживания Лизы во время беременности. Димка в то время с работой совсем замотался: тысячи вопросов свалились на его голову. И это в двадцать один год! Тут еще и армия: призовут – не призовут. А Лиза-то все нутром чувствует, все на себя принимает. Известное дело – в этой жизни даром ничего не проходит, вот и отразилось все на здоровье младенца.

Несмотря на это, Лиза вскорости после рождения сына вынуждена была возвратиться в машбюро свое на работу. Благо, что она дома, рядом с мамой, жила. Екатерина Ермолаевна, хоть и безграмотная, но в бытовых вопросах, в бабьих делах любому профессору сто очков форы даст. Одно плохо: днем Юрочка вел себя неплохо, а вот ночью... иногда ночь напролет не спал, капризничал.

Вот так однажды, когда Лиза, измученная и полусонная, качала детскую кроватку, в окно тихонько постучали. Лиза удивилась: «Кто бы это мог быть?» Подошла к окну, отодвинула занавеску. Саша Беленко! Вздрогнула Лиза всем телом, испугалась. Отца его, Петра Беленко, орденосца и депутата Верховного Совета, несколько дней назад арестовали. Увезли куда-то вместе с женой. Но этому никто не удивился. В последнее время и не такие люди пропадали. Многие личности: орденосцы, начальники разные, герои Гражданской войны, те, которые били себя в грудь, клялись в верности партии и боролись с проклятым империализмом – на деле оказались предателями и шпионами этого самого империализма. Уж если такие люди, как товарищ Рыков, или, скажем, маршал Тухачевский, враги народа, так чего удивляться, что и Пётр Беленко с ними заодно. Поэтому молчал народ. Вообще говорить вслух о политике стало опасно. Но дома Фёдор Николаевич сказал:

– Петя Беленко – враг народа? Да это тот, кто посадил его, враг! Я Петьку сызмальства знаю. Нормальный мужик и настоящий большевик. Таких людей беречь надо, а не по тюрьмам гноить. На них вся советская власть держится!

Мотька не удержался. Вскочил, закричал:

– Так надо в НКВД пойти и рассказать, что он за человек, дядя Петя! Эх, Димки нету! Ладно, я ему отпишу. Он там ближе к товарищу Сталину, поможет. – Скривился: – Тоже мне, врага нашли – дядю Петю Беленко! Это надо еще посмотреть, кто здесь враг!

Фёдор Николаевич с сожалением глянул на сына. Хотел что-то сказать, но Екатерина Ермолаевна опередила. Шлепнула слегка по затылку.

– Цыц! Защитник выискался. Тебя только в НКВД не хватало. Туда войдешь, обратно не выйдешь! – С возмущением добавила: – Димке напишет он! Я те напишу! Чтоб и того забрали! И отца тваво в придачу! – И совсем грозно: – О чем мы здесь, дома, говорим, здесь и умереть должно! – Наклонилась к Мотьке, заглянула ему в глаза: – Понял? Не то все в кутузке сидеть будем. Што тебе непонятно – отец после объяснит.

Мотька недовольно повел плечами.

– Да понял я, понял. А че они?

Екатерина Ермолаевна снова взялась за него.

– Че ниче... Ты понял или не понял? – Потрепала по нечесаным лохмам. – Видно, мне самой надо кой-чего кое-кому разъяснить.

Мотька выскочил из-за стола, метнулся к двери, там обернулся, с обидой снова прокричал:

– Да понял я, понял. Самый дурной, что ли?

И выскочил на улицу.

Лиза кивнула Сашке через окно, бесшумными шажками двинулась на выход. Беленко был уж у дверей. Лиза в дом его не впустила. Шепнула:

– В дом не надо. Много народу, разбудим. – Взяла за руку. – Пошли.

Повела его в глубину двора. Пояснила:

– Лучше сюда. Надежней. У дома увидеть могут. Давай от греха подальше. – Кивнула в сторону соседского двора: – Да и Сашка, паразит, женился уж, а все успокоиться не может. Все зыркает в мою сторону, как будто следит. Димы-то нет, думает, заступиться некому. Тебя увидит – сдаст за милую душу. Как был подлецом, так и остался.

Они прошли в сад. Стали за сарайчиком под яблоней. Лиза взяла Сашу за руку. Вздохнула, сказала тихонько:

– Про Петра Ивановича и маму знаем. Что, и до тебя добрались?

Беленко кивнул, лицо его исказила гримаса, казалось, он вот-вот заплачет. Но он сдержался. Покачал головой, шепнул:

– Об этом после. Поесть чего-нибудь вынеси. Со вчерашнего дня ни крошки во рту не было.

Лиза подтолкнула его к сараю.

– Иди внутрь, не светись.

Сама метнулась в дом. Юрочка, к счастью, спал. Как будто чуял, что нельзя сейчас маме мешать. Тишина. Лиза на цыпочках прошла на кухню.

Вскоре она проскользнула в сарай. Благо он у Калугиных был большой, добротный, чистый, с большим погребом. В погреб Димка и свет провел. Лиза принесла хлеб, котлету, по паре огурцов и помидоров. А добрый шматок сала и соленья разные в погребе хранились. Саша с жадностью набросился на еду. «Голодный, а ест аккуратно, по-интеллигентному», – отметила Лиза. Она с жалостью смотрела на него, задавать вопросы не спешила. Думала: «Что теперь будет? Как Сашке помочь?» А он, утолив голод, утерся рукавом, вздохнул и заговорил:

– Ну как тебе? Отец – враг народа. Ты веришь?

Лиза замахала руками:

– Что ты? Ни я, да и никто не верит. Ошибка тут! Еще разберутся! Подожди.

Беленко криво усмехнулся:

– Чего ждать? У моря погоды? Меня вот тоже должны были взять. Чудом ареста избежал. Загулялись с Леной, потом, пока на автобус ее посадил, время и убежало. До общаги поздно добрался, там меня друзья на улице уже поджидали, предупредили. А так бы – все! Амба! – Он сложил пальцы решеточкой, приставил к лицу, горько улыбнулся. – Небо в клетку. Понимаешь? Я из города сразу ушел, в Енакиево пешком пробирался, по полевым дорожкам да посадкам. Сейчас нужно думать, куда податься. Я теперь вроде тоже враг народа. Вот так у нас дети за родителей не отвечают. Это притом, что и родителям моим перед советской властью отвечать не за что! Они честные и преданные партии люди. Веришь?

Лиза, не задумываясь, сказала:

– Верю я, конечно, верю. Не сомневайся.

Саша что-то хотел сказать, но она жестом остановила его порыв. Продолжила:

– Что дальше будет, это мы посмотрим. Ты скажи, что сейчас делать? Не будешь же ты у нас тут жить, пока там наверху не разберутся, что твой отец не враг народа?

Саша удивленно посмотрел на нее.

– Ты что, не понимаешь? Никто ни в чем разбираться не будет. Мама еще, может быть, лет через двадцать выйдет на свободу, а папа обречен. Другого не дано. Я же не дитя, взрослый мужик. Значит, и для меня статья найдется. – Он вздохнул: – Бежать надо. А у меня за душой ни одного документика нет. Даже студенческого билета, все в общаге осталось. Такие дела. И обратиться не к кому. Народ запуган, а жить всем хочется. – Помолчал. Потом продолжил: – Я

к тебе не за помощью. Я к тебе только пожрать. Больше не к кому. Знаю – ты не сдашь. Собери мне в дорогу еще чего поесть – и побежал я дальше.

Лиза от возмущения дар речи потеряла. Несколько секунд стояла перед ним с открытым ртом. Потом пришла в себя. Подбоченилась, грозно взглянула на Сашку:

– Нет, ты погляди на него! Пожрать он забежал! Дальше он побежал! Куда ты побежал без документов? До первого милиционера? Или до второго? Я те побегу! Сиди уж. Сейчас матрас с одеялом и подушкой принесу – спать ляжешь. Я тут с тобой всю ночь провести не могу, там Юрочка проснется, плакать начнет, всех перебудит. Так что переночуешь, а утром думать будем, что делать. И не беспокойся, мои и узнают, что ты здесь, – не сдадут. Все.

И она побежала в дом.

Ушел Саша через три дня. Рано утром, солнышко только-только краешком из-за горизонта показалось. Ушел в рабочей, попроще, одежде. За спиной – вещмешок со снедью, в кармане – заводская справка взамен утерянного паспорта. Хорошая справка, на заводском бланке, с печатью – Лиза постаралась. На прощание он обнял Лизу, легонько прижал, поцеловал в щеку и шепнул:

– Спасибо. Век не забуду.

Она погладила его по волосам, по груди, горько усмехнулась, тихонько сказала, как выдохнула:

– Иди. Удачи.

Екатерина Ермолаевна, вставшая проводить гостя, перекрестила Сашу.

– Дай тебе Господь счастья.

В городе ни у кого и мысли не возникло поинтересоваться о нем у Калугиных.

Ни Лиза, ни Екатерина Ермолаевна, ни Александр не знали и не могли знать, что пройдет несколько лет и Беленко сполна отдаст свой долг семье Калугиных.

Через год Юрочка поправился. Худеньким он так и остался, но стал спокойнее, ночью хорошо спал. В годик пошел, в полтора сказал «мама». А еще через полгода всех родных по именам называл и, тыкая пальчиком в Димину фотографию, говорил «папа».

У Димы дела по службе шли хорошо, до звания старшины дослужился и настойчиво звал Лизу хоть на пару дней к нему в Москву приехать. В июне она засобиралась в дорогу.

Дима встретил ее на Курском вокзале. Подхватил Лизу прямо на подножке вагона. Зацеловал, закружил по платформе. Толпа встречающих расступилась, невольно образовав круг, в центре которого была эта сумасшедшая пара. Дима осторожно поставил Лизу на землю, и их губы слились в долгом поцелуе. Окружающие заплодировали, загудели, раздались возгласы:

– Вот это да! Не зацелуй до смерти! Дает солдатик! Эй, военный, оставь и мне чуток!

Оторвавшись от губ Димы, Лиза оглянулась, и в глазах у нее потемнело. Стыдобища-то! Такого в ее жизни еще не бывало. Целоваться в центре толпы! Голова закружилась, она чуть было не упала, но Дима все еще обнимал ее, крепко прижимая к груди. Обвел глазом сборище, подумал: «Ни фиги себе! Устроили сцену у фонтана! Надо сматываться, а то и патруль может объявиться, заметут за милую душу. Будет тебе, Димка, праздник!» Одной рукой подхватил Лизу, второй – чемодан, толпа расступилась, и они быстренько двинулись к выходу.

Через минуту ничто не напоминало о разыгравшейся здесь сцене.

Три дня прошли у Лизы как в тумане. Она остановилась у дальнего родственника в Сокольниках. Димка каким-то чудом разыскал его еще в начале службы в Москве, и они сразу потянулись друг к другу, стали друзьями. Поэтому вопроса, где жить, у Лизы не возникло. Виктор, так звали москвича, был одногодком Димы, простым, веселым и общительным парнем. Лизе он понравился. При встрече сразу заявил:

– А ты, сеструха, ничего, в порядке. Давай без церемоний. Мой дом – твой дом. Димка твой – во парень! – Он поднял вверх большой палец. – Мне как брат! А ты живи у меня сколько

хочешь. – И, предупреждая возможные разговоры и вопросы на эту тему, добавил: – И запомни: никого ты не стесняешь, никого не ущемляешь. Вообще не забывай: мы ж родные.

С Виктором все было хорошо и просто. Диме дали увольнительную, и они втроем целыми днями бродили по Москве. И на Красной площади побывали, и в Мавзолее, и в Историческом музее, и кино посмотрели. Лиза подарков накупила. И маме с папой, и Мотьке, и детям. Дима ворчал:

– Всем всего накупила. А себе? Я ж без тебя не хотел покупать, вдруг не подойдет? А ты все тянешь. Вроде всем надо, а тебе не надо!

Лиза отмахивалась.

– Да ладно. И мне что-нибудь купим. Не переживай. Время есть.

На самом деле ей очень приятна была озабоченность Димы подарками для нее, Лизы.

На третий день добрались до дома поздно вечером. Лиза без сил упала на диван, вытянулась, сложив на груди руки, и заявила:

– Все, умираю. Сил моих больше нет по городу мотаться! Завтра – отдых!

Виктор поддержал.

– Правильно. Завтра отдыхаем. Но сегодня-то суббота. Надо отметить.

Полежала, полежала Лиза и пошла на стол накрывать. Поужинали, чуток выпили: Лиза винца, ребята водочки. И уселись прямо на полу, на большом толстом ковре, играть в карты, рассказывать анекдоты и разные истории из жизни. Больше всех старался Димка. Рассказать ему было что – армейская жизнь, она такая – не заскучаешь. Рассказчик Дима был отменный. У Лизы то слеза на глаза наворачивалась, то хохотала до упаду. И смотрела на мужа такими влюбленными глазами, что Виктор по-хорошему позавидовал другу. Угомонились они только к утру. Часа в четыре пошли спать.

Было утро 22 июня 1941 года.

ВОЙНА

Ты не плачь, не стони, ты не маленький,

Ты не ранен, ты просто убит.

Дай на память сниму с тебя валенки.

Нам еще наступать предстоит.

Иона Деген

Юрка заблудился. Он бежал по незнакомой улице и ревел. Слезы заливали его лицо, катились по щекам до шеи и по худым ключицам тонкими струйками стекали под майку. А те, что не успевали вылиться из глаз, попадали в нос и пузырились над верхней губой. Он не звал ни маму, ни бабу. Его рев состоял из сплошного а-а-а-а... Временами он захлебывался слезами и соплями, и тогда это бесконечное а-а-а прерывалось кашлем, после чего рев возобновлялся. Навстречу торопливо шло и бежало множество людей. Они обегали мальчика, им не было до него никакого дела. У всех были свои заботы, свои важные дела, свой страх за жизнь свою и своих близких. Большинство этих спешащих людей считало, что именно в эти часы или даже минуты решается их судьба. Никто не остановился, не спросил Юрку, кто он, как его звать, где его родители. Это еще больше пугало малыша. Он не понимал, куда и зачем бежит. Просто Юрке было очень страшно, но ему казалось, что где-то там, впереди, он найдет маму. Так он бежал, бежал, пока со всего размаху не уткнулся головой в серую юбку. Юра обхватил ручонками эту юбку вместе с ногами и заорал:

– Ма-а-а-ма-а-а!!!

Калугины уезжали в эвакуацию. Старенькая полуторка стояла у калитки. В кузове машины уже сидело человек десять. Они теснились на лавках, жались друг к дружке и нетерпеливо поглядывали на суетившихся у машины попутчиков. Екатерина Ермолаевна подошла к машине с Фёдором Николаевичем, Матвеем и Леночкой и увидела Сашу, сестру Димы. Обрадовалась:

– Сашенька! Так мы вместе едем! Как хорошо! – Осмотрела остальных пассажиров. В кузове из знакомых была только Лена Новосёлова с родителями. Екатерина Ермолаевна поздоровалась с ними и обратилась к родственнице: – Саша, а где же родители?

Саша вздохнула, нахмурилась. По лицу пробежала тень тревоги. Она, чуть не плача, сказала:

– Мама тяжело заболела. Врачи категорически запретили ей ехать. – Помолчала. – Папа остается с ней. Я тоже хотела остаться, но папа настоял, чтобы я уехала. Комсомолка, мол, ну и все такое... В общем, запретил мне оставаться. Вот. – Вздохнула: – Душа болит, тетя Катя. Ну ничего. Будем надеяться на лучшее. Зато вместе едем. Веселее будет.

Екатерина Ермолаевна кивнула.

– Оно, конечно, вместе веселей. – Вздохнула. – Хотя уж какое тут веселье...

Эта машина была последней. Накануне и всю ночь через город тянулись подразделения нашей армии, оставлявшей город. К полудню все стихло. Никаких военных. Тишина. Только негромкий гомон нескончаемого потока беженцев. Фёдор Николаевич раньше уехать не мог: с утра до ночи занимался эвакуацией завода, а без него Лиза с детьми, а тем более Екатерина Ермолаевна, ехать категорически отказались. Так и получилось, что уезжали Калугины в последний день. Вещи, несколько узлов и чемоданов, они успели загрузить. Мотыка первый легко заскочил в кузов. Помог взобраться Фёдору Николаевичу и Леночке. Они уселись на свободные места. Екатерине Ермолаевне с Юркой место было отведено в кабине.

Лиза в последний раз обежала квартиру, уже казавшуюся ей чужой, поправила занавески, плотно прикрывавшие окна, вздохнула и вышла на крыльцо. Закрыла тяжелый замок, купленный специально для этого случая. И тут силы оставили ее. Лиза села, прислонившись к закрытой двери, и беззвучно заплакала. Все ее худенькое тело содрогалось от рыданий. На душе было невыносимо тяжело. «Как же так? Как же так: война только пару месяцев назад началась, а немцы уже вон где – у родного порога, на Донбассе!»

Тогда в Москве, двадцать второго июня, она и мысли допустить не могла, что через несколько месяцев ей придется из родного города бежать неизвестно куда! Кто бы мог подумать? Тем страшным утром, когда они узнали о войне, Димка сразу засобиравшись в часть. А как же – война. Какие там прогулки, какие магазины? Он помог Лизе собраться и повез ее на вокзал.

– Там от Курского, – сказал он, – до части рукой подать. Доберусь. Мне кровь из носу нужно успеть с фашистами разобраться. А то без меня немцев разобьют, и плакал мой орден. Или медаль. Но медаль – это в худшем случае.

У Лизы сердце чуть из груди не выскочило. Она с ужасом посмотрела на мужа.

– Ты что, воевать собрался? Убить же могут!

Димка с сожалением взглянул на нее.

– Убить? Могут, конечно, и убить. Но не такой уж я дурак, чтоб под пули подставляться. Однако я ж красноармеец. Для того и призвали, чтобы Родину защищать. В кустах отсиживаться не собираюсь. Тут вопрос в том, что успеть надо. Ты думаешь, война долго продлится? Да ни в жисть! Зря немцы на нас полезли. Чего б им с Англией не стукнуться? У них же с англичанами война, а с Советским Союзом – мир! Так нет – полезли, сучата! И получают по полной! У нас броня крепка, и танки наши быстры. И своей земли клочка не отдадим! Так что не сомневайся: получают фашисты по мордасам! Ой, получают... Недельки за две-три управимся. – Он потряс в воздухе кулаком. – Готовься, Берлин, скоро будем!

Лиза заплакала. Уткнулась в Димкино плечо.

– Димочка, Димочка. Неужто война настоящая будет? Это ж сколько крови? Сколько кровушки прольет-о-отся. Не хочу я ни медали, ни ордена. Хочу, чтобы живой ты был. Умру я без тебя. – Она хлопнула носом. – А как же детки? Как детки без нас?

Дмитрий отстранился от нее. Сурово спросил:

– Что это ты меня хоронишь? Что за настроение? Говорю же: за недели две-три с немцами управимся! Запел:

Ты жди, Лизавета,
От мужа привета...

Оборвал песню, глянул на часы, нахмурился, сказал совсем другим, серьезным тоном: – Все. Пора. А песню эту потом, после победы, допоем, Лизавета.

А она все плакала. И по дороге на вокзал, и на перроне. Прощаясь, не могла оторваться от Димы. Все жалась, жалась к нему, как будто прощалась навсегда, навечно.

И вот теперь сидит она на крылечке родного дома, прощаясь с ним. Прощаясь с прежней жизнью и отправляясь неведомо куда. «Где ж эта броня, и где быстрые наши танки? – горько думала она. – Как скоро немцы захватили не только Минск и Киев, уже и под Москвой воюют. Устоит ли наша матушка? Что делается? Вот и нам из родного дома бежать надо. В эвакуацию. Раньше-то и слова такого не знали. Пришлось выучить». Сердце ее так сжалось, что невольно схватилась она за грудь. Не плакать хотелось – выть. От бессилия, оттого, что не знала, что делать и как делать, чтобы прекратился тот ужас, что окружал ее с тех самых пор, как попрощалась она с мужем.

Лиза подняла голову, увидела приближающуюся к ней Екатерину Ермолаевну. Быстренько встала, повернулась к двери, покачала замок, будто проверяя его, а сама украдкой, чтобы мама не заметила, смахнула слезы. Решила: «Нельзя показывать свою слабость никому, даже маме. Ей и так достается больше всех». Только после этого обернулась и шагнула навстречу Екатерине Ермолаевне, обняла ее. Та через Лизино плечо с каменным лицом посмотрела на закрытую дверь родного дома, отступила на шаг, слегка отстранив Лизу, перекрестила себя, потом дом. Поклонилась и сказала:

– Вот и все. Придется ли открыть эту дверь снова, один Бог знает. – Покачала головой. – Пойдем, дочка.

Лиза удивилась мужеству матери. Она готовилась утешать ее, утирать слезы, а не пришлось. Ни одной слезинки на лице старой женщины. Екатерина Ермолаевна резко развернулась и первая пошла к машине. И тут Лиза спросила:

– А где же Юрочка?

Мама пожала плечами:

– Да небось с дедом или Мотькой. Пошли, пошли быстрее, нас и так люди заждались.

Но ни с дедом, ни с Мотькой Юрочки не было. Его вообще нигде не было! Лиза несколько раз обежала вокруг полуторки, заглянула под машину, крикнула Матвею:

– Мотя, глянь Юрку в саду!

Сама побежала на улицу. Юрки нигде не было. Лиза открыла дом, пробежала по комнатам, заглянула в шкафы, под кровати – нет. И к соседям во дворы они метнулись, и по улице до перекрестков – нет! Лиза села на крыльцо, заплакала. Шофер запаниковал.

– Фёдор Николаич! Не уедем! Немцы вот-вот здесь будут. Пропадем. Все пропадем! Надо ехать.

Фёдор Николаевич вопросительно глянул на дочку.

– Ну что?

Лиза отрицательно покачала головой.

– Без Юрочки не поеду. Вы езжайте, а я уж тут как-нибудь. Найдется он. Не иголка. Езжайте.

Фёдор Николаевич насупил брови. Рассердился.

– Как езжайте? Без тебя?

А Екатерина Ермолаевна тут же распорядилась:

– Мотя, бери Леночку, слазьте! Мы остаемся. – И топтавшемуся рядом шоферу: – Принимай девочку.

Матвей подал ему Леночку, сам легко спрыгнул на землю, взял племянницу за руку и скомандовал водителю, как будто был главным:

– Давай, браток, гони. Еще успеешь проскочить.

Растерянный водитель обратился к Фёдору Николаевичу, ведь именно ему директор завода последнюю машину для эвакуации выделил:

– Николаич, как же так? Тебе машина и ехать без тебя? Как же так?

Фёдор Николаевич вздохнул.

– Ну вот так. А ты бы без дочки и внука уехал?

Шофер молча пожал плечами.

– Вот и я не могу. Такая судьба. Переживем.

Они уехали.

Через час Юрочку привела домой учительница местной школы.

– Ваш малыш? Принимайте. Насилу выяснила, чей он. – Слабо улыбнулась. – Далековато от дома убежал. Слава богу, что вы нашлись. Я уж боялась, что уехали. У меня камень с души.

Лиза, увидев сына с незнакомой женщиной, рванулась было к ним, но ноги неожиданно сделались ватными, и она бессильно опустилась на стул. Сердце так забилося, что казалось, оно вот-вот не выдержит и разорвется. Лиза прижала сжатые в кулачки руки к груди, словно стараясь удержать его, и несколько секунд молча смотрела на Юрочку, потом тяжело встала и, сделав несколько неуверенных шагов навстречу, потянулась к сыну, схватила его на руки, прижала худенькое тельце к себе и заплакала. Говорить она не могла, да и слов нужных не находилось. Она только всхлипывала и всхлипывала, все сильнее вжимая малыша в свое тело, словно стараясь слиться с ним так, чтобы никакая сила не могла их разлучить.

Екатерина Ермолаевна подошла и, не зная, кого жалеть, погладила головы дочки и внука. Скупая старческая слеза медленно выкатилась из глаз. Сердце ее сжалось до боли, она отвернулась, пытаясь скрыть свою слабость, свою боль, и тихонько, про себя, прошептала:

– Господи, прости нас грешных. Смилуйся и отпусти нам грехи наши...

* * *

Дмитрий долго смотрел вслед медленно ползущему поезду, увозившему Лизу. Железнодорожные пути почти сразу за вокзалом уходили влево, к Яузе, и поезд, слегка покачиваясь, неспешно исчез за поворотом. Дождавшись, когда он скроется из виду, Дима вздохнул и подумал: «Ну, слава богу, до дома доедет, туда война не доберется. А я – как карта ляжет: на фронт, так на фронт. Хотя это вряд ли. Красная армия и без войск НКВД справится. У нас все же другие задачи».

Тогда, в тридцать девятом, поехал он служить не куда-нибудь, а в Москву. И не просто в Москву, а в войска НКВД, что, как сказал военком, особенно почетно. Из города в эти войска отобрали всего-то трех человек. Отвезли в Сталино, там народу прибавилось, но немного. Старшина, прибывший из воинской части за пополнением, увез двенадцать человек. В Москве их помыли в бане, обмундировали и отправили в учебную роту. Занятия по боевой подготовке Дима переносил легко. Сказалось все: и его дворовое детство с бесконечной беготней, футболом, плаванием, и, конечно, работа. После сумасшедшей нагрузки в должности помощника директора завода армейская жизнь несколько не тяготила его. «Чего молодежь армией пугают? – думал он. – Это ж детские нагрузки! Смешно даже. Конечно, если маменькиным сынком расти да с детства за мамину юбку держаться, это да... Ну а нам, простым мужичкам, такая армия не в тягость». А о политической подготовке и говорить нечего: инструктор горкома комсомола на фоне других ребят выглядел чуть ли не профессором. Да и по возрасту Дима был на несколько лет старше сослуживцев. Так что неудивительно, что он сразу среди сверстников стал выделяться в лучшую сторону. К концу учебки Дима жалел только о том, что пострелять толком не дали. До присяги три раза всего-то и пальнул. Стрелять оказалось несложно, но десятку только одну выбил, а две восьмерки. И хоть взводный и похвалил его,

Димка расстроился: он был уверен, что все пули в десятку положит. Решил: «Ладно... В следующий раз... только бы потренироваться дали». Не дали.

Ближе к концу обучения к ним в подразделение зачастили командиры из управления полка: политработники выискивали активистов по политической части, художников, артистов; начфиз – спортсменов, тыловики – шоферов да поваров. Другие – просто грамотных ребят. В общем, интересовались они, кто есть кто и кто что может, чтобы заранее подобрать подходящих ребят взамен увольняющихся. Вот тут и прошел слушок, что есть среди призывников даже заместитель директора крупного металлургического завода. Это произвело эффект разорвавшейся бомбы. В роту пожаловал специально по этому случаю заместитель командира полка по тылу. Конечно, он и раньше появлялся в подразделении, беседовал с новобранцами, проверял обмундирование, спрашивал, как их кормят, довольны ли военным бытом, условиями службы. Словом, проявлял отеческую заботу. Но вот так, чтобы специально прийти к отдельно взятому молодому бойцу – такого до сих пор не было. Тем более что заместитель командира полка по тылу майор Саленко Иван Иванович имел одну удивительную особенность: он был как две капли воды похож на Семёна Михайловича Будённого. И кличка тайная у него в полку была – Буденный. Тайная-тайная, но Саленко на нее охотно откликнулся. Более того, он и усы буденновские отпустил, точь-в-точь как на портретах Семёна Михайловича. Справедливости ради надо сказать, что в полку, как среди командиров, так и у красноармейцев, Иван Иванович пользовался большим авторитетом.

Полякова вызвали прямо с занятий. Командир роты лично проводил его в свою канцелярию. Дима вошел и, как его проинструктировал ротный, четко доложил:

– Красноармеец Поляков по вашему приказанию прибыл!

Саленко, сидевший за столом, окинул его внимательным взглядом, удовлетворенно хмыкнул и, кивнув на стоящий перед столом стул, сказал:

– Хорошо, что прибыл. Садись.

Дмитрий сел.

Майор не спешил начинать беседу. Слегка побарабанил пальцами по столу, еще раз окинул взглядом молодого бойца, качнул головой и с долей удивления спросил:

– Как же ты, такой молодой и заместителем директора металлургического завода работал? Завод-то большой?

Дима не смутился и, пожав плечами, ответил:

– Завод большой, крупный. Вокруг этого завода и весь город наш строился. Только я заместителем директора не работал.

Саленко вскинул брови, удовлетворенно покачал головой.

– Я так и думал. Куда ж в твои годы да на такую должность. Правда, в нашей жизни всякое бывает. Может, думаю, у парня папа в министрах ходит, или ты вундеркинд особенный – три института окончил. Или еще чего. Вон Аркадий Гайдар в шестнадцать лет полком командовал. Всякие чудеса бывают. Решил лично с чудесами познакомиться. Оказывается – все враки. Кто ж это слухи такие распускает? Не сам ли? Хотя ротный и хвалит тебя, но такую должность придумать, заместитель директора завода в твои-то годы, – это надо уметь. Где ж правда? Ну рассказывай, а я послушаю.

Дмитрий встал. Иван Иванович махнул рукой.

– Да ты сиди, сиди. У нас разговор простой, неофициальный. – Погрозил пальцем. – Только правду говори. И без обид, что я не верю в разные небылицы. Сейчас разберемся и поставим все точки в нужных местах. Идет?

Дима согласно кивнул, сел и заговорил:

– Идет. – Помолчал несколько секунд, собираясь с мыслями, потом продолжил: – Заместитель директора завода – это круто. Это очень круто. Ну какой из меня заместитель? Заместитель – он же в отсутствие директора должен замещать его, командовать десятками тысяч

человек, руководить технологическим процессом. Вы представляете, какой у нас завод? Тыщи людей работают! И сталь варить – это не хухры-мухры! Наука! А у меня семь классов! Кто ж это придумал – заместителем директора завода меня объявить? Не знаю. Я такого никогда и никому не говорил. – Он вздохнул, глянул на Саленко и, опережая его вопросы, продолжил: – Вот помощником директора завода я был. Это было. – Он пожал плечами. – Но это же совсем другое дело.

Иван Иванович, внимательно слушавший Диму, оживился. Заговорил:

– Так, так, так. Помощником все-таки работал? И по какой же части? Это что? Что-то вроде секретаря?

Дима усмехнулся.

– Секретарем? Нет, это не по мне. Помощником я был по хозяйственной части. – Помолчал и, видя, что Саленко не перебивает, продолжил: – Сначала-то я заведующим заводской столовой работал. Наверное, неплохо работал, все довольны были. И главное, сам я доволен был. И работой, и зарплатой. Конечно, хотелось большего, но ведь все сразу не бывает. Планы всякие с дальним прицелом с женой строили. Учиться надо было. У меня же, я говорил, семь классов да курсы товароведов. Товарищи мои по горкому комсомола в гору давно пошли, а мне с семилеткой и рыпаться нечего было.

– А при чем здесь горком комсомола? – перебил его Саленко.

– Так я ж до столовки два года инструктором там трудился, – пояснил Дима.

Иван Иванович покрутил головой.

– Ну и ну. Везде поспел.

Дима пожал плечами.

– Работал там, где нужен был. Сам не высовывался, но и за мамкину юбку не держался. С четырнадцати лет на заводе. Жили мы не богато, все деньги в дом. Даже на мороженое себе не оставлял.

Он замолчал, задумался. Молчал и Саленко. Потом вздохнул, кивнул Диме:

– Ну, продолжай.

Дмитрий продолжил:

– Так вот. Работаю, значит, планы разные строю. Но мы предполагаем, а начальству виднее. Вот так и со мной. Вызвал меня однажды директор. А директор каждый день завстоловой не вызывает. «Значит, проштрафился где-то, – думаю, – подготовиться надо». На всякий случай накладные, кое-какой справочный материал прихватил. Что б, если чего спросит, я ответить готов был. Захожу к директору. А он о работе моей, о столовой – ни звука. Ничего не спрашивает. Усадил напротив и сразу быка за рога.

– Хочу, – говорит, – тебя, Поляков, своим помощником назначить. Ты как?

Я рот открыл, а закрыть не могу. Обалдел. Вот это поворот! А Сергей Семёныч, директор наш, смеется:

– Что, не ожидал?

Как же – ожидал! Мне и во сне такое присниться не могло! Сижу, слова вымолвить не могу! А он продолжает:

– Ну думай, думай.

А я, о чем думать, не знаю. Хотел встать, решил: думать дня два буду, хоть не знаю о чем. Начал уж было приподниматься, а он грозно так:

– Куда? Здесь думай!

Я сел. «О чем, думаю, думать?» Голова пустая, как шарик воздушный. Ошаршил меня Сергей Семёныч, так ошаршил! А он смеется. Как будто мысли мои читает.

– Ты, брат, – говорит, – думаешь, о чем думать? И не знаешь? Так успокойся, сейчас я тебе расскажу. Ты не тушуйся. Не главным инженером тебе быть предлагаю. Я знаю, кто у нас на заводе на что способен. Для начала хочу, чтобы ты на заводской территории порядок

навел. С этим-то справишься? А должность моего помощника – это так, для солидности. Чтоб от моего имени руководить этим делом мог.

Тут Дима оживился: о заводе он готов был часами рассказывать, почувствовал интерес со стороны начальника, ожил, щеки даже порозовели, и продолжил:

– То, что порядка на территории завода не было, это все знали. Все захлавлено: ни пройти, ни проехать. Я это давно усек, возмущался, да и не я один. Только не мое это дело – порядок на территории наводить. Завстоловой и территория – вещи совсем разные. Я так понимаю: каждый должен своим ремеслом заниматься! Что ж я? Полезу в чужой огород? Еще и обижу кого-то, ведь должен быть человек, который за это отвечает? И его обижу, и сам по шапке получу.

Саленко заворочался на стуле, слегка отвалился от стола, по лицу поползла легкая улыбка. Дима смутился, замолчал. Спросил:

– Вам это, наверное, ни к чему? Заговорился я.

Иван Иванович покачал головой.

– Да нет. Хорошо говоришь, интересно. Продолжай.

Дима вздохнул и продолжил:

– Тут я сразу понял: это мне и по силам, и по душе. Согласился. По правде сказать, скучновато мне к этому времени в столовке стало. А тут и масштаб другой, и работа живая.

Сергей Семёныч говорит:

– Ну, вот и хорошо. Знал я, что согласишься. И знаю, что справишься. Иди, столовую начальнику производства своего сдавай, приказ о твоём назначении подписываю.

Достает из папки, что на столе у него лежала, приказ. И подписывает. Вон оно как: приказ у него, оказывается, уже готов был, а он меня еще думать заставлял! Но я не в обиде. Подписал он приказ, протянул мне.

– Ознакомься.

Потом вдруг руку отдернул, положил листок этот перед собой и спрашивает:

– А что ж ты о зарплате ни гугу? У тебя семья, дочь. Ну?

Я пожал плечами. Говорю:

– Работу интересную предлагаете. И с перспективой. А насчет зарплаты? Знаю, не обидите.

Так и стал я помощником директора. Территорией дело не ограничилось. С этим я довольно скоро справился, порядок навел. Потом директор стал мне разные другие поручения давать. То один вопрос решить надо, то другой. Не по производству, конечно. Туда я не лез, место свое знал. Все поручения были по хозяйственной части, по снабжению. И все в своем городе. В Киев, Москву, по министерствам разным я не ездил. Но в Орджоникидзе всеходы знал и все вопросы решал. Горком комсомола – это ж, знаете, кузница кадров. Время прошло, и многие товарищи мои по комсомолу руководящие или почти руководящие посты в городе заняли. Так что по любому вопросу мне было с кем пообщаться. Это не Ванька незнакомый с улицы зашел! Им тоже от завода кой-чего надо было. Завод-то наш – главный в городе. Так что интерес был обоюдный. Было о чем поговорить, былое вспомнить да и по стопарику между делом выпить. Так что место свое, вполне достойное, я занял. А вскоре почти все заводское снабжение на мне замкнулось.

Тут Димка спохватился, что слишком увлекся. Замолчал, с тревогой взглянул на майора.

Тот улыбнулся, покачал головой и сказал:

– Да, вижу: парень ты не промах. Теперь, если б мне сказали, что был ты заместителем директора завода, я бы поверил. – Он встал. – Ладно, служи. – Пошел к двери. Проходя мимо вскочившего Полякова, похлопал его по плечу. Добавил: – Что ж, удачи тебе. Увидимся.

И вышел.

Определили красноармейца Полякова писарем в продовольственную часть полка. Завел его в просторный кабинет продслужбы старшина роты, слегка подтолкнул в спину, буркнул:

– Вот вам новый писарь. Получайте.

И вышел. На Диму внимательно смотрели две пары глаз: одна женская, другая мужская. Женская – с интересом и приветливо, мужская – настороженно. Женщина была немолодая, полноватая, но симпатичная, в гражданском скромном платье. Мужчина – старшина, в военной форме. Он неторопливо встал из-за стола, подошел к Полякову, покрутил ему пуговицу на гимнастерке и спросил:

– Писарь, значит? А писать умеешь? Сколько классов? А то наговорили тут, чуть ли не министр к нам в писаря пожаловал. Как зовут?

Дмитрий стал по стойке смирно, приложил руку к головному убору, четко доложил:

– Красноармеец Поляков. Прибыл в ваше распоряжение на должность писаря.

Старшина довольно усмехнулся. Тут вмешалась женщина.

– Да брось ты, Ваня, начальство изображать. Вместе работать будем.

Она неожиданно легко встала, подошла к Димке, сказала:

– Меня зовут Мария Сергеевна. А старшину, – кивнула в сторону сердитого мужика, – старшина Суслин. Если захочет, пусть имя свое сам называет. А ты не смущайся. Тебя как зовут?

Она протянула ему удивительно маленькую, аккуратную ладошку. Поляков осторожно пожал ее и сказал:

– Дмитрий. Можно просто Дима.

Мария Сергеевна ободряюще улыбнулась, взяла его за руку и подвела к одному из пустых столов. Кивнула:

– Вот твое рабочее место. Садись. Начальника продслужбы сейчас нет, он позже подойдет, тогда и познакомитесь. А пока осваивайся.

Вмешался старшина:

– Ну, будем работать или не будем, мы еще посмотрим. Давай-ка проверим, как этот писарь пишет. – И к Полякову: – Бери бумагу, пиши. Я диктовать буду.

Взял из шкафа какую-то книгу и начал диктовать. Довольно быстро. Дима еле успевал за ним писать, но делал это молча, не поднимая глаз. Исписал примерно полстраницы. Суслин, не говоря ни слова, подошел, забрал листок и, сев за свой стол, начал читать. Глаза его расширились, он бегал ими то по тексту, то по лицу Димы. Потом замер, долго смотрел на потолок, затем удивленно спросил:

– Маш, так говоришь, сам Буденный прислал нам это чудо?

– Ну да, сам.

Суслин покачал головой и выскочил из кабинета. Но скоро возвратился, кивнул Диме:

– Пошли.

И повел его к Саленко. Зашли. Иван Иванович сидел за столом, рассматривая Димин диктант. Махнул рукой Суслину:

– Иди. Надо будет – вызову.

И Полякову:

– Садись.

Саленко покачал головой, кивнул на Димкину писанину. Сказал:

– Ну ты, брат, даешь. Где ж ты так писать выучился? – Протянул ему исписанный листок. – Сам-то прочесть можешь?

Дима глянул на свои каракули, пожал плечами:

– У нас в семье, кто грамотный, все так пишут. Батя, бывало, напишет чего, а потом меня просит, прочти, мол, я сам своего почерка не разберу. Ну и я так же. А у брата моего старшего, Жорки, еще похлеще будет – вообще ничего не понять. Так что...

– Так что, – перебил его Саленко, – не бывать тебе писарем. Писарей с таким почерком не бывает. Да и с грамотешкой у тебя беда. Десять строчек написал, пять ошибок сделал. Что скажешь, Поляков? Даешь ты, парень. – Снова покачал головой. Посмотрел на него задумчиво. Сказал, как будто про себя: – Да, это я маху дал. Не проверил. – Поднял глаза. Продолжил: – А как же ты работал? На заводе какие-то документы тоже надо было писать?

Дмитрий не смутился:

– На заводе-то проще было. Там и делопроизводители, и машинистки. Им скажу, чего надо, они и пишут. А то машинистке диктую, она на машинке как из пулемета строчит. Грамотная. – Пожал плечами. – Так что с этим проблем не было. Да и вам я, кажись, говорил, что писанина всякая – это не по мне. Я живую работу люблю, я ...

Саленко не дал ему закончить, перебил:

– «Я, я...», «кажись», «надясь»... Помолчи! – Почесал затылок. – Вот что теперь с тобой делать? И в писаря ты не годишься, и отпускать жалко...

Так Дима оказался кладовщиком продовольственного склада полка. Дело было не просто знакомое, но и мелковатое для него. Порядок Дима навел быстро, а вот отношения с начальником старшиной Уховым не заладились – жуликоват был завскладом, вороват. Много украсть не мог, да и боялся, но по мелочи... Нес все, что не так лежало. А чтобы нести проще было, учет товаров велся так небрежно и безграмотно, что в нем, как говорится, черт ногу сломит. Дима переживал. Что он мог сделать? Он же пока никто. Солдат-первогодок. Салага. Недоумевал. Как же так: проверки-то бывают? А может, завскладом в стоворе с начальником? Тогда его же, Димку, если кому что скажет, виноватым и сделают. Из писарей погнажи, погонят и со склада. Пожаловаться Саленко совесть не позволяла. Дворовые понятия чести и бесчестья накрепко засели в его голове. Доносить, стучать, что называется, стать сексотом – пусть лучше язык отрежут. Никогда! Мучился он, мучился и решил действовать по-своему: завел такой учет – каждый грамм любого продукта на счету. Стащит Ухов полкило масла, а Димка на следующий день перевесит и к завскладом с перепуганной физиономией, как будто мир рушится:

– Товарищ старшина, недостача! Масла не хватает!

Достал-таки этим начальника. Пошел тот просить Димке замену. Не справляется, мол, молодой. А кончилось тем, что завскладом перевели на другую должность, кстати, с повышением, а Димку на его место назначили. Какое-то время он переживал: получилось все равно, что вроде он своего начальника подселел, с хлебного места убрал. Ходил хмурый, злился на самого себя. Больше месяца успокоиться не мог, пока Саленко сам его не вызвал и мозги ему не прочистил. Оказывается, он давно догадывался о том, что подворовывает завскладом, только схватить за руку не мог да и заменить воришку нечем было. Тут Поляков и подвернулся. Саленко вздохнул. На нового завскладом нарадоваться не мог. И переживания молодого бойца правильно понял. Зашел однажды на склад, усадил Димку напротив и без предисловий начал:

– Переживаешь? А напрасно. Не кори себя, что вроде сдал начальника. И без тебя я с ним разобраться должен был. Давно догадывался, чье рыльце в пушку, только руки не доходили. Да и защитничков он имел заинтересованных. А тут ты появился. С жалобами по начальству не бегал. Не стучал. Все было чин чинарем. Ты ж появился как бельмо на глазу. Вот он и решил от тебя избавиться. Но я не дал. А он отделался легким испугом, его же не уволили, а на другую должность, даже с повышением, назначили. Выслужился. А я рад, что от него избавился. Так что служи спокойно. Хорошо ты начал, но, – он погрозил ему пальцем, – не расслабляйся. Хлебное у тебя место, много искусителей пробовать на зубок будут. Ох много... – Покачал головой. – Так что держись. Хорошо начать – это полдела. А дело – хорошо закончить.

И Димка держался. Через год уже старшиной был. Служба потекла спокойно и размеренно. Конечно, в армии совсем спокойно и размеренно не бывает, на то она и армия. Но Поляков был, как говорится, человеком на своем месте. К концу срока службы Саленко начал исподволь подбивать его остаться на сверхсрочную или поступить в военное училище, очень

уж симпатичен был ему этот парень. Но Дмитрий стоял на своем: честно дослужить – и домой! К семье и на завод. В отпуск один раз съездил. Но что отпуск? Десять дней пролетели как во сне.

Скучали оба: и Лиза, и Димка. Потом уговорил-таки он жену в последнее лето службы к нему в Москву приехать.

И повидаться, и подкупить кое-чего для детей. Вот тут их и застала война.

* * *

Немцы вошли в город через час после возвращения Юрочки. Сначала слышен был отдаленный гул. Он катился откуда-то через дома, сады и улицы и заполнял собой все городское пространство, до последнего закоулочка. И это наводило страх на людей. Непонятно было, что это за шум. И этот шум, этот гул не прекращался. Он равномерно расползался по всему городку, и казалось, ни конца, ни края ему не будет. На всякий случай Калугины сидели взаперти и гадали: где это что гудит и когда закончится. Сидели, пока Мотья не прибежал, его же в доме никакой привязью не удержишь, и не сообщил:

– Там, по проспекту фашистские танки идут. Во, силища! Два часа идут, и конца не видно!

Стало понятно, что за гул стоит по городу. За танками пошли грузовики с пушками на прицепе, с солдатами в квадратных касках, а там и пешие потянулись. Так и шли без остановки почти до утра. А потом все стихло. Город как будто вымер. Жители сидели по домам и гадали: что же будет? Тишина закончилась часам к двенадцати. Потом снова появились и грузовики, и легковые машины, и полевые кухни, и пехота. Эти не спешили. По-хозяйски обустроивались на новом месте. Заняли лучшие здания, выставили охрану у металлургического завода, водоканчки, на железнодорожной станции. В родной Лизиней школе разместились военные комендатура. Там у входа немцы вывесили свой флаг, на крыльце стоял часовой. Обо всем этом притихшим Калугиным рассказывал Мотья, неустанно мотавшийся по городу.

Ноябрь выдался холодный. Листья с деревьев опали, и студеный ветер гонял их по опустевшим улицам. Калугины из дома не выходили. Екатерина Ермолаевна переживала: знала бы, что в эвакуацию не уедут, запаслась бы продуктами, а так – шаром покати, везде пусто! Частично Мотья выручил. В тот же вечер, когда немцы вошли в город, притащил целый мешок всякой съестной всячины. Фёдор Николаевич всплеснул руками:

– Ты что, сорванец, воровать вздумал? А ну, тащи обратно!

Матвей насупился, но сказать ничего не успел. Вмешалась Екатерина Ермолаевна:

– Куда это – обратно? Чтобы фашисты нашим салом обжирались, сил набирались и в наших же ребят стреляли? Что ты, дед, совсем спятил? Да там, в магазинах этих брошенных, все до зернышка подобрать надо! А чего подобрать не успеем – спалить! Все спалить, чтобы супостатам не досталось! – Кивнула Матвею: – Много там еще осталось? И где закрома эти? – Повернулась к мужу: – Давай-ка, Федя, с сыночком еще раз туда сгоняйте. Прихватите, сколько можно, пока власти нет. – Вздохнула: – Наши-то теперь не скоро вернуться, а немцы к завтраму свою охрану выставят – ничего не возьмешь. – И, опережая пытавшегося что-то сказать Фёдора Николаевича, продолжила: – Не воровство это. Свое берем. Не фашисты этот хлеб растили и скот откармливали. Наше это все.

Екатерина Ермолаевна не мешкая сняла с вешалки пальто, подала его мужу и поторопила:

– Идите, идите поживее. Там небось умников уже немало набралось. Да и немцы очухаться могут, охрану выставят. А вы поосторожнее. Если что, не ввязывайтесь. Солдат увидите – сразу домой.

Она проводила их, перекрестив у порога, и сразу Лизе, кивнув на Мотьякин мешок:

– Давай-ка, донька, быстренько разберем, чего тут Матвей притащил, и в погреб снесем. Все припрятать надо, да чтоб не попортилось. Как при новой власти жить будем, кто ж его

знает. А наши, судя по всему, не скоро вернутся. – Она вздохнула. – И за что нам напасть эта? А жить-то надо... – Кивнула на притихших Леночку и Юрочку. – И детей растить. – Задумалась. Помолчала, покивала головой. Тихонько продолжила: – Ну да на все Господня воля... Бог даст – выживем.

Вскоре вернулись Матвей с отцом. И с пустым мешком. Фёдор Николаевич развел руками.

– Там столько народу набежало – не подступиться. Магазинов таких бесхозных в городе, может, один-два, а людей – море. И свои, и беженцы. Всем надо. – Вздохнул: – Вон Мотька чего принес, и за то спасибо.

Калугины затаились. Только Матвей шустрил по городу и приносил новости. Он и сообщил, что в городе военных видимо-невидимо, но немцев мало. А других военных со всей Европы нагнали. Кого теперь здесь только нет: и венгры, и хорваты, и финны. Даже испанцы есть. Но больше всех итальянцев и румын. Все школы и детские сады под казармы приспособили.

Фёдор Николаевич удивился:

– И откуда ты все знаешь? С испанцами по-испански поговорил? Или с финнами по-фински?

Матвей покачал головой.

– Не. С финнами вообще не поговоришь. К ним и подходить боязно. Хуже немцев. Вот итальянцы или, например, румыны. Эти нормальные мужики. Итальянцы вообще как наши. С ними можно запросто. Только они по-русски ни бельмеса не понимают. А румыны, кукурузники, некоторые по-русски почти все понимают. Там один так по-русски чешет, похлеще наших. Говорит, в Одессе раньше жил. Он и рассказал, кто тут кто.

– А почему «кукурузники»? – спросила Лиза.

– Ну, кукурузники или мамалыжники. Потому что у них главная еда – мамалыга. Кукурузная каша такая. Вкусная, нас угостили.

Лиза возмутилась:

– И вы ели? Подачки из рук фашистов?

Мотька пожал плечами.

– А что такого? Нам же нужно сил набираться, чтобы потом их же и бить! И вообще, Лизка, чем больше мы съедим, тем меньше им достанется. Поняла?

– Поняла, поняла. Только ты поменьше по их казармам шляйся. Это все равно добром не кончится.

Матвей только хмыкнул в ответ.

На десятый день оккупации к ним откуда ни возьмись появился Сашка Степанко. С белой повязкой на рукаве и винтовкой.

По-хозяйски прошел в грязных сапогах на середину комнаты, стукнул прикладом по полу и громко сказал:

– Ну что, краснопузые, затаились? Где ж ваши защитнички? – И к Лизе: – Твой цыган, небось, уже за Урал деру дал? Или он не цыган вовсе, а жид? Так новая власть и тех, и других не жалует. Всех велено под корень! Вот так-то. Не того мужа ты выбрала, Лизавета. Теперь у тебя вся надежда на меня... Захочу – помилую, захочу – казню. – Он широко улыбнулся, постучал кулаком по лбу. – Думать надо было, Лизавета. Думать.

Екатерина Ермолаевна встала перед ним. Руки в боки, взгляд насмешливо-презрительный.

– Ну ты, новая власть. Для начала сапожищи мог бы снять, прежде чем в дом заходить. А то я не посмотрю, что ты власть, так кочергой отхожу, что про власть и забудешь! А ну, – она замахнулась на него, – иди разувайся, потом про власть поговорим.

Сашка смутился.

– Ну ты чего? Ты чего? Я ведь и стрелнуть могу.

– Стрелнуть, – передразнила его Екатерина Ермолаевна. – Стрелнуть... Стрелять надо было по фашистам, что незваными гостями к нам пожаловали. Так ты ж с фронта сбежал. Ты ж дезертир! Тебя призвали Родину защищать, а ты струсил, сбежал под женину юбку. А теперь выкобениваешься. Силен против женщин и детей. Думаешь, я не знаю, что ты уж месяц как прячешься на чердаке? Вы поглядите на него, осмелел. Хозяин новый объявился! Со стариками и детьми воевать! Погоди, наши придут, спросят. За все спросят.

Степанко чуть не задохнулся от негодования.

– Сбежал? Я сбежал? Ты, тетка, мне свой характер не показывай. От нас до границы тыща километров. Где ж наша армия? Где ж зятек ваш разлюбезный, Лизкин муж? Я-то не в армии был, на заводе, – он криво усмехнулся, – победу ковал. А Димка ваш разлюбезный должен был оружием нас защищать. Где ж он? За Урал драпанул?! А меня призвали, когда немцы у порога стояли! Они за месяц тыщу километров прошли. Прямо к нашему дому. Как на скором поезде. А меня и других таких же призвали пожар тушить, когда дом уж сгорел! И с винтарем на танки! Да на винтарь этот три патрона! Иди, воюй! – Он снова усмехнулся. – Нет, Ермолаевна! Хватит! Дураков нет. Теперь все по-другому будет. Теперь новая у нас власть, ей и будем служить. У этой власти и танков, и патронов на всех хватит. – Он пригрозил ей пальцем. – Не надо мне песни петь про землю, которой вершка не отдадим. Наслушались. Так что сидите тихо, не высывайтесь. А с тобой, Лизка, и щенятами твоими я еще разберусь. – Он обвел комнату недобрым взглядом. Вдохнул. – Так что – прощайте... пока.

И вышел, оставляя на чистом полу грязные следы.

– Вот собака, – кивнул ему вслед Мотыка. – Врет он все. Им патроны по две обоймы выдавали. По десять штук. И гранаты. Кто не струсил, те воевали. И танки гранатами забрасывали. Я за городом сам несколько подбитых видел. И обгоревших, и без гусениц. А штук пять немцы в мастерские приволокли на ремонт. Так что врет он все. Струсил и дал деру. И не он один. А теперь вишь – с ружьем ходит. Думает, до власти дорвался. Посмотрим еще, чья возьмет.

Дверь отворилась, в проеме снова показалась голова Степанко.

– Ты, щенок, – обратился он к Мотыке, – много знаешь. Вот тебя первого я и шлепну.

– Ты што? – подступил к нему Фёдор Николаевич. – Белены объелся? С фашистами воевать кишка тонка, на мальце зло срываешь? Угомонись. Решил служить немцам – служи. Это тебе потом зачтется. А мирных граждан, детей тем боле, не трожь. За это тебя и немцы по голове не поглядят. – Погрозил ему пальцем. – Немец, он порядок любит. Поживем – увидим, что к чему. Тогда и решим, что да как! И как нам жить дальше.

Сашка покачал головой, насмешливо улыбнулся:

– Ладно. Живите покуда. А начальник у меня не немец. Дружок твой, Лизка, у меня начальник. Беленко. Предупредил уж, чтоб я вас не трогал. Заботливый. А то б я кое-кому здесь зубы уже посчитал.

Он ушел, хлопнув дверью.

В комнате повисла тишина. Калугины, как замороженные, смотрели на закрывшуюся за Сашкой дверь. Лиза присела на край стула, покачала головой, прошептала:

– Нет, не может быть, чтоб и Саша... Он не такой, он не предатель. Не может быть.

Все обернулись к ней, а Матвей подошел, погладил ее по плечу, сказал:

– Ты, Лиза, не переживай. Я тоже не верю. Наверно он по заданию остался. Не такой Сашка человек, чтобы немцам служить.

Вмешался Фёдор Николаевич.

– Где это он по заданию остался? Он перед войной отсюда ноги еле унес. Или забыли? Родители сидят, если живы еще. Обиженный Сашка советской властью, сильно обиженный. Немцы таких обиженных и выискивают. И дают им и должности, и паек. – Он вздохнул. – О-хо-

хо... – Помолчал. – Тяжкие времена настали. Вот теперь и узнаем, кто есть кто. Как рентгеном все просветятся.

Лиза не стерпела, встала.

– Ну ты, папа, даешь. Люди, конечно, разные. Только Сашу Беленко нечего просвечивать. Он давно просвеченный. И служить просто так фашистам не пойдет. По заданию он здесь или не по заданию – время покажет. А я ему верю.

Фёдор Николаевич пожал плечами:

– Хорошо, что веришь. Только теперь и верить надо осторожно. Понимаешь, доча, если б родители его и правда врагами были – это одно дело. Обидно б было, но понимал бы он, что по делу пострадали. А так... – Он помолчал, покачал головой, внимательно посмотрел ей в глаза, продолжил: – А так получается, что невинно они страдают. От советской власти страдают. Может, их и в живых уж нет... Да и он тоже пострадал. Нешто не обидно? Это ж мать с отцом... Не сосед, не сват. – Снова помолчал. – Это ж родная кровь. Тут не так все просто. А кто виноват? Власть виновата. Петька за эту власть в Гражданскую кровь проливал да трудился потом день и ночь без продыху. А она его раз – и в кутузку. Не обидно? То-то. Тут всяко может быть.

Мотька, до сих пор сидевший в углу с открытым ртом, переводил взгляд с сестры на отца и обратно, ошарашенно спросил:

– Так советская власть выходит что – плохая?

Фёдор Николаевич с сожалением глянул на него, усмехнулся.

– Мал ты еще разбираться в этом: плохая, хорошая... – Помолчал. – Хорошая советская власть. Хорошая. Да люди плохие в ней еще не перевелись. Вот и гадают. И власть всю марают. Вон Сашка, сосед наш, он же тоже вроде советский, а мразь какая! Так он простой работяга. А бывают мерзавцы и при должностях высоких. Только сейчас не время с ними разбираться. Сейчас землю нашу от нечисти спасать надо. И разговоры высокие надо нам отставить. Так что, Лиза, – он повернулся к дочери, – верить людям надо. Конечно, надо. Но... осторожно. Время, оно покажет, кто есть кто.

В разговор вмешалась Екатерина Ермолаевна.

– Ладно, с Сашкой соседом потом разберемся. А вот ты, Матвей, расскажи-ка нам, откуда ты знаешь, сколько кому патронов выдавали? Ты што, сам видел?

Мотька насупился, отвернулся, пожал плечами.

– Да какая разница, откуда я знаю? Ну знаю и знаю. И что?

Екатерина Ермолаевна посуровела:

– Как это, какая разница? А ну иди сюда! – Она поставила Мотьку перед собой, схватила его за плечи. – Говори!

Матвей молчал. Екатерина Ермолаевна не отступала:

– Ты или расскажешь все, или запру в подполе, в летней кухне! Вот ей-богу, запру! Ну! Матвей вздохнул.

– Ма, че ты в сам деле? Вот же я! Здесь, перед тобой, живой и здоровый.

Тут она поняла, что Матвей сдался. Облегченно вздохнула, сказала тихим, обычным голосом:

– Рассказывай.

Матвей пожал плечами:

– Да че рассказывать? Ну, хотел я в ополчение записаться, пошел в горком, там записывали и оружие выдавали. Суматоха, все бегают, все «быстрее-быстрее» кричат. Возраст никто и не спрашивает, а меня, слава богу, ростом не обидели – не подумаешь, что мне шестнадцать только исполнилось. А Родину-то защищать надо! Я что, хуже других? Стрелять умею. А года – дело наживное... Тут и очередь моя подошла. – Он вздохнул. – Я уж руку за винтовкой протянул. Вот в этот-то момент и появился откуда ни возьмись дядя Коля Буланов. Ну и погнался,

конечно, сыночка своего, Вальку. И меня тоже. Мы ж вместе были. – Он снова вздохнул. – Так и не успели мы повоевать. А вот остальным, в том числе и подонкам разным вроде Сашки, соседа нашего, и винтовки с патронами, и гранаты выдали. – Матвей скрипнул зубами. – Он же и к нам заявился с той самой винтовкой, что тогда в горкоме партии получил.

– Да, дела... – протянула Екатерина Ермолаевна. – Повернулась к мужу: – А дружок твой, Николай, тоже хорош. Ни слова про Мотю не сказал.

Фёдор Николаевич пожал плечами.

– Время было такое – не до разговоров. Головы поднять некогда. Да и не виделись мы. Когда он в горкоме винтовки раздавал, я на заводе дневал и ночевал. Сама знаешь. Чего теперь виноватых искать. – Он pokrutil головой. – А сосед наш... Вот подлец... Этот много горя и нам, и другим людям принести может. – Повернулся к Матвею. – Ты остерегайся его. Держись подальше, не мозоль глаза. Этот подонок и правда стрельнуть может.

Матвей согласно кивнул:

– Ладно, пап.

Бочком, бочком, как бы крадучись, подошел к Лизе, наклонился к самому уху и шепнул еле слышно:

– Ты, Лиз, не бойсь. Я этого гада все равно прикончу. Клянусь.

* * *

Начало войны Дима принял в общем-то спокойно. Тревога на сердце, конечно, была. Война, она и есть война. Кому это в радость? Да и вообще работать и служить надо будет по-другому. Все для фронта, все для победы. А как же иначе? Но в том, что мы победим, сомнений не было. И речь товарища Молотова подтвердила его убежденность в скорой и решительной победе. Особенно заключительные слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

А как же? Красная армия всех сильнее. Мы это не раз доказывали. И как это Гитлер додумался сунуться к нам? Мы ж не Польша, не Франция! У нас и территория – до Тихого океана едешь – не доедешь, летишь – не долетишь! Вот дурак! Ну ничего. Разобьем и в Германии коммунизм построим! В восемнадцатом у немцев с революцией не получилось – теперь получится! Мы ж, как Ленин учил, должны биться за полную победу коммунизма во всем мире! Не смог немецкий пролетариат сам решить эту задачу – мы поможем.

О семье Димка не особо беспокоился – от границы до родного дома километров с тыщу будет. Кто ж им, немцам, такую территорию отдаст? Дима даже в полковую библиотеку сходил, атлас взял, проверил. Точно! Даже чуть больше тысячи. Так что за родных можно не беспокоиться – не достанут.

Более-менее спокойно воспринял он и первые успехи фашистской армии: конечно, внезапно, вероломно напали, кто ж их ожидал... Ничего, сейчас наши основные силы подтянутся, тогда посмотрим, как вы, гады, запоете! Но дни шли, силы наши основные все не подтягивались, а немцы захватывали новые и новые территории. Дима теперь уже с тревогой слушал фронтовые сводки. И каждый раз после упорных боев мы оставляли город за городом. Двадцать четвертого июня фашисты были уже в Вильнюсе, двадцать восьмого – в Минске.

Фашистская лавина надвигалась на Родину по всему фронту.

Третьего июля Дима с тревогой слушал выступление товарища Сталина. И только тогда он понял: началась Великая Отечественная война.

Потянулись суровые военные будни. Враг все наступал, а мы бились, сражались, но отступали, отдавая врагу город за городом. Дима купил большую карту Советского Союза, повесил ее в дальнем углу склада и обозначил на ней линию фронта. Передвигая флажки вслед за сообщениями Совинформбюро, он все больше удивлялся успехам фашистской армии. Все сроки подхода наших резервов, по его понятиям, уже истекли, а немцы все наступали и наступали.

К сентябрю в руках фашистов были вся Прибалтика, Белоруссия, значительная часть Украины, они стояли уже у порога Ленинграда.

Тревожные мысли и сомнения все чаще закрадывались в душу Полякова. Он отгонял их – не хотелось верить, что война проиграна. Дмитрий изо всех сил убеждал себя: «Надо потерпеть, потерпеть. Не может быть, чтобы мы проиграли. На Руси всегда так: запрягаем медленно. Обождите, гады! Сейчас вздохнем, развернемся, тогда и посмотрим, чья возьмет! Может, и до Урала отступим, но потом все равно победим. Нет такой силы, чтобы Русь одолела. Нет!» Хуже всего было то, что семья, родные оставались в Донбассе. Связи с ними не было. Он писал им чуть ли не каждый день, но без ответа. То ли почта не работала, то ли письма теперь шли месяцами.

Наступил октябрь. Как-то быстро повеяло холодом, словно предупреждая о скорой и холодной зиме. Дни стояли пасмурные. Тревога будто повисла в воздухе. И тревожные ожидания не отпускали душу. Каждое утро Дима просыпался с мыслью о том, что вот-вот должно случиться что-то нехорошее, ужасное, непоправимое. И эти тяжелые мысли усугублялись тем, что от него ничего не зависело. Он ощущал себя соринкой в общем бедламе.

«Что же делать, что делать?» – чуть ли не ежеминутно мучил его вопрос, а ответа, хоть какого-то, хоть призрачного, Дима не находил. Работы на складе было много, он трудился с утра до позднего вечера. Поляков понимал, что весь этот будничный труд тоже нужен, но сознание того, что этого мало, очень мало, не покидало его. Наконец Дима выбрал время, зашел к Саленко. У того был полный кабинет народу. Иван Иванович увидел его, поднял голову.

– Тебе чего?

Дима не смутился.

– Поговорить нужно, товарищ майор.

– Срочно?

Поляков пожал плечами:

– Лучше не откладывать.

Саленко вздохнул.

– Сейчас всем лучше не откладывать. Ладно, садись, подожди. Поговорим.

Дима сел в уголке. Ждать пришлось долго. Складывалось впечатление, что Иван Иванович нужен был всем. Одни люди уходили, другие приходили. Раньше он не задумывался, какой объем работы у заместителя командира полка по тылу. Главное ведь – служба! А тыл – это так, мелочи жизни. А вот посидел в кабинете у Саленко, послушал, только сейчас и понял: не мелочи его служба, ой не мелочи... За это время побывали в кабинете и медики, и автомобилисты, и оружейники, и вещевая служба, и квартирная. И всем нужно. И всем срочно.

Ничего себе! Почти три года прослужил Поляков под началом Ивана Ивановича, но только сейчас осознал, какой груз ответственности лежит на его плечах. Сидел-сидел Дима в своем тихом уголке и понял: не дожидаться, когда Саленко освободится. Встал. Тут начальник и обратился на него свой взор. Кивнул:

– Что, Дима, запарился? Ну видишь, всем надо и всем срочно. А ты вроде свой, подождать можешь. Оказалось, что так до утра просидеть можно и не дожидаться. погоди еще пару минут, поговорим.

И действительно, через несколько минут он выпроводил всех из кабинета, махнул Полякову рукой:

– Давай подгребай поближе. Садись.

Подождал, пока Дмитрий подошел и сел за приставной столик, взглянул на него вопросительно, бросил:

– Ну, какое у тебя там срочное дело?

Дима уже и рот было открыл, но тут дверь снова распахнулась и очередной подчиненный ворвался в кабинет. Саленко вспылил, нахмурился, насупил брови.

– Кто разрешал? – воскликнул он. – Кто разрешал зайти?

Вошедший растерялся, начал мямлить:

– Да я... Да у меня...

Саленко встал, передразнил:

– Я... У меня... Что у тебя? Устав забыл? Так я напомним! Распустились, понимаешь...

Вот выйди и стой у дверей, никого не пускай! Освобожусь – позову. Понял?

Тот сразу изменил тон. Вытянулся, подобрался. Другой человек! Четко ответил:

– Так точно!

Иван Иванович пробурчал:

– Ну вот, другое дело... А то: «Я... У меня...» Война дисциплинировать должна, а тут...

Вот так и воюем! – И строго стоящему у двери подчиненному: – Раз понял – выполняй!

Тот вышел. Иван Иванович сел, потер виски, встряхнул головой, сказал со вздохом:

– Верить, сам не знаю, откуда силы берутся. Ночью заснуть не могу, а днем с утра до вечера такая свистопляска. – С опаской глянул на дверь. – Один бог знает, чем это все закончится. – Снова вздохнул. – Ну давай, что там у тебя?

Дима вскочил, начал:

– Товарищ майор!

Саленко не дал ему продолжить. Поморщился, махнул рукой:

– Да ты садись, садись. И давай попроще. Мы ж с тобой уже три года вместе. Не надо каблуками стучать. У меня и так в ушах звенит. Если ты из-за этого, – он кивнул головой на дверь, – не бери в голову. Ты другое дело. Давай говори.

– Да тут такое дело, товарищ майор, – начал он. – Я ведь на складе с утра до ночи копошусь. Иногда и сплю там. А толку? – Он взглянул на начальника. – Продукты выдать любой салага или инвалид может. А вот с винтовкой в руках по-настоящему повоевать, фашиста остановить – это дело другое. Тут мужик настоящий, здоровый нужен.

Саленко не дал ему продолжить, замахал руками.

– Со склада не отпущу, и не просись. У тебя работа тоже важная и нужная. И не каждый с нею справится. Придумал тоже: салага... инвалид... Был до тебя уже один – и не салага, и не инвалид. Ты даже не знаешь, я из-за него чуть сам в тюрьму не загремел. Так что служи на том месте, куда Родина поставила. Служи и не рыпайся! – Он встал. – Если только за этим приходил – свободен. – Он пожал плечами, продолжил с возмущением: – Ишь, моду взяли – на фронт проситься! А здесь кто работать будет? И не заикайся! Все! Свободен!

Поляков молчал.

Саленко нахмурился, продолжил в том же духе:

– Ну, я кому сказал? Свободен.

Сел на место.

Дмитрий повернулся к нему.

– Иван Иванович! Вы ж все понимаете. Ну не могу я колбасу с маслом взвешивать, когда фашисты у самого порога стоят. Там каждый штык на счету! Судьба Родины решается, а я по складу разгуливаю...

Саленко перебил:

– Не разгуливаешь ты, не разгуливаешь. На своем посту службу несешь! Везде порядок должен быть! Везде! А если каждый будет делать то, что хочет, а не то, чего от него Родина требует, что получится? – Он снова встал, прошелся по кабинету, остановился напротив Полякова. Повторил: – Что получится? – И ответил: – Анархия! Анархия получится! Так что, Поляков, ты мне тут мозги не крути, они и так закручены, анархию не разводи. – Он повысил голос: – Шагом марш на свой боевой пост! То бишь на склад.

Поляков встал.

– Вы, товарищ майор, меня знаете: я от своего не отступлюсь. В такое время штаны на складе просиживать не собираюсь. Сегодня же рапорт командиру полка подам с просьбой отпустить на фронт.

Саленко снова сел.

– Нет, ну ты погляди на него! И где ж это у командира полка фронт? У нашего полка другие задачи. Мы по-своему воюем. Не на фронте. – Взглянул на Полякова исподлобья. Побарабанил по столу пальцами. Сказал, как будто про себя: – Штаны, говоришь, просиживаешь? – Помолчал. Почесал затылок, вздохнул. – Понимаю я тебя, Поляков. Понимаю. Отпустить, конечно, не могу. Но вот развеяться слегка, оторваться от склада на время... Над этим можно подумать. – Помолчал. – Ты знаешь, наши ребята патрульно-постовую службу в Москве несут. Я с начальником штаба, с Лосевым, договорился, чтобы тебя не трогали. У тебя и здесь дел невпроворот. Но раз такое дело, давай-ка ты для начала пару раз в патрулировании поучаствуешь. Вполне боевая служба. Гляди, и шпиона какого споймаешь. Потом посмотрим. – Он вздохнул: – А навоеваться, Дима, ты еще успеешь. Ох как успеешь. – Саленко покивал головой, как будто соглашаясь сам с собой, и закончил строгим тоном: – Все. На том и порешили. Иди, Поляков, иди. Скажи нашему часовому, пусть заходит. И другие тоже. Там небось народу уже море собралось.

Несколько раз Поляков в составе патруля нес службу на улицах Москвы. Все ночью. Так Саленко договорился с начальником штаба: Поляков ночью в патруле, днем – на складе.

Ночная Москва была темной. Притихшей. Вернее, опустевшей. Редкие машины не проезжали – проскакивали по улицам. Иногда, натужно урча мотором, двигались грузовики с красноармейцами или полуторки со спаренными пулеметами в кузове. Один раз целая колонна дирижаблей прошла.

Никаких шпионов или диверсантов не поймал Поляков.

Пару раз только пришлось по этажам побегать: насчет светомаскировки кое с кем побеседовать. Поляков вздохнул: какая-никакая, а все же живая работа. «Лиха беда начало», – решил он. Теперь нужно двигаться дальше. Пошел к Лосеву проситься в караул за пределами Москвы. «Мы ж войска по охране железных дорог, вот и отправьте меня с каким-нибудь караулом в Подмосковье. Может, проверить, может, подмогнуть».

– Ладно, – сказал начштаба, потягиваясь и потирая красные и опухшие от бессонницы глаза. – Я подумаю.

– Только Саленко ничего не говорите, а то он сильно возражать будет.

– Возражать? – недовольно пробурчал Лосев. – Пусть возражает. Это нормально. Каждый за свой участок болеет. Но боевая служба, – он как бы погрозил отсутствующему Саленко пальцем, – боевая служба – это прежде всего. Понял, Поляков? – Махнул рукой. – Ладно, иди, не скажу.

Прошло несколько дней. Тревожных и наполненных ожиданием беды. Она как будто витала в воздухе. Давила сверху неведомой тяжестью. Насмехалась: «Что, работаешь? Ну-ну, работай. А зачем? Все впустую. Все же пропало... Все пропало... А ты тут пашешь...» Димка передергивал плечами, отгоняя эту нечисть, бормотал: «Погоди, еще не вечер... Еще не вечер... Мы свое еще возьмем. Врешь ты все. Не так просто нас скушать. Подавишься». И, стиснув зубы, продолжал трудиться. Продолжал пахать и верить.

В середине октября зашел к нему неожиданно Саленко. Плотно прикрыл за собой дверь, да еще на засов закрыл. Прошел вглубь склада, осмотрелся, спросил:

– Один?

Дима кивнул.

– Один.

Саленко, тяжело ступая, прошел к столу, сел. Поднял на Полякова глаза.

– Плесни грамм пятьдесят. – Помолчал. – И себе тоже.

Дима даже не удивился, хотя это было впервые за всю его службу под началом Ивана Ивановича. Может, потому и не удивился, что впервые.

Налил в два стакана спирту, отрезал хлеба, струганул пару кусков сала, достал из бочки соленых огурцов. Все молча. Сел напротив начальника. Тот взял стакан, протянул к Диме. Сказал:

– Ну давай.

Молча выпили. Молча закусили. Прошло несколько минут. Саленко вздохнул:

– Хреновые наши дела, Дима. Сегодня объявили в Москве осадное положение. И эвакуацию. Правительство и госучреждения разные на восток отправляют. И Сталин вместе с ними.

Полякова как будто к земле прессом невидимым придавило. Слова не мог сказать. Потом с трудом выдавил:

– И Сталин тоже?

Саленко смотрел на него не моргая.

– Ну сам-то я его не провожал, но решение такое принято.

У Димки перед глазами все поплыло. Как молотом в голове билась одна мысль: «Не может быть! Не может быть! Не может быть! Не может...» Он поднял глаза на майора, прошептал:

– Не может быть.

Тот покивал головой.

– Я тоже думал: не может быть. А случилось. С нами тоже пока не ясно, но ежу понятно: или на фронт из последних сил, или за Урал куда-нибудь перышки чистить. Так что собирайся. – Кивнул на пустые стаканы. – Давай еще по граммულке. Иначе не переварю.

Выпили еще. Иван Иванович не стал закусывать, помахал только ладошкой у рта. Вздохнул, посмотрел внимательно на Димку, спросил:

– У тебя там, в Сибири, родни случаев нет?

Поляков непонимающе уставился на него. Покачал головой.

– Нет. Семья вся на Украине. Дальняя родня здесь: кое-кто в Москве, в Калуге, в Курске. Да я с ними как-то не очень... – Он поднял глаза, пожал плечами. – Нет, в Сибири никого нет. А зачем?

И тут до него вдруг дошло, зачем! Он встал, одернул гимнастерку, шепотом спросил:

– Вы что? Вы думаете...

И замолчал, с ужасом глядя на начальника.

Саленко тоже молчал. Потом взглянул на Полякова, приподняв тяжелые веки, медленно разделяя слова, ответил:

– Вот именно, Дмитрий. Думаю я, думаю. Все может быть. Если узнаю, что и товарищ Сталин... – Помолчал. – Но этого я не знаю. Пока не знаю.

Он встал, прошелся, заложив руки за спину. Остановился напротив Полякова. Продолжил:

– Все это очень скоро выяснится. А пока будем трудиться. Работать изо всех сил на победу. Ты, Дмитрий, не подумай чего лишнего. Все равно мы победим. Вопрос только: когда? Поэтому и готовым надо быть ко всему. А ты что подумал? Струсил Саленко? Нет! Нас так не возьмешь!

Дима пожал плечами.

– Ничего я не подумал. Никто ничего не подумал. А я тем более. Мне отступить некуда. Меня завтра в партию принимать будут. Вы ж сами рекомендацию давали. Только я в Сибирь не поеду. Здесь буду до конца биться. Победа или смерть. Но пасаран!

Майор удивленно глянул на него.

– Ты посмотри: новый трибун выискался! Я, значит, трус, а ты герой?

Димка смутился. Заскороговорил:

– Я, товарищ майор, ничего такого не подумал. Вы всегда были и остаетесь для меня примером. Не зря же я у вас, у первого рекомандацию в партию попросил. И вы мне ее дали. Просто вы постарше, поопытней меня будете, дальше смотрите, все предусмотреть можете. А я что? Мне бы саблей махать, а там, как получится... Я немцев... Я их зубами буду...

Он бы в таком духе и продолжал – просто не знал, где и как остановиться.

А остановил его тяжелый взгляд Саленко. Поймав этот взгляд, Поляков сразу осекся, замолчал.

Саленко проворчал:

– Постарше, поопытней, предусмотреть... – И, повысив голос: – Не ври! Ни к чему! Подумал и подумал. Обо всем думать надо! А ты в мае думал, что немцы Москву штурмовать будут? Вот то-то и оно! Ко всему готовым надо быть... Ладно, пойду я. – Вздохнул. Помолчал, взглянул серьезно на Полякова. – А ты парень правильный. Крепкий. Не ошибся я в тебе. С такими не пропадешь. – Молча повернулся, пошел к двери, бормоча, как будто про себя: – Нет, не пропадешь. Не взять немцам Москвы. Зубы поломают.

У самой двери обернулся. Бросил:

– Ну бывай.

И вышел.

* * *

Потянулись будни. Серые, холодные дни. Погода как будто сочувствовала людям: хмурилась вместе с ними, вздыхала студеным ветром, проливалась мелким нудным дождем... Солнышко только изредка проглядывало сквозь редкие разрывы в низких плотных тучах, затянувших небо. Не только люди – дома как будто затаились, стояли молча, поглядывая на редких прохожих черными глазницами окон. Изредка по пустынным улицам проходил полицейский патруль, проезжал грузовик с солдатами или мотоциклист с пулеметом, прилаженным к люльке. Калугины на улицу старались не выходить. Кроме Матвея, конечно. Того в доме было не удержать, но и он таился, из дома выходил не на свою – на соседнюю улицу, пробираясь туда через соседский, Федосеев, двор. Приехали Федосеевы на строительство металлургического завода откуда-то из Сибири, да так и осели тут. Хозяина прозвали просто Федосеем, и он быстро стал в городе своим. Хотя семья его слыла нелюдимою, но с Калугиными они жили дружно, по-соседски. Теперь их дом стоял пустой. Обшарпанная хата никого не привлекала – в городе осталось немало таких покинутых жилищ. Кроме того, немцы в случае нужды предпочитали останавливаться в домах с хозяевами. Во-первых, они почему-то считали: раз не сбежали, значит, к немецкой армии относятся лояльно. Во-вторых, хозяйка и приготовит, и покормит. А если квартировать не один день, то и поспать можно в чистой постели.

Соседи двора Федосеев и Калугиных огородами, а фасадами выходили на разные улицы, что и было очень удобно для Матвея. Через Федосеев двор он выходил в город, а в подполе его сарая Матвей с Валентином устроили что-то вроде штаба. Там они встречались и строили планы борьбы с фашистами. Только мало каким из них суждено было воплотиться в жизнь.

В доме Калугиных воцарилась осторожная тишина. Даже Екатерина Ермолаевна двигалась по комнатам бесшумно, как по чужой квартире, все боялась задеть стол или табуретку, чтобы не наделать шуму. Готовила еду жиденькую – сэкономила продукты, растягивая на более длительный срок то, что приволок домой Мотыка в первый день оккупации. И все сокрушалась: надолго ли их хватит? Но что тут поделаешь? Что было, то и было, а пополнять запасы нечем.

Где-то в середине ноября осенним дождливым вечером в дверь осторожно постучали. Калугины сразу и не поняли, что это. Не то стучит кто-то осторожно, не то кошка или собака скребется. Стук повторился. Екатерина Ермолаевна беспокойно глянула на мужа:

– Кто ж это может быть? Не Степанко ли снова пожаловал?

Фёдор Николаевич шепнул Лизе:

– Давай с детьми в спальню. От греха подальше. Добрых людей ждать не приходится. Лиза пожала плечами.

– Открыть все равно придется. Посмотрим.

Она двинулась к двери, Екатерина Ермолаевна остановила:

– Постой, доча. Не к добру это. Кого на ночь глядя занести к нам может?

– Ма, да не волнуйся ты так. Сашка или немцы дверь бы уже вышибли. Может, помощь кому нужна.

Она отодвинула дверную задвижку, выглянула и ахнула: на пороге стоял, покачиваясь, Коля Воронков.

Лиза от изумления чуть не упала. Распахнула глаза, осмотрелась, схватила за рукав и быстро затащила его в дом.

На Колю смотреть было страшно. Куда подевался тот бравый молодцеватый красавец, каким он выглядел в довоенные годы? Перед Калугиными стоял моложавый старичок, заросший, небритый, в грязной и оборванной офицерской шинели, висевшей на нем, как на вешалке. Эта худоба и впалые щеки потрясли Лизу. От прежнего Воронкова остались только глаза. Глаза, такие знакомые, почти родные, но такие уставшие... В них была какая-то обреченность, какая-то особая, невозвратная печаль. Сердце защемило, затарабанило, пытаясь вырваться из груди. Но она быстро опомнилась, повернулась к маме.

– Мам, ну что? Воду ставить? Или кормить?

Екатерина Ермолаевна тут же распорядилась:

– Давай, дед, подбрось в печку уголька да пару полешек, чтобы быстрее разогрелась.

Лиза, воду! Пару ведер, чтоб помыться хватило. – И к Николаю: – Коленька, раздевайся живо. Все твоё спалим. Куда тут в военной форме идти? Дедово оденешь, подойдет по размеру. А разговоры все – что да как, да откуда – потом. Лена, – это уже к внучке. – Бери Юрочку и – к себе в комнату. Нечего тут крутиться, и так места мало. – Кивнула головой в сторону спальни. Добавила: – Давай, давай, шустренько. А я пока чего поесть приготовлю.

Коля беспомощно оглянулся: где ж тут раздеваться?

Лиза сообразила, взяла его за руку.

– Пошли в коридор, сапоги снимем. Видишь, грязи на них вагон. Со всего Донбасса. Потом в спальню ко мне, там разденешься. И не стесняйся – ты дома.

Воронков усмехнулся:

– Со всего Донбасса грязь, говоришь? Бери пошире – чуть ли не от самой границы.

Он быстро разулся, прошел в Лизину комнату, снял все с себя. В одних трусах пристроился на краешке стула.

Лиза быстро собрала его одежду, сунула ее, как в мешок, внутрь гимнастерки, связала рукава, повернулась к выходу. Коля остановил ее, смущенно улыбнулся краешками губ:

– Лиза, ты прости, а пожевать хоть корочки не найдется? Я один сухарик на три последних дня растягивал.

Лиза пожала плечами.

– Да, конечно, Коленька. Мама там суп уже греет. Ты только скажи: сразу давать или после мытья?

Воронков сглотнул слюну:

– Корочку бы сразу, если есть, конечно. Остальное потом.

Лиза кивнула и заспешила из комнаты. Екатерина Ермолаевна оторвалась от плиты.

– Корочку Коле я сама дам. А ты одежду его в сарайку снеси, завтра с утра сожжем.

Лиза поспешила на выход, плечом толкнула входную дверь, сделала шагок на улицу и... нос к носу столкнулась с Шуркой.

– Ты чего? – ошарашенно спросила она. – Чего по ночам шастаешь?

Шурка пожала плечами.

– А ты чего? Первый раз, что ли? Или ты ко мне в такое время не заживала? Не ночь пока. Сашка на службу собирается, покормить надо. Я кинулась готовить, а соли нет. Вот я к тебе и метнулась.

Она обшаривала Лизу пороссячими своими глазками. Лиза спрятала за спину Колины вещи. Усмехнулась.

– На службу, говоришь, собирается? Мужиков наших ловить? Или, может, немцам сапоги лизать?

Шурка вздохнула.

– Ладно, Лиза, хватит тебе насмеяться. Неизвестно пока, что лучше: по чуланам прятаться или новой законной власти служить. А муж, он и есть муж. Время покажет, кто прав. – Шурка зло взглянула на Лизу. – Так дашь щепотку соли или откажешь подруге? – Она слегка наклонилась к Лизе. – Только вот чего я тебе скажу: кто прав, кто виноват и кто какую власть признает – пусть мужики наши разбираются. А мы с тобой подругами были, подругами и должны остаться.

Хотела Лиза сказать ей, что подругами они никогда не были, разве что учились в одном классе, но смолчала. Сейчас ей нужно было только одно: чтобы Шурка побыстрее убралась.

– Ладно, – сказала она. – Подожди, сейчас вынесу.

Повернулась неловко, пряча Колины вещи от Шуркиных глаз, пошла в дом. Но та ждать не стала – тут же юркнула следом. И, конечно, взгляд ее уперся в Колины сапоги. Она встала как вкопанная.

– Чо, – спросила Шурка ошарашенно, – Димка вернулся?

Лиза застыла. Подумала: «Дура я. С чего я с этой сучкой полицейской цацкаюсь? Нужно было дверь перед ее носом захлопнуть, так нет – неудобно! А теперь думай, как выкрутиться...» Она постояла молча, собираясь с духом, потом обернулась.

– Ты что, сдурела? Дима в Москве, куда ему возвращаться? Сапоги это Мотькины. Раздобыл где-то. Вроде у итальяшек выдурил.

Шурка закивала:

– Ну да. Ну да.

И повернулась, собираясь уходить.

Лиза окликнула ее:

– Ты куда? Или соль уже не нужна? Куда собралась?

Иванкова обернулась. Растерялась, замямлила:

– Я... Да я это... Я это... – Нашлась. – Ты, Лиз, прости меня, дуру. Тут с этими делами, с немцами этими, совсем голову потеряла. Как больная. И с Сашкой тоже: он то валяется в койке по полдня, то срочно ему нужно, как сейчас. Как на пожар. Замоталась я совсем. Прости. Ну соль мне нужна. Конечно, соль. Только быстренько, а то Сашка совсем не в себе. Как бешеный.

Лиза недовольно проворчала:

– Стой здесь, там батя совсем раздетый, купаться собрался. Вынесу.

Она метнулась в комнату, бросила маме:

– Шурка за солью.

Отсыпала соли в кулек, вынесла.

– Бери. Да не переживай. Сейчас все на взводе. Время такое. Корми мужа. – Не удержалась, добавила: – Пусть подавится.

Шурка зло зыркнула на нее и шмыгнула за дверь.

Лиза подождала минутку и побежала в сарай. Бросила все и бегом обратно. Запыхалась.

– Ну все, – сказала, отдышавшись. – Эта сучка полицейская не за солью – на разведку прибежала. Так что некогда Коле ни есть, ни купаться. Сейчас здесь немцы будут. Давай, мам, собирай продукты, я Колю провожу к кому-нибудь из наших. Сейчас схватиться надо побыстрее,

все остальное потом. – И к отцу: – Пап, одежду приготовил? Давай быстрее. – Она засуетилась, тело ее была мелкая дрожь. – Быстрее, быстрее, не успеем.

Николай, несмотря на слабость, оделся быстро. Екатерина Ермолаевна собрала в узелок продукты, сунула в руку Коле, и тут силы оставили ее. Она тяжело упала на табуретку, заплакала.

– Коленька, прости, что так выпроваживаю из дома. Прости. – Слезы ручейками стекали из ее глаз. – Прости, родной.

Он подошел, обнял, прижал ее голову к груди. Прошептал:

– Ну что вы, что вы, Екатерина Ермолаевна, не надо. Я все понимаю. Обойдется, будет и на нашей улице праздник.

Екатерина Ермолаевна слегка отстранилась от него, взглянула в глаза, тихонько сказала:

– Не Екатерина Ермолаевна я тебе, а мама. Так и зови меня, сынок.

Вмешалась Лиза.

– Мам, некогда в любви объясняться, бежать надо. Кивнула отцу. – Прощайтесь. Бог знает, когда свидетесь.

Быстренько накинула старенькое свое пальтишко.

– Все. Я выгляну, как там.

Она шагнула в коридор, открыла дверь и... опрокинутая мощным ударом влетела в комнату. Следом, криво усмехаясь, ввалился Степанко. Перебросил винтовку в правую руку, оглядел присутствующих. Увидев Воронкова, разочарованно оскалился:

– А, это ты, комиссар? Я уж думал цыган Лизкин домой пожаловал, навоевался.

Взял винтовку наперевес, почесал за ухом. Бросил:

– Ну да ладно, на худой конец и ты сойдешь. – Кивнул Николаю. – Давай двигай в угол, а то посреди комнаты стрелять неохота – всю хату кровяной зальешь.

Он повел стволом в сторону Екатерины Ермолаевны, пытавшейся двинуться к нему. Покачал головой.

– И не думай. Пристрелю. Лучше дочкой своей, дурой, займись. – Повернулся к Воронкову. – И ты не думай. – Дослал патрон в патронник. – Лучше, конечно, Димку вашего пристрелить. Да ладно, в другой раз. А ты, кому сказал, двигай в угол!

Николай прошипел:

– Сволочь.

И отошел в угол комнаты, стал там, опустив руки:

– Ну что, здесь стрелять будешь или выйдем?

Лиза застонала, попыталась сесть, встряхнула головой, потеряла ушибленную скулу, затылок. Она постепенно приходила в себя, хотя Сашка виделся ей все еще в тумане. Фёдор Николаевич помог ей встать, усадил на стул. Взглянул на полиция и сказал, покачав головой:

– Ну и подонок же ты! Лизу-то за что?

Сашка криво ухмыльнулся.

– За что? Она знает, за что. – Кивнул Николаю. – Ты, я вижу, уже собрался. Давай выходи.

В это время входная дверь открылась. Повеяло холодком, в коридоре застучали сапоги. В комнату ввалились немцы: офицер и два солдата. С ними незнакомый полицай. Тот сразу воскликнул:

– Так вот он, – указал пальцем на Николая. – Мне Сашкина женка так и сказала: здесь он. – Кивнул Сашке: – Здорово, Санек. Ты уже успел! Медаль зарабатываешь? Молодчага.

Офицер с пистолетом в руке приказал Воронкову:

– Хенде хох!

Николай с тоской окинул фашистов взглядом. Рук не поднял. Вошедший с немцами полицай подошел к нему.

– Ну шо, не понял? Давай хендехохай, а то на месте пристрелю, комиссарская морда. – И видя, что Воронков рук не поднимает, ткнул стволом винтовки ему в подбородок. Промычал: – Ну-у-у...

Солдат навел автомат на Николая, передернул затвор.

Екатерина Ермолаевна не удержалась:

– Коля! Коленька, ну подними ты руки, пристрелят ведь, кому лучше?

Степанко тоже не сдержался:

– Ну ты, сучонок! Поднимай руки, поднимай, откомиссарился...

Лиза со страхом и ненавистью смотрела на все это из своего угла. Встретилась взглядом с Николаем. Прошептала еле слышно, кивнув головой:

– Подними, подними, Коленька.

Николай медленно поднял руки.

Сашка ослабился:

– Ну вот, так-то лучше.

Офицер кивнул на дверь:

– Геен. Шнель.

Николай пошел к выходу. Один солдат двинулся впереди. В коридоре Воронков остановился, потянулся за сапогами, но его опередил Степанко. Схватил их, усмехнулся:

– Обувку захотел? Так она тебе больше не понадобится!

Размахнулся и с силой забросил сапоги в комнату, подтолкнул Воронкова к выходу. Сказал с издевкой:

– Сапоги ему, барину, подавай. И без сапог сдохнешь.

Они ушли. Коля Воронков, за ним автоматчик и следом на некотором расстоянии остальные.

Дождь все моросил. Екатерина Ермолаевна и Лиза словно приросли к калитке, глядя вслед печальной процессии и понимая, что Колю они больше не увидят. Понимал это и Воронков.

Отойдя от дома Калугиных метров на двадцать, почти скрывшись за пеленой дождя, обернулся и поднял руку, навсегда прощаясь с любимыми людьми.

Неслышными шажками сзади подошел к женщинам Матвей. Спросил:

– Николая забрали?

Екатерина Ермолаевна с Лизой от неожиданности вздрогнули, как по команде обернулись. Лиза с возмущением накинулась на брата:

– Ты что? С ума сошел? Тут и так коленки ходуном, сердце обрывается! Я чуть не упала! Мало нам фашистов, так ты еще пугаешь! Откуда ты взялся?

– Да здесь я был, за сараем прятался. – Он кивнул вслед ушедшим. – Видать, Сашкина работа? – Вздохнул: – Ничего. За все гад ответит. А как Коля у нас оказался?

Екатерина Ермолаевна взяла его за руку.

– Пошли в дом. Там и поговорим. – И задумчиво, как бы про себя, прошептала: – Сашкина, Шуркина, какая разница? Носит же земля таких тварей... И куда Боженька смотрит...

Она заплакала.

* * *

Издали танк казался не таким уж страшным. Полз уверенно. На броне сидели пехотинцы. Из ствола периодически вырывался сноп пламени, грохот выстрелов тонул в общей канонаде боя. Поляков припал к прицеле ПТРки, но ему мешал дуб, маячивший как раз между ним и танком. Видно было, что дуб еще не окреп, не вошел в силу, однако крона его уже сформировалась, и ствол казался довольно крепким. «Неужели на дуб поперет?» – недоумевал Димка. Федя Ковбасюк, молоденький солдат, второй номер, не мог сдержать волнения и боевого азарта, сменившего страх:

– Товарыщ старшина, ну товарыщ старшина, стреляйтэ, ну стреляйтэ, ну шо ж вы? Ну стреляйтэ...

Поляков повел плечами, процедил сквозь зубы:

– Заткнись...

Он все время держал танк на прицеле, но стрелять не спешил, мешал ему этот самый дубок, одиноко стоявший среди поля. А танк, казалось, специально на него нацелился. Поляков все же решил, что у фашиста крыша не поехала, дубок-то крепкий, объезжать его немец будет, повернется боком, тогда и пальнуть можно.

Прослужив в армии больше двух лет, Димка танк вблизи никогда не видел: какие танки на продскладе? Да и в полку НКВД их не было. Из гусеничных машин он видел только трактора у себя на Донбассе. А те перед поворотом притормаживали и маневр осуществляли почти на месте.

Вот Димка того же и от фашистского танка ожидал. А пока танк двигался по прямой, и этот дуб постоянно маячил между его глазом и танком. Пэтээровец Димка был никакой – это большущее ружье он держал в руках первый раз в жизни. Его хозяин, сраженный осколком, лежал тут же на дне траншеи. Молоденький второй номер, Ковбасюк, оставшись один, совсем растерялся, и Поляков подхватил противотанковое ружье. «Невелика наука, – подумал он, – ружье и ружье, только чуть побольше, справлюсь». Вот теперь и выцеливал он этот проклятый танк, беспокоясь о том, чтобы врезать по цели, а не в дерево.

Танк прибавил ходу, и Димка понял, что лихой фашист сворачивать не собирается – решил подмять дуб своей машиной. «Ну давай», – шептал Димка, теперь уверенно держа его под прицелом. Немцы горохом посыпались с брони, а танк, со всего ходу наскочив на дерево, на какой-то миг слегка вздыбился над ним, тут-то Димка и нажал на спусковой крючок. Танк как будто вздрогнул, на мгновение замер и... взорвался. Башня улетела в сторону, из танкового нутра повалил черный дым. Димка покачал головой, почесал затылок и в изумлении протянул:

– Вот это да-а-а... Неужели я? – Погладил ружье, протянул: – Хороша машинка.

Ковбасюк ошарашенно смотрел на взорвавшуюся машину.

Слева к Полякову привалился подбежавший по траншее капитан, прохрипел:

– С почином, старшина. Молодец. – Кивнул на танк: – Это у него боекомплект взорвался. – Тяжело вздохнул. – Ты только не расслабляйся. Гляди вперед, у них этих коробок с десятком будет. Воюй.

Похлопал его по плечу и рванул дальше по траншее.

А Поляков, дернув затвор, крикнул Ковбасюку:

– Патрон!

Однако подбить второй танк в этом бою у него не получилось. Стрелять-то он стрелял, но, то ли мимо, то ли угол прицеливания был не тот, и заряды скользили по броне, не причиняя ей вреда.

Но не один Поляков палил по танкам. Еще пять машин догорало на поле боя, три вдалеке – артиллерия сработала, две у самых наших окопов, а еще два танка проскочили через траншею и подбирались к сорокапяткам. Поляков мельком успел увидеть их за спиной. «Ну, пять подбили, с двумя там ребята управятся», – подумал он. Размышлять было некогда – пехота фашистская наседала. Немцы уже шагах в пятидесяти. А команды никакой нет. «Где ж этот капитан?» – с тоской подумал Поляков. Не мог он знать, что капитан с простреленной головой лежит на дне траншеи почти рядом с ним.

Димку била мелкая дрожь. Он окинул взглядом поле боя. Винтовочный наш огонь, казалось, не причинял фашистам вреда. Они густой цепью двигались вперед. Шли ускоренно, уверенным шагом. Поблескивали штыки винтовок, автоматы у пояса периодически вспыхивали огоньками очередей. «Мать твою, – пронеслось в голове, – как их много. Не устоим». Кто-то из бойцов дернулся назад. Поляков оглянулся. «Суки!!!» Но не стрелять же по своим. Сердце

готово было выскочить из груди. Мелькнули в памяти лица мамы, Лизы, детишек. Стало страшно. Этот страх, вперемежку с отчаянием и ненавистью к фашистам, сжал его сердце. «Что же делать? Что делать? Вот и смертушка моя пришла». А немцы – вот они! Шагах в тридцати... Уже и побежали. В окопе не отсидеться! Нервы у Полякова не выдержали. Он схватил свой карабин с примкнутым штыком. В голове пронеслось: «Была не была! Где наша не пропадала!» Какая-то неведомая сила пружиной выбросила его из окопа. Он заорал:

– Братцы! Бей фашистов!

И бросился вперед. Если бы потом у Димки спросили, о чем он в тот момент думал и на что надеялся, ответить он бы не смог.

Тогда он еще не понял, что это отчаяние и ненависть погнали его вперед. Димка сразу не заметил, что не одинок, что слева и справа в контратаку бросились и его товарищи. Они бежали молча, стиснув зубы. И это молчание было страшнее грохота боя.

Поляков не просто бежал, а нацелился на конкретного немца, опережавшего на несколько шагов своих товарищей. Димка сразу заметил, что был фашист молод и здоров. Он что-то орал, но голос расслышать было невозможно. Мелькнуло только: «Ори, ори, красномордый. Недолго осталось!» Тут они сблизилась. Немец выбросил вперед руку с винтовкой, но Димка этого и ждал, он ловко отбил выпад фашиста. Дистанции для замаха у него не осталось, мордатый со всего маху чуть не врезался в Полякова, и он врезал немцу ногой пониже живота. Grimаса удивления и боли исказила лицо фашиста, нижняя челюсть отвисла, и он стал падать прямо на Полякова, но Димка уклонился, перехватил карабин и со всего маху дал ему прикладом прямо в лоб. Тот кулем свалился наземь. «Получай привет с Донбасса!» – Дмитрий бросился дальше, к следующей жертве.

А слева и справа наши бойцы уже крушили наступавших. Фашисты явно не ожидали от красноармейцев такой прыти. Это было свежее пополнение, прибывшее откуда-то не то из Франции, не то из Бельгии, еще не познавшее русского штыка.

Поляков притормозил, оглянулся. Повсюду наши брали верх. Фашисты пятились. Чуть правее Димка увидел Фёдора. Тот ухватил ПТР за ствол и этой двухметровой дубиной крушил обступивших его немцев. «Ну дает!» – восхитился Поляков и с криком «Держись, Федя! Подмогну!» бросился на помощь. Одного в упор застрелил, второго заколол штыком. Двух других Фёдор уложил прикладом ружья. В этой заварушке они несколько отстали от рвущихся вперед красноармейцев. Поляков все же успел хлопнуть своего второго номера по плечу. На ходу бросил:

– Ты как, браток? В порядке?

Тот так же на ходу ответил:

– Та що мэни зробыться? Порядок.

Поляков кивнул:

– Добрэ. Ну давай догонять своих.

И они кинулись вперед.

Немцы сопротивления больше не оказывали. Они бежали. Бежали, с ужасом оглядываясь на настигавших их наших бойцов. Падали, сраженные штыками и пулями. Падали на сырую от недавно прошедшего дождя русскую землю, оборачивались с умоляющими взглядами и поднятыми руками. Но в плен их брать было некогда: рукопашная, она и есть рукопашная. Бойцы, не останавливаясь, стреляли в них, кололи штыками, вымещая скопившийся гнев за погибших друзей и товарищей, злость за наши неудачи, за долгое отступление, за покинутые города и поселки. Кажется, в глазах каждого красноармейца читалось одно и то же: «Мы ж вас не звали! Так сдохните на нашей земле! Нет вам пощады!»

Так бегом пересекли они поле, за которым пристроилась деревенька. Фашисты до нее не добежали – все полегли на этом русском поле.

На пустынной деревенской улочке стояло несколько грузовиков и легковушка. Человек пять солдат крутились около них. Увидев наших бойцов, бросились врассыпную. Только водитель легковушки успел вскочить в машину и рванул с места так, что колеса сначала буксанули, машина на месте подпрыгнула, а уж потом рванула вперед, поднимая тучи пыли. Из одной избы выскочили несколько офицеров и тут же упали, сраженные автоматными очередями. Пожилой красноармеец с трофейным автоматом подошел к одному из них, ногой повернул и, взглянув на труп, сказал:

– Готов падла. Туда ему и дорога.

Подбежавший Поляков переспросил:

– Готов?

Тот довольно подтвердил:

– А как же? Готов.

Поляков недовольно покачал головой.

– Напрасно ты. В плен надо было брать.

Автоматчик возмутился:

– В плен? Эту погань? Не дождутся! Брательника мово в плен не брали. Где-то под Брянском убитый лежит. Так што от меня плена они не дождутся.

Поляков похлопал его по плечу:

– Жаль брата, конечно. Только воевать с умом надо. Этот офицерик мог многое нам рассказать. Где да как они дальше наступать собираются. И еще многое другое.

Тот ощерился:

– Ты, я вижу, умный дюже... – Помолчал. – Это и так видно где. Здесь и будут. А я буду их бить. И здесь, и в другом месте. Везде, где попадутся. Вот так-то, старшина. Вместях бить будем.

И отошел.

Кто-то из бойцов заглянул в хату. Вышел. Покачав головой, сказал, обращаясь к Полякову:

– Пусто. Всех порешили. Только карта какая-то на столе. Ты б зашел, глянул. Небось разбираешься.

Поляков удивился:

– Почему я? Что, больше некому?

Тот повертел головой, пожал плечами.

– Да, видать, некому. Командиров всех повбивали. Ты ж нас в атаку поднял. Теперича командуй, пока других командиров нету.

Поляков осмотрелся. Народу было немало. Человек до ста. Они растеклись по улице, часть пристроилась во дворе. Командиров действительно видно не было.

«Во попал, – подумал Димка. – Че делать? Взаправду командовать, что ли? Но делать что-то надо! Немцы очухаются, как стадо баранов перестреляют». Он не спеша пошел вдоль хилых плетней по улочке. Деревня словно вымерла. Наконец в одном из окошек заметил чей-то силуэт. Зашел во двор. Навстречу из хаты вышел дряхлый старик. Поляков окликнул его:

– День добрый, дедушка.

Старик приложил ладонь к уху.

– Ась?

Дмитрий усмехнулся, приблизился к нему. Сказал громче:

– Добрый день, говорю.

Старец закивал головой:

– Добрый, добрый. – Помолчал, пытливо взглянул на него. – Кому он добрый?

Поляков пожал плечами.

– Да вот мне добрый. Отбили-то деревеньку у фашистов.

Старик снова покивал седой головой. Прошамкал беззубым ртом:
– Деревеньку отбили. Теперича всю Рассею отбивать надо. – Снова взглянул на него, как будто прожег неожиданно молодым взглядом. – Можа осилишь?

Вздыхнул Поляков.

– Не боись, дед. Осилим, дай срок.

Старик покачал головой.

– Ну-ну. Осиливай. Хранцуза, было дело, аж в Москву запустили... А потом осилили. – Помолчал. – И вы тожа?

Повернулся, пошел в дом.

Димка прихватил его за плечо.

– А ты, дедушка, сомневаешься?

Тот обернулся, покачал головой.

– Не... Однако дожить бы... Во задача.

– Доживешь, дедушка, доживешь. Мы с тобой по этому поводу еще беленькой тяпнем!

Не сомневайся.

Дед снова покивал:

– Ну-ну... ну-ну.

Поляков спросил его:

– А где ж народ? Деревня будто вымерла. Побегали все, что ли?

Дед отрицательно покачал головой.

– Не. У нас народу испокон мало было. Небогатая деревенька. Однако до войны жили не тужили. А щас.. Молодые все в армии. Женки да дети здесь. Попрятались тока. Тут же громыхает все время. По погребам сидят. Куда бежать? – Вздыхнул. – Вы уж, ребята, супостату нас не сдавайте. Непривычные мы к ним.

Поляков улыбнулся:

– Не сдадим, дедушка. Не сдадим. Мы к ним тоже непривычные.

Повернулся, чтобы уйти, спохватился:

– Да, дедушка, забыл спросить. Деревня-то ваша как называется?

– Малеево.

Дима заспешил к своим. Только он зашел во двор и поднялся на крыльцо, как откуда-то появился запыхавшийся майор в сопровождении нескольких бойцов. Он двинулся прямо к Полякову. Прищурившись, взглянул на него, спросил:

– Кто такой? – И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Где командир? Где Денисюк, спрашиваю!

Дмитрий пожал плечами, устало сказал:

– Не знаю я. Не видел я Денисюка.

Подошел пожилой боец с четырьмя треугольничками в петлицах. Обратился к майору:

– Товарищ майор, я старшина роты Стариков.

Майор махнул рукой.

– Знаю я тебя, Стариков. Что скажешь? Где командование?

Стариков вздохнул.

– Нету у нас командования. Все погибли. Денисюк последний, – кивнул в сторону тыла. – Там, в нашей траншее убитый лежит. Так что, почитай, мы теперича сами по себе. Разве что, – указал глазами на Полякова, – вот он скомандовать может.

На последние слова Старикова майор не обратил внимания. Тяжело вздохнул. Исполдья взглянул на старшину. Бросил:

– Пойдем в дом.

Там тяжело опустился на приставленный к столу стул, снял фуражку, снова вздохнул. Спросил:

– Сам видел, как Денисюка убило?

Стариков покачал головой.

– Не, как убило, не видел. Видел его только на дне траншеи с простреленной насквозь головой.

– Он мертвый уже был?

– Мертвее не бывает.

Майор потер виски, покачал головой.

– Эх, Митя, Митя... – Поднял глаза. – Мы с ним, почитай, от самой границы отступали. Все кручинился: далеко, мол, от Берлина уходим, обратно долгий путь будет. Не судьба... Обратно без него идти придется. Тяжко одному-то без друга... А, старшина?

Старшина пожал плечами.

– Пошто ж одному? Мы подмогнем. Вместях-то оно сподручней.

Майор встал, прошелся по комнате. Сказал другим, строгим тоном:

– Ладно. Как здесь оказались? Ты, что ли, командовал?

Стариков покачал головой.

– Не... Тут пошустрей хлопец оказался. Он и танк первый подбил. И в атаку роту поднял. Видать, крепкий парень.

Майор спросил:

– Кто таков? Ты так говоришь, будто не знаешь его. Не наш, что ли?

– Дак в том-то и дело, что не наш. Энкавэдэшник, судя по форме. Но привел его Денисюк. Откуда – не знаю, теперича не спросишь. Разве у самого спросить. А я и имя его узнать не успел. Да он тут, у хаты со мной стоял. Позвать?

– Зови.

Поляков зашел, приложив руку к виску, доложил:

– Старшина Поляков по вашему приказанию прибыл.

Майор кивнул на свободный стул, сказал:

– Садись, старшина, я начальник штаба батальона майор Савельев.

Сам устроился напротив.

– Рассказывай. Кто? Откуда? Как в расположении полка оказался? Ну, и все остальное тоже. Только коротко.

Поляков попытался встать. Но майор остановил его.

– Сиди. И давай быстрее. Нет у нас времени на долгие разговоры.

Поляков пожал плечами.

– Понятно. Коротко и ясно. Такие, значит, дела. Я старшина, начальник продсклада семьдесят четвертого полка НКВД. В настоящее время полк передислоцирован из Москвы в Татарстан. Я задержался на старом месте подчищать хвосты. Ну, вы понимаете: загрузить последние машины, мелочь там всякую, чтобы после нас все чисто было. Загрузил – и бегом к начальнику штаба. Доложить и трогаться в путь.

Майор перебил его:

– А при чем начальник штаба? Обычно зам по тылу хвосты подчищает. А начальник штаба... Он на новом месте сразу должен службу организовать. Ему не до хвостов.

Поляков пожал плечами:

– Это, товарищ майор, не моего ума дело. Кто я такой, чтобы знать, какие там у начальства расклады. Докладываю, как было. – Почесал затылок, продолжил: – Так, значит, доложил я о готовности. Майор Лосев, это наш начштаба, уже предписание готовое мне протянул, а тут телефон зазвонил. Кто там на проводе был, я не знаю. Но только Лосев, как услышал голос в трубке, сразу покраснел, ну прямо как помидор сделался, и пошел пятнами. И пот на лбу выступил – я аж удивился – крупные такие капли, как вишня у нас на Донбассе. А тот начальник в трубке орет, ужас как! Я-то слов разобрать не могу – Лосев трубку к уху сильно прижал,

но слышу: из трубки как раскаты грома гудят, молнии только не хватает. А рука у Лосева ходуним ходит, дрожит. И в трубку он все одно и то же твердит:

– Слушаюсь. Будет исполнено. Так точно. Слушаюсь немедленно. Слушаюсь.

Трубку бросил, а пот на лбу уже не выступает, а градом капится. Он его вытирать не успевает. Потом сел, взглянул на меня, как будто только увидел. Вздохнул, крепко так – отдышаться не может, покачал головой и говорит:

– Ты здесь? Слава богу, не уехал. – Помолчал, подумал, потом командует: – Давай, Поляков, машину срочно разгружай. Людей, всех, кто есть в части, собери – и в эту же машину! Всех! До единого! Потом ко мне бегом. Получишь предписание и узнаешь, куда следовать. Понял?

– Так точно! А куда?

Майор вздохнул.

– Узнаешь куда. Ты понял? С оружием, боеприпасами. В общем, со всеми шмотками. По полной боевой! И быстро: одна нога здесь – другая там! Давай!

Вот так и отправил нас в Тулу, в шестьдесят девятую бригаду. Там вроде проблемы с личным составом были. Этого точно я, конечно, не знаю. Только до Тулы мы все равно не доехали. Неподалеку тут попали под артобстрел. Рванул снаряд у самой машины. Подбросило нас, перевернуло. Я-то в кабине сидел, а ребят моих нашей же машиной и накрыло. Да осколками посеколо. Из двадцати шести, что я смог у себя в части наскрести, на ногах пятеро осталось. Да я шестой. Пока горевали, откуда ни возьмись капитан объявился. Как я позже узнал, Денисюк это был. Командир роты. Ну и забрал нас к себе. Куда нам было еще деваться? Такая история, товарищ майор.

Майор внимательно посмотрел на него. Глаза в глаза. Как будто в душу заглянул. Покачал головой.

– Так. С этим понятно... А как роту в контратаку поднял? Кто команду дал?

Поляков пожал плечами.

– Никто не давал. Да и не поднимал я роту в атаку. Просто фашисты уже чуть ли не до самой траншеи нашей добежали. Что ж было делать? Тут на месте не останешься! Или вперед, или назад. А куда ж назад? Вот я и рванул вперед. А остальные? Это дело совести. Но ребята не подвели, поддержали. – Он покачал головой. – Молодцы ребята. Дали немчуре жару. Оказалось – не такие уж они страшные, эти вояки. Побежали, как миленькие. Вот так и получилось. Может, с перепугу? Я ж первый раз в бою.

Майор усмехнулся:

– И танк с перепугу подбил?

– Ну, то другое дело. Танк далеко был. Чего его бояться? Время было и подумать, и прицелиться. Повезло... Да я потом еще по танкам стрелял. – Он махнул рукой. – Все мимо. – Пожал плечами. – А что с меня возьмешь? Первый раз в жизни ружье это в руки взял.

Майор усмехнулся:

– Ну и ну. Первый раз в бою, первый раз пэтээрку в руках держал... И все в масть.

Поляков пожал плечами, повторил:

– Может, повезло...

Майор встал.

– Не бывает старшина такого везения. Быть тебе командиром. А то... – он усмехнулся, – завскладом. Не твое это – складом заведовать. Ладно. Потом разберемся. А пока, поскольку ни одного командира в роте не осталось, назначаю тебя командиром первого взвода. – Подумал и добавил: – От имени командира полка. – И... временно исполняющим обязанности командира роты. Понял?

Поляков вскочил.

– Слушаюсь! – Потоптался и добавил обычным тоном: – Не подведу, людьми руководить приходилось, хоть и в другой обстановке. Только... – он замялся.

– Что – только?

Майор испытующе посмотрел на него. Поляков – на майора. Потом сказал:

– Да я всей душой. И у себя в полку на фронт просился. Только как с моим-то полком быть? Не зачислят в дезертиры? А то еще похоронку родным выпишут?

Майор махнул рукой.

– Вон ты о чем... Не время сейчас с этим разбираться. Но ты не бойсь – все решим, все сообщим, кому надо. Давай только для начала фашистов от Москвы отгоним. Остальное – не дрейфь, беру на себя. Верись?

Дима кивнул.

– Верю.

Майор похлопал его по плечу.

– Такие орлы не только НКВД нужны. Нам, пехоте, немчуру бить сподручней. А сейчас... – он взглянул на Старикова. – Командиров отделений ко мне. И дай команду – готовиться к построению и маршу.

Майор быстро представил собравшимся Полякова и объявил, что рота должна вернуться на исходные позиции. На недоуменные вопросы по этому поводу заметил:

– Об этом всему личному составу объявлю. А сейчас – общее построение. Все. Всем в строй. Исполняйте. – Полякову кивнул: – Старшина, задержись.

Перед строем майор представил Полякова как командира первого взвода и временно исполняющего обязанности командира роты. Всему личному составу объявил благодарность за мужество, отвагу и решительные действия по отражению вражеской атаки. За уничтожение танков и живой силы противника. За взятие населенного пункта и захват важных оперативных документов.

Потом, несколько помедлив, вздохнул и продолжил:

– В этом бою вы проявили настоящее мужество и героизм. К сожалению, правее и левее наших позиций фашистам удалось прорвать оборону частично нашего полка, частично соседей. И таким образом, в настоящее время мы оказались в тылу немецкой армии. Тыл это неглубокий, – продолжил он, – но сохраняется серьезная опасность, что фашисты фланговыми ударами могут отрезать нас от основных сил. Поэтому, – он повысил голос, – приказываю: подорвать захваченные фашистские орудия, собрать трофеи и организованно отступить на прежние позиции. – Взглянул на часы. – Выступаем через двадцать минут. – Добавил: – Если успеем, то раньше. – И уже к Полякову: – Выполнять.

Но тут же остановил Дмитрия, отозвал в сторону. Сказал потихоньку:

– Что там на старых наших позициях – неизвестно. Пошли вперед дозор из надежных ребят. Стариков подскажет, кто посильнее и понадежней. Давай команду.

* * *

Матвей утерся рукавом, взглянул исподлобья на Валентина.

– Ну, шо будем делать?

Валька вздохнул.

– А я знаю?

Они сидели в Федосеевом подполе, говорили «за жизнь» и «меркували», как бороться с оккупантами. В том, что делать что-то надо, они не сомневались. Но что, как и чем – вот вопрос!

– Ну шо мы можем? – горевал Валька. – Шо у нас есть? Из оружия – пара наганов. Это ж ничего. Ну застрелим одного немца. Или полицая. Это шо? Много шума из ничего. Невелика потеря для фашистов.

Матвей возразил:

– Не скажи. Это для фашистов невелика. А полиция пристрелить – это очень даже велика. Я эту мразь Степанко просто обязан прикончить. Руки так и чешутся. И для других предателей наука – пусть подумают, идти служить фашистам или нет. Да и кто уже служит пусть задумаются. Может, стараться поменьше будут. Так что зря ничего не бывает.

Валентин пожал плечами.

– Да что я – против? Только мало этого!

– А ты сразу хочешь целую казарму немецкую или итальянскую взорвать? Не получится. Пока не получится. Но птичка по зернышку клюет. Начинать-то с чего-то надо.

– Согласен. Но что мы вдвоем с тобой сделаем? А ведь где-то есть наши! Есть. Вот связаться бы с ними! Знали бы, что делать!

Матвей вздохнул:

– Давай-ка пока не мечтать, а делать потихоньку хоть что-то. Вот, например, с итальяшками подружиться.

Валентин с недоумением взглянул на него.

А Мотя невозмутимо продолжил:

– Они ребята простые, веселые. В казарме у них можно поболтаться, а заодно выведать, сколько у них народу, где посты. Можно даже оружия или гранат натырить. Они же безалаберные, жизнь беззаботную любят. Я видел: во дворе у себя винтовки на ветки повесят и в футбол гоняют. Никакой охраны. Бери – не хочу.

Валентин согласно кивнул.

– Это да... – почесал затылок. – А че они такие беззаботные? Вроде и воевать не хотят.

– Да это точно – не хотят. А что мы им плохого сделали? Думаю, это еще со старых времен, никогда мы с ними не воевали. Это щас Гитлер да Муссолини их заставляют. А самим итальяшкам эта война по фигуре. Их призвали и загнали к нам. А сами мужики эти ждут не дождутся, когда все закончится и поедут они домой к своим женкам с детишками в теплые края. Я так думаю.

Валька вздохнул.

– Согласен. Займемся итальянцами. Но думаю, что нужно и Сашку Беленко пощупать. Не верю я, что он просто так фашистам служить стал. Может, он наш? Ты сеструху попроси, пусть она с ним потолкует. Они ж вроде до войны кентовали...

Матвей протянул:

– Не... Он ей не скажет. Тут подумать надо, как к нему подобраться. Он один не бывает, возле него вечно кто-то крутится. И домой не придешь – охрана. – Вздохнул. – Ладно, что-нибудь и по этому делу придумаем. А пока – итальянцы.

* * *

В недавно покинутой траншее ничего не изменилось. Убрали только тела погибших. Впрочем, немецкие трупы так и остались в поле перед нашей позицией. Кто куда добежал, так на том месте и остался. «Земли нашей захотели, – со злостью смотрел на них Поляков, – теперь получили. Сколько кому отмерено. В братской могиле. В ней места всем хватит. И вам, и другим. Которые вместе с вами пришли и еще придут. Уж мы позаботимся».

Бойцы заново осваивали покинутые было свои места. Ковбасюк поправил бруствер, собрал и выбросил из траншеи стреляные гильзы, поставил ружье на сошки, припал к прицелу.

– Ну что, – кивнул ему Поляков, – осваиваешь? Мне теперь некогда будет с ним возиться. Подыскивай себе второго номера. Теперь ты будешь главный пэтээровец. – Помолчал. – Может, знаешь, у кого опыт есть? Так скажи. Чтоб не обучать новичка.

– Та какой же ж опыт? Откуда? Это только у нас одно ружье и есть. Больше таких вообще нет! Это ж новье!

Поляков удивился.

– А у нас откуда? Тем более одно.

Фёдор пояснил.

– Так Василий, мой бывший первый, у Дегтярева этого, что ружье изобрел, еще до войны работал. А потом, когда первая партия этих пэтээрков пришла к нам, а мы держали в ту пору оборону где-то возле Волоколамска, ему и карты в руки. Начальник какой-то с завода, где их делали, с этими ружьями приехал, вроде обучать, как с ними обращаться, как увидел Васыля, сразу к нему обниматься полез. Оказалось – вместе работали. Васыль даже у него в учениках ходил. Потом только этот с завода рассказал, что не хотели Васыля моего на фронт отпускать, да и бронь у него была. А как узнал Вася, что семья его вся под бомбежкой погибла, удержать не смогли. – Он вздохнул. – А теперь, видишь, и сам в земле сырой. – Взглянул куда-то на небо, снова вздохнул, покачал головой, продолжил, незаметно для себя перескочив на украинский. – Такэ життя. И хто знае, шо дали будэ? – Тряхнул головой, вопросительно глянув на Полякова. – Что-то меня на мову потянуло. Вы понимаете?

Поляков пожал плечами.

– Так я ж с Донбасса. Или забыл? У нас там что по-украински, что по-русски – все все понимают... Так что там дальше?

– Ну шо дальше... Дальше взял меня Васыль вторым номером. Потому что не один день вместе мы были, из одного котелка кашу ели и при отступлении, бывало, один сухарик на двоих по-братски делили. И был он мне не то старшим братом, не то вторым отцом. По возрасту Василий мне как раз в отцы годился. Держали оборону под этим Волоколамском трое суток подряд, и днем, и ночью из боя не выходили. Он один танков шесть подбил. Не знаю точно, потому как с ног я валился. Он орет: «Патрон!», а я глаза не могу открыть – засыпаю. Верите – прям в бою глаза слипаются – и баста! Он меня колотит по морде, кричит: – Федька, не спи! – Я глаза кулаками протру, а они снова закрываются. А ему, Васылю, хоть бы хны! «Мне, – кричит, – спать некогда! Мне фашистов бить надо». Ну и я, конечно, старался. Потом отступали мы куда-то. Все перепуталось: день, ночь. Помню, на полуторке долго ехали. Я все кемарил. Проснулся, а мы уж здесь, у Денисюка. – Покрутил головой. – Вроде закрепились, как говорится, ни шагу назад. Две атаки отбили, а тут Васыля и убило. А вас Денисюк привел. Я думал, шо вы спец по этим пэтээркам. А вы – нет. – Усмехнулся. – Но разобрались быстро. И стреляете добрэ. Таки дила. – Он взглянул на Полякова. – Значит, сейчас я, – кивнул на ружье, – по нему главный? – Помолчал. – Ну шо ж, стрелять умею. Управлюсь. Не подведу. От побачитэ**.

** Увидите (укр.)

Поляков с усмешкой покачал головой.

– Да видел я, как ты с ним управлялся в контратаке. Конечно, не подведешь. – Он встал. – Ладно. Потом еще поговорим. А то, может, курнем?

– Так вы ж того... Вроде и не курите?

– Вообще-то не курю... Но за компанию можно чуток. Оно как-то на душе с махоркой легче становится.

– Ну шо ж, – кивнул Ковбасюк, – тоди угощайтэсь.

Он вынул кисет, ловко смастарила самокрутку, протянул Димке.

– Цэ вам.

Дмитрий закурил, сел на край окопа, оглянулся. В тылу, метрах в семидесяти, золотилась роща. Он вздохнул. «Красота какая... Октябрь. Погулять бы там... Подышать запахом прелой листвы... – Вздохнул, усмехнулся. Грусть незаметно подкралась к сердцу. – Погулять... Ты еще скажи с Лизой погулять, с детьми... Где они сейчас, мои дорогие? Небось где-нибудь на Урале мерзнут. Там, видать, уже и подмораживает... Где их теперь искать? Ничего, – успокаивал себя Димка, – разберемся. Найдемся. Сейчас главное – фашиста разбить. А там видно будет». В том, что фашиста он разобьет, Димка не сомневался. Конечно, неудачи первых месяцев войны здорово огорошили. Бывало, панические настроения и его охватывали. Слишком уж быстро

немцы продвигались вперед, захватывая все новые территории. Но со временем их продвижение притормаживалось, притормаживалось, а теперь вот под Москвой они и вовсе стали. «Ладно, – думал он, – это вы врасплох нас застали. Покуражились. А самое главное вот оно – только начинается. Теперь посмотрим, чья возьмет». Он затушил самокрутку, закашлялся. Зло подумал: «И на кой хрен я курнуть вздумал? Так, глядишь, и привыкну. Оно мне надо? – Тяжело поднялся, еще раз взглянул на золотившуюся листвой рошу. – Красота... – Вздохнул, усмехнулся, покачал головой. – Красота. И артиллерия».

Там, на опушке этой красоты размещалась позиция сорокапятков. А прямо перед ней сгоревший немецкий танк. Димка покачал головой. «И как они успели этот танк чпокнуть? В упор, метров с тридцати... Смелые ребята, не разбежались ... Да... С такими молодцами не пропадешь, повоюем».

Он кивнул Фёдору.

– Ну, брат, спасибо за табачок. Пошел я.

И уверенно, по-хозяйски двинулся по траншее.

Красноармейцы деловито обустроивались на новом старом месте: углубляли окопы, поправляли бруствер, вырезали дерн и аккуратно укладывали его перед траншеей, устраивали углубления в стенках и складывали в них противогазы, обоймы с патронами, вещмешки.

Поляков вызвал старшину, приказал связаться с тыловиками, позаботиться насчет обеда и боеприпасов. А сам вызвал взводных для постановки задач по обороне. Пока они не прибыли, присел на травке в небольшой ложбинке за траншеей и задумался: «Чего говорить, как говорить?» Никогда раньше делать этого не приходилось. Но долго думать ему не дали: Фёдор прибежал, затормошил:

– Товарищ старшина, товарищ старшина! Начальство прибыло, шас здесь будут. Встретить надо.

Поляков поднял голову. Неподалеку увидел группу военных, человек шесть. Они шли не по траншее, а поверху, вдоль нее. Дмитрий разглядел среди них и знакомого майора Савельева. Только шел он в этой шестерке замыкающим. Сразу видно: не главный. А главным был грузный пожилой командир с усталым взглядом и мешками под глазами. Когда эта группа приблизилась, Дмитрий одернул гимнастерку и подался вперед. Приложив руку к виску, четко доложил:

– Товарищ командир! Личный состав роты обустроивается и готовится к отражению атаки противника.

Командир поморщился, покачал головой.

– Что ж ты так орешь? – Смерил его взглядом с головы до ног. Обернулся к свите: – Кто таков? Что-то не припомню.

Савельев протиснулся вперед.

– Я вам докладывал, товарищ комбриг. Это старшина Поляков. Следовал в шестьдесят девяную бригаду НКВД в Тулу, попал под артобстрел, один выжил. Вот Денисюк покойный и взял его к себе. Шустрый старшина оказался. В самый критический момент принял командование на себя, повел роту в атаку. До самого Малеева фашиста гнали, ценные документы добыли. Теперь вот временно командует. – Он вздохнул. – Нет здесь других командиров. Все полегли... И Денисюк тоже.

Комбриг молча покивал головой, исподлобья оглядывая Полякова. Потом спросил:

– В шестьдесят девяную, говоришь, следовал?

Дмитрий подтвердил.

– Так точно, товарищ комбриг.

– Знаю, знаю. Шестьдесят девятая тоже здорово дерется. Но пока задержись у нас. Там посмотрим. – Вскинул голову, повернулся к Савельеву. – Ротного я тебе дам. Если не сегодня, завтра точно. – Задумался. Покачал головой. – Вопрос не простой. С командирами проблема. Но что-то придумаем. А пока Поляков пусть командует. – Помолчал. Кивнул в Димкину сто-

рону: – А этого молодца вообще не отпускай. Ни в шестьдесят девятую, ни в какую другую. При новом ротном пусть взводом покомандует, дальше видно будет.

Так Дмитрий оказался на новом месте службы.

Новый ротный прибыл на следующий день. Привел его Савельев. Хмуро сказал:

– Знакомьтесь. Это капитан Деркач Савелий Иванович. Назначен командиром роты. А это, – показал Деркачу пальцем на Димку, – старшина Поляков. Командир первого взвода, временно командовал ротой. – Повторил: – Знакомьтесь. – Повернулся к Деркачу, сказал, как будто Полякова здесь не было. – Опыта ни командного, ни боевого у него нет. Остальное все есть. Обстановку он тебе доложит. Обживайся. Личному составу он же представит. А у меня других дел по горло. Вопросы?

Ответом было молчание. Савельев удовлетворенно кивнул.

– Вопросов нет. Возникнут – я на КП.

Он развернулся и исчез за поворотом траншеи.

– Ну что? Рассказывай, – обернулся к Димке Деркач.

Долго беседовать им было некогда. Поляков быстро и коротко рассказал о себе. Деркач о себе. Был он кадровым военным, воевал с начала войны. Командовал взводом и ротой. В окружении, к счастью, не был. В полк прибыл ночью с пополнением.

– Я из госпиталя, – продолжил он. – Ранение не тяжелое, но в ногу. Три недели провалялся, заштопали. Готов воевать дальше. Такие дела. Остальное по ходу узнаешь. Как и я о тебе. – Помолчал. – Пополнение человек пятьдесят, там в штабе делят. Кого куда и кому сколько. Ну а меня сразу сюда. Говорят, ни одного командира тут не осталось. А тебя похвалили. – Пытливо посмотрел Димке в глаза. Добавил: – Ну, это в бою посмотрим. В бою, знаешь, человека насквозь видно.

Димке это не понравилось. Он недружелюбно взглянул на командира. Недовольно бросил:

– Меня уже просветили. Насквозь.

Деркач по-свойски похлопал его по плечу.

– Да ты не серчай. Я в июле, августе такого насмотрелся... – махнул рукой. Вздохнул. – Ладно. Жизнь покажет, кто есть кто. – Повторил: – Не серчай. Живы будем – не помрем. – Помолчал. – КП у тебя есть?

– Да какое тут КП? Только обустройстваемся.

– Обустройстваемся... – пробурчал Деркач. – Тут у нас, я невооруженным взглядом вижу, линия обороны небось километра на два растянулась. Из окопа много не накомандуешь... Ладно. Давай вызывай сначала взводных, я с ними познакомлюсь, потом по позиции пойдем, детально знакомиться с обстановкой буду.

К вечеру в роту прибыло пополнение – двадцать человек, большей частью необстрелянная молодежь. Все из восточного Приуралья. Командиров среди них не было. По взводам ребят распределили быстро. Полякова Деркач назначил своим заместителем и пошел с ним по позиции. На этот раз не спешил. Кивнул на подбитый Димкой танк.

– Хорошая работа. Молодцы артиллеристы.

Поляков промолчал. А Деркач не зря об этом танке заговорил. Задержался напротив подбитой машины, сказал:

– Хорошая позиция для разведки. И корректировки огня. – Помолчал. – Как фашист? Не молотил артиллерией, минометами? Авиация?

Димка пожал плечами.

– Пока нет. Мы их все же здорово шуганули. Видно, пока очухаться не могут.

Ротный недовольно насупился.

– Не расслабляйся. Очухаться... Немец – вояка серьезный. То, что вы разок их шуганули, еще ничего не значит. – Взглянул в глаза Полякову. – И не обижайся. Не в куклы играем. Наши

ошибки – это наша кровь. А она цены не имеет... Не дуйся. Я тебе не мораль читаю, не политграмоту преподаю. А говорю как человек, на своем горбу много чего испытывавший. Считаю, от границы до Москвы на пузе своем тыщи километров прополз. И порох я не в арсенале нюхал, а в бою. И не в одном... То, что шуганули немцев, это хорошо. Особенно с моральной стороны. Почуяли люди, что фашисты тоже из костей и мяса сделаны. И что их бить очень даже можно. И нужно. Только расслабляться нельзя. Вот насчет этого танка. Головой клянусь, сидит под ним фашист и наблюдает за нами. Его-то в первую очередь и надо шугануть. Это первое. Второе: я согласую с комбатом вопрос, чтобы не только они за нами, но и мы за ними наблюдали. Это уж как он скажет: своих орлов из разведки даст или нам поручит. Также продумай варианты, людей подбери. Чтобы в последний момент с высунутым языком не бегать. Понял?

Поляков вздохнул:

– Да понял я. Только и я здесь без году неделя. Но это детали. Знаю, кого подключить. Сделаем.

– Ну вот, – удовлетворенно кивнул, Деркач. – Теперь главное. Жиденькая у нас цепочка в обороне получается. На самотек расположение бойцов пускать нельзя. Здесь две вещи главные: первая – места новичков в траншее. – Помолчал. – Мне в штабе один приятель старинный попался, покурили мы с ним. И вот что он мне по секрету поведал: пару дней назад в соседний полк тоже пополнение прибыло. Молодые, здоровые ребята. Вроде все путем. А как немецкие танки поперли на них, они позиции бросили и в лес! От танков старики с трудом кое-как отбились, с большими при этом потерями, а этих ссыкунов заградотряд чуть ли не сутки в лесу вылавливал да на позицию возвращал!

Димка вспомнил, что в бою, который нашей удачной контратакой завершился, тоже ссыкуны были, но промолчал.

А Савелий Иванович тем временем продолжал:

– Кое-кого тогда и к стенке поставили. Вот так-то! Это я к чему? Во-первых, молодых и необстрелянных нужно разместить между опытными вояками. Да мало того, надо бы опытным задание дать – следить за молодняком, поддерживать. А насчет заградотрядов объяснить: это на первый случай. Выловили они трусов и вернули в строй. А могли и расстрелять к едреной фене. Прежде чем бежать, пусть подумают: сражаться до конца и, может, победить и остаться живым или подохнуть, как трусу и собаке паршивой от нашей же пули.

Во-вторых. Это уже другая музыка: жидковатая у нас цепочка обороны, слишком растянута. Пойдем, на месте разберемся. Надо как-то реорганизовать это дело, соорудить что-то вроде опорных пунктов обороны, а образовавшиеся пустоты надежно перекрыть огнем. – Он взглянул на Полякова. – Понимаешь? Жиденько мы их встретим, если бойцы друг от друга метрах в пятнадцати – двадцати находиться будут. Надо сейчас определить вероятные направления атаки и именно там обеспечить плотность огня. Чтобы ни одна сволочь фашистская там не проскользнула. Понял?

Поляков вздохнул, смахнул со лба внезапно выступивший пот.

– Понять-то я понял. Только успеем ли? Дел невпроворот.

Ротный покачал головой.

– А ты думал как? Война – работа серьезная. И платят тут кровью. Так что надо поднапрячься и сделать ее качественно и до конца. Вопросы?

Поляков пожал плечами.

– Вопросов нет.

– Тогда вперед.

Димка подумал: «Знать бы еще точно, где этот перед». И рванул за командиром.

Но оказалось, что Деркач знал, где перед. И немецких наблюдателей они уничтожили под подбитым Поляковым танком, и своих разместили под бронемашинной, только другой, поближе

к немецким позициям. И бойцов распределили по-новому в опорных пунктах. А насчет заградотрядов провели беседы с красноармейцами и командиры взводов.

Как специально, почти двое суток фашисты их не тревожили. Разведка доложила, что немцы тоже готовятся к обороне: у Малеева появились колючие заграждения и минные поля.

Утром на позиции роты появился Савельев. Теперь он был командиром батальона. Его предшественник ушел на повышение.

– Ну как ты тут? Освоился? – пытливо взглянул комбат на Деркача.

– А как же? – ответил тот с усмешкой. – Да у меня и выбора не было.

– Ну-ну, – покачал тот головой. – Пошли, посмотрим, что ты тут перестроил.

Они двинулись по траншее. Вскоре Савельев тормознул, кивнул на останки сгоревшего танка, повернулся к Полякову.

– Как с крестником твоим? Разобрались?

Димка не успел слова сказать, вмешался Деркач.

– Естественно. Ночью ребята сработали. Аж три фашиста там заседали. Со всеми разом и разобрались.

– И как же?

– Да запросто. Тут же чистое поле. Ребята наши, как пластуны заправские, сторонкой, сторонкой, а потом с немецкой стороны подкрались. А там, под танком, немецкий порядок: плащ-палатка аккуратно расстелена, с нашей стороны бруствер, на нем бинокль. Красота... Ребята уж думали немчура на ночь к своим перебралась, потом слышат – внутри они по-своему тихонько лопочут. Ну, сержант этот, как его? – повернулся Деркач к старшине Старикову, сопровождавшему их.

– Семёнов, – подсказал тот.

– Это у которого под Брянском брата убили? – подал голос Поляков.

– Ну да, – отозвался старшина.

– Так дальше что? – не выдержал Савельев.

– Что дальше... Семёнов лимонку нежненько так сверху в танк и опустил. Там же дырка большая, на месте башни-то... Ну, и готово. Всех троих одним махом.

– Одним махом, – эхом повторил комбат. Помолчал. – А может, языка надо было взять?

Поляков промолчал, не сказал, что Семёнов языка брать не собирался. А Деркач вступился за него.

– Видно, ситуация не позволила.

Они прошли по всей позиции роты. Кое-где комбат задерживался, коротко беседовал с бойцами. У пулеметчиков проверял обзор, сектора обстрела. На правом фланге остановился у пожилого бойца с немецким пулеметом. Кивнул на него.

– А эта машинка откуда? – Как будто про себя протянул: – Машиненгевер...

Поляков пояснил:

– Да это мы в Малеево прихватили. Вы ж там были...

– Были... – задумчиво протянул комбат. – И как? – поинтересовался он у пулеметчика.

Тот пожал плечами.

– Да в бою еще не пробовал. А так, для тренировки пару очередей дал. Вроде нормально бьет.

– Ну, – сказал Савельев, – бей!

А потом, отозвав его в сторонку, тихо, почти шепотом, добавил:

– Знаю, что пулеметы эти хороши. Только ты их вслух особо не расхваливай. Усек? А то начнешь рассказ здесь, а заканчивать будешь где-нибудь в Сибири. В лагере.

Лицо у Деркача побледнело, вытянулось. Он хотел что-то сказать, но Савельев остудил его.

– Ты понял? Хвалить оружие противника – последнее дело. Кое-кто не поймет. Я сам в разведке немного послужил. Знаю. Так что, когда вдвоем с тобой чай будем пить, расскажешь. И то – с оглядкой. А больше – ни гугу. – Повторил: – Понял?

Деркач сглотнул слюну, внезапно заполнившую весь рот. Повел плечами, для чего-то оглянувшись, кивнул.

– Понял.

– Ну вот. Пулеметы хороши, но твоих слов я не слышал. – Потом добавил: – И смени позицию пулеметчика. А то эти тренировочные очереди немцы, что под танком сидели, небось засекли. Так что первая мина в эту точку и прилетит. А место это оставь как запасную позицию. Потом в бою сориентируешься.

Деркач кивнул, многозначительно сказал:

– Все по всем вопросам понял.

Савельев повернулся к сопровождающим. Задумался о чем-то. Потом спросил:

– А как с питанием? Горячим бойцов успеваете кормить?

– Пока тихо – успеваем. Ну а если бой... тут уж не загадаешь, как будет, – ответил Стариков, почесав за ухом. – Есть другая проблема. Вши так заели – мочи нет. Вот бочку с трудом нашли. Одежку прожаривать будем. – Вздохнул. – Другой управы на эту гадость нет. Одна надежда – прожарка. А на это время нужно. Ежели завтра фашист день помолчит – успеем.

Савельев покачал головой.

– Да, это тоже проблема. Но, как говорится, на Бога надейся, а сам не плошай. – Обернулся к Деркачу. – Может, в ночь и начнете? Подальше в лес зайти можно, сверху чем-то прикрыть...

Деркач не согласился:

– Это ж не на час работы. Людям всю ночь не спать. А если завтра бой? Воевать лучше вшивым, чем сонным. Злее будем.

Савельев кивнул.

– Тоже верно.

Проводив комбата, ротный надолго задумался. Потом спросил Полякова:

– Слушай, я, может, что-то не то ляпнул, комбат вроде недовольный ушел?

Димка пожал плечами.

– А мне показалось, что ушел он очень даже довольный.

– Да? Ну ладно. Если что не так – переживем. – И добавил свое любимое: – Живы будем – не помрем. – Потом спросил неожиданно: – А что это он насчет танка говорил? Крестником каким-то тебя назвал?

Поляков пожал плечами.

– Да не бери в голову. Мелочи это.

– Мелочи... – недовольно протянул Деркач. – Для кого-то, может, мелочи. А для меня мелочей не бывает. Ну? Колись!

– Да что колоться? Я этот танк в первом же бою подбил. Ну и что?

Деркач вздохнул, покачал головой, похлопал его по плечу.

– Скромняга... Орден тебе за это причитается. Ладно, после победы получишь.

А с рассветом на роту обрушилась лавина огня. Минут двадцать сотни снарядов и мин перепыхивали нашу оборону. Поляков изо всей силы вжимался в дно траншеи. Понимал, что надо поднять голову, осмотреться, оценить обстановку. Но сил на это не было. Как будто ненасытный молох вжимал его тело в землю. И он не мог пересилить неведомо откуда навалившийся на него мучительный страх. Порой сверху сыпались земля, клочья дерна, песок. Стенки траншеи вздрагивали и гудели. Огонь был такой плотный, что свиста снарядов и мин почти не было слышно. Только взрывы. Не отдельное уханье разрывающихся боеприпасов, а сплош-

ной гул. Потом этот гул стал медленно удаляться. Немцы перенесли огонь в глубину обороны. Поляков приподнял голову. И вовремя – над ним уже навис Деркач. Крикнул в самое ухо:

– Ну как, живой?

Поляков скорее прочитал это по губам, чем услышал – уши заложило. Он отчаянно замотал головой, зажал голову руками. Перед ним мелькало лицо командира с открытым в беззвучном крике ртом. Он сел, облокотившись на стенку траншеи. Деркач ладонями плотно зажал его уши, надул щеки, и Димка понял, что нужно делать. Он поднатужился, как бывало в детстве, когда после купания в ставке надо было выгнать воду из ушей. Что-то внутри него щелкнуло, и слух возвратился. Окружающий мир ожил.

– Ну? – снова склонился к нему ротный. – Порядок? Давай вперед. Глянем, чего тут фашист наворотил.

И они двинулись по траншее. Вся позиция была изрыта разрывами снарядов. Но потери оказались меньше, чем можно было ожидать при виде той страшной картины, что представилась их глазам: трое убитых и шестеро раненых. Ранеными занимались санитары. Убитых быстро убрать не удалось: от немецких позиций на них уже двигались танки. Поляков начал считать: один, два, три... После девятого бросил – не до счета было. Удовлетворенно подумал: «Хорошо, что все на месте. Никто не сдрейфил, не рванул назад». Заорал что было мочи:

– Приготовиться к бою!

Но рота и без его команды готовилась.

Танки между тем открыли огонь. Снаряды летели поверх голов и взрывались где-то в тылу.

– На психику давят, – прохрипел возвратившийся Деркач. Спросил: – Ну, как у тебя? Порядок?

– Порядок.

– Вижу. Держись, я на КП.

Поляков молча кивнул.

Сорокапятки открыли огонь. Димка обернулся. Стреляли только две пушки. «Третью, видно, накрыли, – подумал он. – Хреново». И двинулся в сторону Ковбасюка. Нужно было проверить, как он справляется с новой должностью. Поляков бросил взгляд в тыл. «Может, третье орудие починили»? И челюсть у него отвисла: из леса выползли наши танки! Сначала не спеша, а потом чуть ли не все разом пыхнули выхлопными трубами, выпустив облачка сероватого дыма, и ходко рванули вперед. «Теперь посмотрим, чья возьмет»! Наши танки, легко преодолев траншею, вышли на поле боя. Началась танковая артиллерийская дуэль.

Вдали показалась вражеская пехота. Димке пора было приниматься за дело. Общие команды подавать было бессмысленно: кто их услышит? И он, двигаясь от бойца к бойцу, каждого просил не пулять в божий свет, а стараться вести прицельный огонь. Красноармейцы вели себя по-разному: одни действительно старались стрелять прицельно, другие просто палили вперед, подавляя навалившийся страх, некоторые же сидели на дне окопа.

– Ну что, страшно? – склонился к одному из них Поляков. – Давай вставай, стрелять надо.

Тот медлил.

– Ну!!! – прикрикнул Поляков. – Что, в штаны наложил? А мать твою и жену кто защищать будет? – Сменил тон. – Давай, давай. Ты ж знаешь, тут кто кого. Или ты, или тебя. Давай!

Подхватил бойца за ворот бушлата, помог встать. Тот припал к винтовке, выстрелил не целясь.

– Ну хоть так. Сноровка в бою придет.

На поле боя уже горели три наших танка и два фашистских. В это время из леса появился еще один наш танк. Большой, тяжелый. Казалось, не спеша перевалил через траншею, остановился, повел стволом. Грохнул пушкой. И сразу попал. Еще выстрел, снова попал. Пять выстре-

лов успел за несколько минут сделать этот красавец, и три немецких танка пылали ярким пламенем. Остальные попятились назад. «Во дает!» – воскликнул Поляков. И заорал:

– Приготовиться к атаке!

Странно, но страха в этот момент он не испытывал. Только азарт. Азарт боя. Может быть, это был тот азарт, который он ощущал в прошлой, победной контратаке, а может быть, это было чувство превосходства над теми, кто сидел на дне траншеи. Кто знает? Он уже готов был выскочить из окопа, чтобы увлечь за собой взвод. Но тут один из его пожилых бойцов дернул Димку за край шинели, крикнул, кивнув головой куда-то в тыл:

– Гляди, старшой!

Поляков обернулся. «Мать честная!»

На краю леса показалась наша кавалерия! Лошади теснились по всей опушке. Потом плотной колонной рысью двинулись вперед. Поляковские бойцы присели в окопах, и кавалеристы, легко преодолев траншею и рассыпавшись по полю лавиной, с шашками наголо и гиканьем понеслись вперед. Вот это была картина! У Димки от восторга дыхание перехватило. Но он быстро с этим справился и заорал что было мочи:

– Братцы! В атаку! Бей фашистов!

И сам ловко выскочил из траншеи, увлекая за собой подчиненных. Танки и кавалеристы оторвались от пехоты. Казалось, грохот боя переместился вперед, и они просто бежали. Задышавшись, падали, вставали и снова бежали навстречу врагу, будто не было там, впереди, смерти. А была только победа! Бежали молча, изо всех сил, словно боялись, что танкисты и кавалерия сокрушат вражью силу и одержат победу без них. Поляков на бегу успевал поглядывать на своих спешащих рядом бойцов и думал: «На этот-то раз назад из Малеева не уйдем!»

Вспомнил даже малеевского деда, которому обещал вернуться.

А потом... Потом ликование и ощущение праздника победы враз закончилось. Нашу кавалерийскую лаву как бритвой срезало. Она мгновенно поредела, рассыпалась. Будто наткнулась на невидимое препятствие. Стена огня встала перед нею. Всадники падали с коней. Лошади, не чуя хозяйской узды, бросились врассыпную. Кавалеристы залегли. А немецкие пулеметы строчили и строчили не переставая. Поляковцы, приблизившись к смертельной черте, тоже попали под сплошной огневой вал и вынуждены были залечь. Головы не поднимать. Загорелось еще несколько наших танков.

«Все, амба, – подумал Поляков. – Не взять нам на этот раз Малеево». А в небе показались фашистские самолеты. Они сверху поливали наступающих свинцовым дождем, сбрасывали бомбы и с воем уходили в высоту, чтобы их место тут же заняли другие. Казалось, этим фашистским ястребам не будет конца. И они, чувствуя полную безнаказанность, вели себя похотливо. Некоторые на бреющем полете опускались почти до самой земли, пролетая чуть ли не по головам наших бойцов. И стреляли, стреляли, стреляли...

Поле было ровным, и каждый его метр оказался пристрелянным фашистскими пулеметчиками и снайперами. Повсюду лежали бездыханные тела красноармейцев. Слышны были стоны раненых.

Но некому было оказать им помощь. Стоило кому-то поднять голову или зашевелиться, лавина огня обрушивалась на это место. Так прошло несколько часов. Помощи ждать было неоткуда. Оставалась одна надежда – темнота. Но до вечера было еще далеко.

Немцы тоже затаились у себя. Видно, и им наступать было нечем. И по залегшим красноармейцам они из пулеметов палить перестали. Но их снайпер работал четко – головы не поднимать.

– Димон, Димон, – услышал Поляков чей-то голос.

Осторожно повернул голову. Семёнов. «Уже и панибратство пошло, как на эшафоте перед казнью. Там же все равны: и генерал, и рядовой, – подумал Димка. – Да не время сейчас уставы читать. Может, и правда перед смертью».

– Ну, – откликнулся он.

– Тут метрах в трех за тобой и чуть левее воронка здоровая. Я щас каску подниму, пока они в нее палить будут, рвани туда. Потом я так же. Там и договоримся, шо дали делать. Лады?

– Лады.

– Когда готов будешь, дай знать.

Поляков собрался, приготовился к броску. Крикнул:

– Готов!

Через несколько секунд хлопнул выстрел. Но Поляков был уже в большущей воронке. Сел на дно, смахнул со лба пот. И тут же услышал:

– Здоров?

– Здоров. Как ты?

– Я тоже. Ты, когда каску поднимать будешь, дай знать.

– Добро.

Поляков набросил каску на штык, поднял винтовку, одновременно крикнув:

– Давай!

Через несколько секунд Семёнов тяжело плюхнулся в воронку к Димке. Бросил винтовку, сел, тяжело выдохнул. Перекрестился, сказал:

– Ну вот. На все божья воля. Живы.

Только потом взглянул на Полякова. Спросил:

– А вы как?

Как будто и не было панибратского «Димона».

Поляков показал ему свою каску с дыркой.

– Точно бьет, сука.

Семёнов показал свою. Тоже дырка, но сбоку.

– А в меня похуже. Но будь голова в ней – амба! – Помолчал. – Дальше-то что?

Димка пожал плечами.

– Дальше ты таким же макаром к нашим подашься. Тут чуть в сторонке и ближе к нашим лошадка лежит, за нее схоронишься, потом присмотришь еще что-то. Здесь все поле воронками перепахано. Я помогу. Мне каски не жалко.

– А ты? – удивился Семёнов.

– А мне никак нельзя. И взвод, и вся рота тут. Получится, что один я сбежал. Я уж дождусь темноты да со всеми отходить буду. Тут, в этой яме, – он похлопал ладошкой по дну воронки, – сутки сидеть можно. А ты там доложишь, как рота погибала. Такие, брат, дела.

– Не, – замотал головой Семёнов. – Так дело не пойдет. – Вместях, так вместях.

Но Поляков настоял на своем.

Семёнов рванул-таки к лошади, оттуда крикнул, что жив и не ранен. Потом он и до своих добрался успешно. А в каске Полякова появилось пять новых дырок. К вечеру в поляковской воронке собралось шестеро. Все по «почину Семёнова», как определил этот прием Димка. Сам он немного пострадал: одна пуля, пробив каску, попала в штык винтовки и срекошетила в голову. К счастью, прошла по касательной, только содрал кожу у виска. Особого вреда здоровью не нанесла, но кровь залила всё лицо. По темноте бойцы кто как: ползком, перебежками, а то и бегом – возвратились на свои позиции. Утащили вместе с санитарями с поля боя и раненых. До убитых дело не дошло. Ночь прошла спокойно.

А утром немцы снова оживились, пошли в атаку. Впереди танки. Однако повторилась картина прошедшего дня. Из лесу выкатился наш тяжелый КВ. И сразу изменил картину боя. Несколько выстрелов – и фашисты попятнулись, оставив на поле несколько пылающих машин. А КВ продолжал не спеша палить по немецким позициям.

– Напрасно он так, – прохрипел припавший к биноклю Деркач. – Немцы вояки серьезные. Найдут на него управу. Закопаться бы ему, а не выставляться, как на параде.

Танкисты как будто чувствовали свою безнаказанность и, видимо, бравировали этим. Несколько снарядов уже попали в танк, оставив на нем отметины, но пробить броню не смогли.

– Напрасно, напрасно, – морщился Деркач. Вздохнул. – Ладно. Помог с танками и хорошо. А нам теперь с пехотой управиться надо. – Снова вздохнул: – Жаль, людей маловато осталось... А во втором взводе и ни одного командира. Ну давай, шуруй тут, а я пошел. Гляну, как они там.

И Поляков тоже двинулся по траншее. Потери были большие. Во взводе осталось семнадцать человек, но на дне окопов никто не отсиживался.

– Без команды не стрелять, – дал Димка команду. И добавил уже не так громко: – Подпустим ближе, чтобы бить наверняка.

Метров за сто до наших позиций немцы перешли на бег. Вот тут их и встретили огнем. Поляков не ограничился наблюдением за полем боя, а, удобно пристроившись в окопе, стрелял по мелькавшим в прицеле грязно-зеленым фигуркам. И удовлетворенно кивал головой, когда после выстрела они падали. Стрелок он был отменный. Справа от него ловко управлялся с пулеметом пожилой узбек Салимов. «Молодец», – подумал Поляков о пулеметчике, который не спеша, короткими очередями бил точно в цель. И скоро немцы залегли, а потом и вовсе попятились назад.

До вечера рота отбила еще три вражеские атаки, не понеся существенных потерь.

И третий день боя не принес немцам успеха. Все их попытки атаковать были отбиты. Жаль только наш КВ, так много сделавший для успешной обороны. Он сгорел: немцы нашли-таки на него управу – тяжелый снаряд разворотил броневую защиту танка. Лишь одного члена экипажа легендарной машины удалось спасти, остальные погибли.

Следующее утро выдалось тихим. Видимо, и немцы выдохлись – не атаковали.

К полудню небо затянули черные тучи, пошел дождь. Сначала мелкий, а потом будто небо обрушилось на землю – ливень затопил все вокруг. В траншею, как в корыто, дождевая вода сбегала ручьями, и скоро бойцы стояли по колено в воде. А куда было деваться?

Немцы под дождем тоже не атаковали. Наступило небольшое затишье.

Дождь, почти не переставая, шел целые сутки.

На следующий день в полк прибыло пополнение. Остатки деркачевской роты отвели в тыл. Там бойцы смогли обсушиться и обогреться. Закашляла почти вся рота, но серьезно никто не заболел. Пришло время возвращаться на передовую. Дожди прекратились. Ночью уже подмораживало, но это никого не пугало – наша армия перешла на зимнюю форму одежды. Красноармейцы не только просушили промокшее обмундирование, но и тепло оделись.

В первых числах ноября легкий морозец не отпускал уже и днем. Дождь сменился снегом. Поле сразу побелело, хотя снегопад не был сильным. Редкие снежинки кружились в воздухе, мягким ковром устилая землю. Такая погода только радовала бойцов. «Вот теперь фашисты почувют русскую зиму, – шушукались они. – Посмотрим, как эти гады на снегу со льдом попляшут». Они видели, как легко были одеты фашисты.

Вечером в расположении роты появился командир полка комбриг Калашников. Он прошел по позиции, поговорил с прибывшей молодежью. Похвалил Деркача за подготовку к обороне. Напомнил, что оборона – это хорошо, но и к наступлению надо готовиться. Потом обернулся к Савельеву:

– Что-то не вижу я автоматчиков. А ведь мы партию автоматов недавно получили.

Комбат пожал плечами.

– Не видел я ни одного.

Лицо комбрига покраснело. Он потоптался на месте, обернулся к сопровождавшим его командирам. Спросил:

– Где зам по тылу? Где Селихов?

Ответом было молчание, потом отозвался начальник штаба:

– Так он на командном пункте остался.

Калашников обратился к стоявшему поодаль ординарцу:

– Коля, кто тебе автомат выдал?

Тот пожал плечами:

– Так в штабе я его получил, как все...

– Как все, говоришь? – помрачнел Калашников. Обернулся к начальнику штаба: – Где связь? Телефон!

Связист подскочил к нему.

– Есть связь, товарищ комбриг! Кого вызвать?

– КП давай! – подождал ответа. Крикнул в трубку: – Комета? Комета? – Плюнул: – Тьфу!.. Где твой автомат, Трубников? – Дождался ответа. Отдал трубку связисту. Лицо его пошло пятнами, щека задергалась в нервном тике. Помолчал, справляясь с волнением. Сжал зубы так, что они скрипнули. Поднял глаза, обвел ими присутствующих, остановился на начальнике штаба. Губы его подрагивали. – Так, – сказал он, все еще пытаюсь унять охватившую его злобу и снизив голос почти до шепота. Шепот казался зловещим. – Так. Значит, штабным автоматы, а здесь, в окопах, и винтовка сойдет? – Да я тебя!.. – Не удержался, сорвался на крик: – Я тебя к стенке! Понял? К стенке!!! – Схватил начштаба за ворот шинели. – Уже не кричал – орал: – Ты понял? Понял?

Савельев бросился к нему.

– Товарищ комбриг, товарищ комбриг! Успокойтесь. Ну успокойтесь же! – тоже кричал он, пытаюсь оторвать руки комбрига от начальника штаба.

Тот, белый, как только что выпавший снег, сам с трудом вырвался из рук командира. Губы его дрожали, голос срывался:

– Иван Сергеевич, Иван Сергеевич. Я вооружением не занимаюсь, автоматы не распределяю. Я... я... – Он не мог говорить, голос его дрожал.

Калашников разжал руки, отвернулся. Наступила гробовая тишина. Минуты три все молчали. Командир полка обернулся, ему почти удалось совладать с собой. Глухим голосом он сказал:

– Прости. Нервы... – Перешел на командный тон: – Я пока здесь разберусь. А ты – на КП. Найди Селихова, передай: все автоматы – на передовую. Сюда, в окопы! Все! До единого! Кого увижу в штабе с автоматом – застрелю! Понял? – Снова не удержался, перешел на крик: – И самого его не пощажу! Понял? Все сюда! – Вздохнул. Достал носовой платок, дрожащей рукой смахнул пот со лба. – А бумажки в штабе и с винтовкой писать можно. – Добавил: – Ты понял? Немедленно все исполнить. – Устало махнул рукой. – Все. Иди уж.

* * *

Настал декабрь. Снега не было, но холодный северный ветер гнал по улицам пыль, забирался в рукава одежды и охлаждал не только руки – душу!

Екатерина Ермолаевна зашла в дом, зябко поежилась, тяжело вздохнула. Не было ей покоя. В доме из продуктов остались только картошка да полбутылки подсолнечного масла. Подошла к мужу:

– Что делать, Федя? Есть совсем нечего. Хоть помирай. – Помолчала. – Да нам, может быть, и пора. А Юрочка с Леной? Им-то за что такое горе?

Не успел Фёдор Николаевич ответить, как в дом вошла Лиза. Раскраснелась. Ловко сбросила с плеч демисезонное пальтишко, заулыбалась, обняла маму, поцеловала ее и счастливо засмеялась.

Екатерина Ермолаевна отстранилась от дочери.

– Чего это ты? – С упреком взглянула на Лизу. – Мы тут с отцом горюем – есть нечего! А ты? С чего веселье такое? – Смягчила взгляд. – Или весточка добрая есть? Не от Димы ли?

Взгляд у Лизы враз потух. Она отрицательно качнула головой, нахмурилась, вздохнула:

– Нет. От Димочки ничего. Ничего на базаре о Димочке не говорят. – И тут лицо ее вдруг снова посветлело, как-то сразу глаза загорелись, сверкнули, и она радостно сообщила: – Я Сашу Беленко там встретила!

Екатерина Ермолаевна с упреком взглянула на нее:

– И што? С чего радость-то такая? Муж невесть где, а ты чужому мужику рада? Счастье какое – Сашку встренула!

Лиза снова обняла маму. Сказала:

– А вот есть радость. Есть. – Помолчала, испытующе переводя взгляд с одного на другого, и выпалила: – Под Москвой наши наступают. Погнали фашистов от Москвы. Бегут они, только пятки сверкают! – И торжественно закончила: – Вот какая у нас радость!

Екатерина Ермолаевна облегченно вздохнула:

– Ну, слава Богу. Правда радость.

Фёдор Николаевич поддержал:

– Это правда радость. Наконец-то... – Покачал головой. – Жаль, что сначала столько дров наломали. Сколь земли фашистам отдали... Что в наступление пошли – хорошо. Только идти теперь далече. Не просто будет отвоевать то, что профунили. За год не отвоеешь, а есть каждый день хочется... Такие вот дела.

Екатерина Ермолаевна возмутилась:

– Что ты, дед, тоску нагоняешь? Отступали – плохо, наступаем – опять плохо! Когда ж хорошо будет?

– Ты, Катя, успокойся. Я и говорю: хорошо, что наступаем... Но есть что будем? – И к Лизе: – Удалось чего продать, дочка?

Лиза потупилась:

– Не удалось. Ничего за нашу одежду не дают. Булки хлеба не купишь! А тут Сашу встретила, он мне про наступление рассказал, вот я сразу домой и побежала, вас обрадовать. – Она с упреком взглянула на родителей. – А вы как будто и не рады.

– Да как же не рады? – Екатерина Ермолаевна всплеснула руками. – Рады, доченька, очень рады. Только и папа прав – есть-то нечего. Мы с отцом старые и на картошке проживем, а ты? – Она взглянула ей в глаза. – А Лена с Юрочкой? Им как быть-то? – Покачала головой. – Так ить и помереть недолго.

Радость в Лизиних глазах померкла. Она испуганно взглянула на родителей. Прошептала, как эхом отозвалась:

– Помереть? Как помереть?

Екатерина Ермолаевна вздохнула.

– Ну как помереть... Как помирают. Ты взгляни на Юрочку. Кожа да кости. Ни капельки жирочка нет. Никаких жизненных запасов... В чем только душа держится?

Лиза присела к столу. Задумалась, запечалилась. Радость из нее как будто вся мигом испарилась. Как воздух из сдувшегося воздушного шарика. Она тяжело вздохнула. Что же делать? Где выход? Ничего путного в голову не приходило. Фёдор Николаевич остановился напротив Лизы, сказал:

– Вот что, бабоньки. Менять надо.

Лиза в недоумении подняла на него глаза.

– Что менять?

Отец пожал плечами:

– Да все менять. Барахло наше всякое: одежду, скатерки, простынки – все! На продукты.

Екатерина Ермолаевна попыталась что-то сказать, но Фёдор Николаевич остановил ее:

– Погоди, Катя. – И к Лизе: – Такие, значит, дела. Мы, городские, до войны все жалились друг дружке, что тяжко нам живется. На самом-то деле жили мы совсем даже не тяжко: отработал от сих до сих и гуляй, Федя. Зарплату получил – пошел, купил, что надо. Ну прям кум

королю! А колхозник? Пашет, бедный, от зари до зари. И, почитай, за хлеб и воду. Сколько там на трудодни заработаешь? Да не деньгами, а продуктами. Ими же самими и выращенными. Ну и со своего небогатого хозяйства в придачу. Этим и жили. От урожая до урожая на прокорм худо-бедно хватало. А одежки – пшик! Нету у колхозников более-менее нормальной одежки, одна роба рабочая. Вы ж до войны видели: попал крестьянин в город – сразу видно: деревня! Зато крестьянин кое-какие припасы на зиму имеет: ему ж до лета-осени жить чем-то надо. И свое кое-какое хозяйство: и огородишко, и куры-яйки, и поросята. Конечно, сейчас всего этого добра поубавилось: и нашим на фронт отдали, и супостат колхозника пообобрал. Но не те люди наши селяне, чтобы все до крохи отдать. Приберегли кое-какие припасы, приберегли. Вот и надо сейчас в деревню податься, вещички наши городские на продукты обменять, пока они еще есть у деревенских. Такое мое мнение.

В комнате повисла тишина. Фёдор Николаевич не выдержал:

– Так что скажете, женщины?

Екатерина Ермолаевна зябко повела плечами:

– Кто ж это пойдет? В такое время? Боязно...

– А помирать не боязно? Не одни мы здесь голодные. Собраться надо. Что б несколько человек: три, четыре. Чтoб артелью. Гуртом-то и батьку бить сподручно. А менять... Да далече и идти не надобно. За город вышел – пару километров, и вот оно – село. – Помолчал. – Не знаю, как вы, а я другого не вижу. И тянуть с этим нечего. Не мы, так другие сподобятся. Собраться надо и идти. Вот мой сказ.

Лиза оживилась. Идея ей сразу понравилась. «Что ж тут сидеть, – подумала она, – ждать у моря погоды. Дети действительно отошдали, смотреть на них страшно. А папка умный какой!» В голове тут же завертелись имена – кого можно взять в артель. Да и Мотыка вымахал в мужика – запросто с нами пойти может!

На следующий же день и собралась компания: Лена, Марина, Оксана и сама Лиза. Четверо. Нормально. Матвея и Валентина решили не брать, побоялись. Ребята они, хоть и не мужики еще, но рослые, здоровые. Здесь-то, в своем городе, все их знают: дети. А в других незнакомых местах неизвестно, как к ним отнесутся полицаи да разные патрули немецкие. Запросто могут за партизан принять и арестовать. А это, почитай, все равно, что со смертью в жмурки играть.

Екатерина Ермолаевна собрала котомку: кое-какие Лизины старенькие вещи, такие же старенькие, но целые, не штопаные пиджаки и брюки Фёдора Николаевича, Димы. Лиза закинула за спину непривычный груз, повела плечами, даже присела пару раз – вроде к земле не тянет, движения не сковывает, можно идти.

Собралась компания у Калугиных на следующий день около семи утра, светать уже начало. Слов особых не говорили – все с вечера говорено-переговорено. Екатерина Ермолаевна на прощание обняла девчат по очереди, перекрестила, вдогонку прошептала «Храни вас Господь», и маленький отряд тронулся в путь. А она долго стояла у калитки с непокрытой головой. Студеный ветерок не трепал, а, казалось, ласкал ее волосы, слегка шевеля поседевшие пряди. Екатерина Ермолаевна нетерпеливо сдвигала их со лба, вглядываясь в удаляющиеся и тающие в утренней дымке фигуры, а губы беззвучно шептали только ей ведомые слова отсутствия.

На вечернем собрании было решено идти на восток, в сторону Красного Луча, а там – как бог даст, по обстановке. Исходили из того, что раз немцы туда позже пришли, меньше обобрать крестьян успели. Шли по большаку, никто их особо не беспокоил. Да и не одни они тянулись на восток. Устали с непривычки быстро – часам к одиннадцати с ног валились. А прошли-то всего ничего, километров двенадцать. Вдали слева показались домики. Оксана оживилась:

– Девки, слева – это Малоорловка, мы с папой там в прошлом году были у тети Нюры. Пошли. Она и накормит, если есть, конечно, чем. И подскажет, куда нам дальше двигаться. А может, в этой Малоорловке и поменяем кое-что. Даже у тети Нюры.

И они повернули к Малоорловке. Окна и двери дома тети Нюры были крест-накрест забиты нестругаными досками. Вокруг дома тишина и запустение. Видно было, что хозяйка давно покинула это жилище. Оксана растерянно озиралась, словно чувствуя свою вину перед спутницами.

Разбитная и бойкая Марина похлопала ее по плечу.

– Не журись, казачка, где наша не пропадала! Шас найдем кого-нибудь, спросим, куда родственники твои подевались. – Вздохнула, утерлась рукавом и продолжила: – Хотя и так понятно: в эвакуацию они подевались. Это ж ясно как божий день. Но другие-то люди здесь остались? Пошли к соседям.

Соседка Клава подтвердила: тетя Нюра со всем семейством давно отбыла на восток. А куда? Да кто ж его знает. Впрочем, девчат это не так уж и интересовало. Тетя Клава вспомнила Оксану и отнеслась к ней как к родной. Запричитала:

– Как же ты, детонька, в такое время опасное неведомо куда собралась? Подружки – дело хорошее, ну а случись что? Сейчас по степи кто только не шастает: и бандиты разные, и эки беглые, из тюрем-то поразбегались, да и наши из окружения выходят, холодные, голодные как волки, тоже обидеть могут. А полицаи: этим вообще закон не писан – решили, что им теперь все можно. Стрельнут и баста: кто с них что спросит? А спросит, скажут: партизана убил. Еще и в очередь за орденами или, того хлеще, за продпайком к немцу побегут. Тяжкие времена, ох, тяжкие времена настали. – Она покачала головой, закручинилась так, что слеза прошибла. Смахнула ее со щеки, продолжила: – Ну, а немец... или румын какой... в чистом поле встретит, стрельнет и все. С него-то какой спрос? – Помолчала, задумавшись. – Так что не время расхаживать по дорогам нашим. Ох, не время.

Оксана согласилась:

– Да знаем мы, тетя Клава, что не время. Но ведь не гулять мы идем. Нужда заставляет. В городе люди от голода пухнут. Куда ж нам деваться? Вон у Лизы, – она кивнула на подругу, – двое деток. Мал мала меньше, а кормить нечем. Вот и решили мы одежду на продукты поменять. Прихватили у кого что есть. Без этого – ну никак. Хоть ложись и помирай. – Она шмыгнула носом. Посмотрела на Клаву виноватым собачьим взглядом. Вздохнула и закончила: – Такие наши дела.

Тетя Клава задумалась. Обвела девушек взглядом, протянула:

– Да, дела...

А потом и помогла. Не шибко разгулялись в Малоорловке девчата, но кое-что поменять им Клава помогла. И сама поучаствовала.

Лиза вздохнула: хоть что-то, но уже есть. Не зря пошли. Осталось решить: домой возвращаться или дальше двигаться. Совещались. Лиза была за продолжение операции «Обмен», как шутливо прозвали они свой поход. Конечно, наменяли они немного. Но у Лизы в котомке уже был кусочек сала, десяток яиц и килограмм пять пшена. Можно было еще картошкой разжиться, но Клава сказала:

– Этого добра сейчас везде можно набрать. Не спешите. Если домой пойдете – будь ласка, и картопли дам. А если нет, то чего посытнее просите. Так-то лучше будет.

У Лизы на обмен осталось Танюшкино красивое платье и две блузки. Примерно так же и у других. Не хотели они со своими вещами домой возвращаться. Хоть и прошли немного девчата, но с непривычки устали. К тому же вечер надвигался. Зима, пока ходили они по хатам, стемнело. Решили: утро вечера мудренее. Благо тетя Клава всю бригаду решила оставить на ночь у себя.

Пужинали скромно, чем бог послал, а точнее, тетя Клава, и улеглись: Лиза с Оксаной на печи, Лена с Мариной в горнице на полу.

На печи было уютно, тепло. Уголек у тети Клавы с довоенной поры на год припасен был, а печку топить она умела. Так, чтоб тепло было, но не жарко. Лиза с удовольствием сбросила с

себя верхней одеждой, комбинашку и, свернувшись калачиком под боком у Оксаны, подумала: с дороги и усталости вмиг заснет. Ан, не тут-то было. Хоть и разморило ее в тепле, а сон не шел. Не шел, хоть ты чего хочешь делай. Поплыли воспоминания. Как в Москву перед войной ездила, как гуляли по Красной площади, как с Димой прощалась, а потом в переполненном вагоне домой ехала. И Юрочка. Конечно, Юрочка. Как он заблудился, и они в эвакуацию не уехали, как Коля у них в доме появился, его арест. И Сашка Степанко. Как будто он выстрелил в нее. В бок что-то сильно кольнуло. Она вскрикнула, вскочила, больно ударившись головой о низкий потолок, испуганно оглянулась по сторонам, не понимая, где она.

– Ты что? – всполошилась Оксана. – Приснилось что-то?

Оказалось, что Лиза незаметно для себя все-таки заснула. Вот сон и приснился. Она не сразу сообразила, где и с кем на печи спит. А сообразив, подумала: «Надо же, чтобы этот придурок и здесь мне приснился». Сердце тревожно заныло. Не случилось ли дома чего нехорошего. Пока по дворам ходили с одежонками своими обменными, некогда ей было ни о чем думать, а теперь мысли о родных, о детях не отпускали ее. Не зря Сашка грозился разобраться с ней и с детьми, ой, не зря! А что делать, что делать? Вот тут она и решила: во-первых, с Сашей Беленко об этом поговорить надо, может, он сумеет Степанко отправить куда-нибудь из города. А во-вторых, и сама она должна с детьми исчезнуть из родного дома. Хотя бы сюда, к тете Клаве перебраться. Этот придурок Степанко все равно не оставит ее в покое. Приняв решение, Лиза немного успокоилась. Вздохнула и шепнула подруге:

– Спи, Саночка, спи. Сон дурной приснился.

И сама быстро заснула.

Утром девушки решали, как быть: возвращаться или дальше идти. Тетя Клава послушала их, потом сказала:

– Раз уж пошли, так чего с полдороги вертаться? От Енакиева вашего прошли вы всего-то ничего: верст десять-двенадцать, не боле. А вам харчи нужны. Значит, идти надо. Тут прямо по дороге, я покажу где, три села рядом: Михайловка, Степное и Орловка-Ивановка. Да и Новоорловка недалече. В Михайловке у меня сестра Татьяна живет. Привет передадите, она поможет. Очень запасливая женщина. Если глянетесь ей, хорошо поменяете свое добро и у нее, и в других местах. Она людей знает, подскажет, к кому идти. Так что решать вам, но мой совет: если уж вышли, то идтить надо, а не байдыки бить: туда-сюда без толку мотаться. Вот мой сказ.

И они пошли.

Домой возвратились на четвертый день. Усталые, но довольные. Первая вылазка показала им удачной. То, что без толку пылилось в шкафах и сундуках, обернулось добротными продуктами. Немного они наменяли, но той голодной зимой каждый кусок хлеба был на вес золота. На вес жизни.

Екатерина Ермолаевна, обычно сдержанная, старательно прячущая свои эмоции, не выдержала. Она встретила Лизу у самого порога, как будто именно здесь и ожидала ее все эти дни, обняла, прижалась всем телом и заплакала. Лиза не видела материнского лица, но ее слезы катились и по Лизиним щекам, а вздрагивающие от рыданий плечи старой женщины как будто передавали дочке ее боль и отчаяние безысходности. Так и стояли они, обнявшись, как единое целое, словно символизируя вселенское горе, опустившееся на их Родину.

Потом Калугины разбирали Лизины продукты. Дети крутились тут же. Лиза горевала: ничего вкусенького, сладенького деткам принести не удалось. На радостях Лиза сразу не заметила, что голодным огнем ни у кого из родных глаза не горят. Потом заметив, не обрадовалась за них, а немного расстроилась. За себя. Она-то думала, что продукты, таким трудом добытые ею, родители, Мотья и в первую очередь дети прямо из мешка в рот потянут! А тут... Конечно, рады все. Но как-то очень уж спокойно, по-деловому отнеслись к Лизиной добыче. Она расстроилась. С обидой сказала:

– Вы что, не рады? Зря я старалась? У вас что, все это уже есть? С избытком? Кто ж это вас так накормил?

Слезы обиды выступили на ее глазах. Она села, опустив голову, прошептала:

– Выходит, зря я старалась?

Екатерина Ермолаевна подошла к ней сзади, обняла за плечи, прошептала:

– Не зря, донька, не зря.

Фёдор Николаевич присел на табуретку рядом с дочкой. Сказал жене:

– Ты погоди, старая. – Убрал ее руки с плеч Лизы и продолжил: – Тут такое дело: Мотька позавчера ночью приволок откуда-то килограмм тридцать мяса. В подполе, в леднике, спрятали. Ну вот и наелись. Вчера и сегодня тоже. Сытые, стал быть. Но это ж дело случая. А зима длинная, может, и не одну под немцем будем. Так что по любому не зря ты мыкалась по селам. И твои продукты нужны. Тем боле, не будем же мы одним мясом питаться. Ты, дочка, не переживай, все, что в дом, то в дом. А война не завтра закончится. Такие вот дела. А ты молодец. В наше время разжиться и салом, и яичками, и пшеном – это большое дело. – Помолчал. – И Мотька молодец. Это он мулятины притащил. – И, уловив удивленный взгляд Лизы, пояснил: – Ну, мясо мула. Это что-то вроде осла такого итальянского. Или помесь осла и лошади. У нас этой живности мало, а за границей, говорят, в порядке вещей. Ну да не в этом дело. В общем, притащил Мотя мяса. А где взял, не говорит. – Помолчал, пожевал губами. – Да это и так ясно. Украли пацаны этого мула. Но что интересно: никто за ним не кинулся, не искал. Даже этот паразит Степанко к нам не зашел, не спросил, не Мотькина ли это работа.

Вмешалась мама.

– Да не спросил, потому как нету его в городе. Видно, послали куда-то людей стрелять. Он-то до этого охоч. Вот и не зашел к нам. А то бы, не сомневайтесь, уж был бы здесь как миленький. – Она вздохнула. – О-хо-хо... Надо бы мясо это перепрятать. Сашка все места наши знает. Вернется, если речь об этом осле зайдет, не миновать нам беды. Ты бы, Лиза, поговорила с Мотей. Он небось знает, куда спрятать можно. Конечно, чтоб не пропало. А то помрем с голоду. Зима, правда, не лето. Не должно протухнуть.

Лиза молчала. «Вон оно что, – думала она. – Ясно, Мотькина работа. Только вот непонятно: мул этот наверняка итальянский. Мотька с Валентином все около них крутятся. И там же воровать? Мул не зажигалка какая-нибудь паршивая, искать должны. Нет, тут что-то не так. Ладно, – решила она. – Прибежит Мотя, разберемся. А мясо, и правда, перепрятать надо». И куда – она примерно знала. Но опять-таки все вместе с Мотей.

А насчет того, что вроде зря она по селам моталась, вещи меняла, Лиза и думать перестала. Все пригодится!

Она успокоила родителей, взяла на руки Юрочку, прижала к груди, зацеловала. С наслаждением вдыхала аромат его тела. Лизе казалось, что приятнее запаха она никогда в жизни не знала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.